

Уровень жизни населения регионов России

№4 (214) / 2019

Издаётся с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.24411/ISSN. 1999-9836

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономических проблем народонаселения
Российской академии наук (ИСЭПН РАН).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 2 декабря 1996 г. № 015476.
Перерегистрирован 29 декабря 2017 г. ПИ №ФС77-72078.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бобков В.Н. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина А.А. — канд. экон. наук.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Юдина М.А. — научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

РЕДАКТОР ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Мачхелян Г.Г. — канд. экон. наук, доцент.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бобков В.Н. — главный редактор журнала «Уровень жизни населения регионов России», д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Бурак П.И. — д-р экон. наук, проф., директор АО «Институт региональных экономических исследований».

Волгин Н.А. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, советник директора ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Минтруда России.

Герций Ю.В. — канд. социол. наук, ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Минтруда России, директор по развитию региональных программ, председатель совета по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения.

Гонтмахер Е.Ш. — д-р экон. наук, проф., зам. директора Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Елизаров В.В. — кандидат экономических наук, доцент, научный руководитель и ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Калашников С.В. — д-р экон. наук, канд. психол. наук, проф., заслуженный экономист Российской Федерации, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике.

Куплин А.А. — д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики УрО РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Локосов В.В. — д-р социол. наук, профессор, Вице-директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНАЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....9

В.Н. Бобков, Н.В. Бобков
Неформальная занятость: идентификация и векторы преобразования. Дискурс на 14-ой ежегодной Международной конференции Европейской сети мониторинга регионального и местного рынка труда (EN RLMM) (г. Москва, 3-4 октября 2019 г.).....9

Л.А. Мигранова, Р.И. Попова
Влияние МРОТ на уровень и дифференциацию заработной платы в 2019 г.....21

Е.Г. Зленко
Развитие механизма регулирования низких доходов от занятости как направление повышения уровня жизни населения российской Арктики.....36

В.П. Полуянов, Е.В. Полуянов
Влияние урбанизации на благоустройство жилищного фонда в Российской Федерации.....47

Н.В. Аликперова, К.В. Виноградова
Финансово грамотное поведение россиян: факторы формирования.....54

Е.А. Черных
Безусловный базовый доход: отношение общественного мнения и финансово-экономические аспекты внедрения.....70

В.В. Елизаров, В.Н. Архангельский, Н.Г. Джанаева
Дифференциация оценок значимости мер помощи семьям с детьми.....85

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....97

О.А. Радченко
Качество образования как ключевой показатель уровня жизни населения (на примере статистического анализа системы образования Канады).....97

Одегов Ю.Г. — д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник научной школы «Теория и технология менеджмента» РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Рыбаковский Л.Л. — д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

Субетто А.И. — д-р филос. наук, д-р экон. наук, проф., советник ректора в Смольном институте РАО (Санкт-Петербург), заслуженный деятель науки Российской Федерации.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери М. — проф., доцент, Генеральный секретарь EURISPES (Институт политических, экономических и социальных исследований в Риме).

Хепп Р.-Д. — д-р социол. наук, профессор Свободного университета, г. Берлин, ФРГ.

Херрманн П. — д-р экономики, приглашенный научный сотрудник Института социального права и социальной политики им. Макса Планка.

Хусаинов Б.Д. — д-р экон. наук, профессор, Академик Казахской Академии естественных наук, директор Центра исследования мировой экономики.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Александрова О.А. — д-р экон. наук, зам. директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Архангельский В.Н. — кандидат экономических наук, заведующий сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Гулюгина А.А. — канд. экон. наук, заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России».

Квачёв В.Г. — канд. соц. наук, доцент Базовой кафедры ТПП РФ «Развитие человеческого капитала» РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Литвинов В.А. — д-р экон. наук, проф. кафедры «Безопасность жизнедеятельности» Московского городского педагогического университета.

Мацуляк И.Д. — д-р экон. наук, профессор кафедры «Экономическая теория» Государственного университета управления, засл. деятель науки Российской Федерации.

Мачхелян Г.Г. — канд. экон. наук, доц., редактор по международной информации журнала «Уровень жизни населения регионов России».

Мигранова Л.А. — канд. экон. наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Одинцова Е.В. — канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Пылькин А.А. — канд. фил. наук, доцент СПбПУ им. Петра Великого.

Хмелевская С.А. — д.ф.н, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ.

Юдина М.А. — ответственный секретарь журнала «Уровень жизни населения регионов России», научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Ярашева А.В. — д-р экон. наук, профессор РАН, заведующая лабораторией исследования поведенческой экономики Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Куклин, А.И. Цветков, Д.С. Епанешникова, И.В. Коробков
ВИЧ/СПИД как угроза демографической безопасности региона.....106

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....117

А.А. Пылькин, Н.А. Соколова
Проблема идентичности информатизированного человека с точки зрения интертекстуализма.....117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....123

А.И. Субетто
Слово о Святославе Ивановиче Григорьеве.....123

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России».....101

**За аутентичность фактического материала
ответственность несут авторы.
Взгляды, выраженные авторами, не обязательно
отражают точку зрения редакции.**

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.

Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187

Подписано в печать 09.12.2019.

Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 333.

Адрес редакции: Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.

Телефон +7 499 125 1751

Электронный адрес: vcugjournal@mail.ru Веб-адрес: http://vcugjournal.ru

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство Шелест»

Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164

Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirzhka@mail.ru

Тел. +7 904 317 7693, +7 963 548 5143

Living Standards of the Population in the Regions of Russiya

No 4 (214) / 2019

Issued since 1992

on a quarterly basis

DOI: 10.24411/ISSN. 1999-9836

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socioeconomic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS).

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.

Reregistered PI No. FS77-72078, December 29, 2017.

EDITOR-IN-CHIEF

Bobkov, VN — Editor-in-Chief of the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russiya», Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Rossiyskaya Federatsiya, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Studies of Population, Russian Academy of Sciences.

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Gulyugina, AA — PhD in Economics.

EXECUTIVE SECRETARY

Yudina, MA — Research Worker at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences.

INTERNATIONAL INFORMATION EDITOR

Machkhelyan, GG — PhD in Economics, Associate Professor.

EDITORIAL COUNCIL

Bobkov, VN — Editor-in-Chief of the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russiya», Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Rossiyskaya Federatsiya, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Studies of Population, Russian Academy of Sciences.

Burak, PI — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Regional Economic Research.

Volgin, VN — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Rossiyskaya Federatsiya, Adviser to Director General of the All-Russia Scientific Research Institute of Labour.

Gertsy, YU V — PhD in Sociology, Professor, Director for the Development of Regional Programs, Chairman of the Council for Professional Skills in the Field of Labour Safety, Social Protection and Employment at the All-Russia Scientific Research Institute of Labour.

Gontmakher, YE Sh — Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Yelizarov, VV — PhD in Economics, Associate Professor, Scientific Director and Leading Research Worker of the Centre for the Study of Problems of Population, Economic Faculty, MV Lomonosov Moskva State University.

Kalashnikov, SV — Doctor of Economics, PhD in Psychology, Professor, Honoured Economist of the Rossiyskaya Federatsiya, First Deputy Chairman of the Committee for Economic Policy of the Council of the Federation.

Kuklin, AA — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker. Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Honoured Science Worker of the Rossiyskaya Federatsiya.

Lokosov, VV — Doctor of Sociology, Professor, Acting Director, Institute of Socioeconomic Studies of Population, Russian Academy of Sciences.

Odegov, YU G — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker of the Scientific School «Theory and Technology of Management», GV Plekhanov Russian University of Economics.

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S COLUMN.....5

ECONOMIC RESEARCH.....9

Bobkov, VN, Bobkov, NV

Informal Employment: Identifying, Place and Role, Vectors of Transformation. A Discourse at the 14th Annual International Conference of the European Network on Regional Labour Market Monitoring (EN RLMM) (Moskva, 3–4 October 2019).....9

Migranova, LA, Popova, RI

Impact of the Minimum Wage on Wages and Wage Inequality in 2019.....21

Zlenko, YeG

Development of the Mechanism for Regulating Low Income from Employment as a Trend of Increasing the Living Standards of Population of the Russian Arctic.....36

Poluyanov, VP, Poluyanov, YeV

Influence of Urbanization on Improvement of Housing Fund in the Rossiyskaya Federatsiya.....47

Alikperova, NV, Vinogradova, KV

Financially Competent Behaviour of Russian People: Factors of Forming.....54

Chernykh, EA

Unconditional Basic Income: Public Opinion Attitude and Financial and Economic Aspects of Implementation.....70

Yelizarov, VV, Arkhangel'skiy, VN, Dzhanaeva, NG

Differentiation of Assessments of Significance of Measures of Assistance to Families with Children.....85

SOCIOLOGICAL RESEARCH.....97

Radchenko, OA

The Quality of Education at a Key Factor of the Population's Living Standards (Exemplified by the Statistical Analysis of the Canadian Education System).....97

Rybakovskiy, LL — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Institute of Socioeconomic Studies of Population, Russian Academy of Sciences.

Subetto, AI — Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Rossiyskaya Federatsiya, Vice President of the Sankt Petersburg Branch of the Academy of Quality Problems. Adviser to Rector of the Smol'nyy Institute, RAE (Sankt Peterburg).

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, M — Professor, Docent, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES).

Hepp, R-D — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany.

Herrmann, P — Doctor of Economics, Visiting Researcher at the Max Planck Institute for Social Law and Social Policy in Munich.

Khusainov, BD — Doctor of Economics, Professor, Academician, Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Director of the World Economy Research Centre.

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aleksandrova, OA — Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences.

Arkhangel'skiy, VN — PhD in Economics, Head of the Sector of the Centre for the Study of Problems of Population, Economic Faculty, MV Lomonosov Moskva State University.

Gulyugina, AA — PhD in Economics, Deputy Editor-in-Chief of the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russiya».

Kvachyov, YG — Associate Professor, Base Chair of Chamber of Commerce and Industry «Development of Human Capital», GV Plekhanov Russian University of Economics.

Litvinov, VA — Doctor of Economics, Professor of the Safety and Vital Activity Chair at Moskva City Pedagogical University.

Matskulyak, ID — Doctor of Economics, Professor at the Chair «Economic Theory», State University of Management, Honoured Science Worker of the Rossiyskaya Federatsiya.

Machkhelyan, GG — PhD in Economics, Associate Professor, International Information Editor of the Editorial Staff of the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russiya».

Migranov, LA — PhD in Economics, Chief Research Worker, Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences.

Odintsova, YE V — PhD in Economics, Leading Research Worker of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Studies of Population, Russian Academy of Sciences.

Pyl'kin, AA — PhD in Philosophy, Associate Professor, Pyotr Velikiy Sankt Peterburg Polytechnic University.

Khmelevskaya, SA — Doctor of Philosophy, Professor of the Chair of Philosophy, Natural Faculties of the Faculty of Philosophy, MV Lomonosov Moskva State University.

Yarasheva, AV — Doctor of Economics, Professor (Russian Academy of Sciences), Head of the Laboratory of Behavioral Economics Research, Institute of Socioeconomic Studies of Population, Russian Academy of Sciences.

Yudina, MA — Research Worker at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Studies of Population, Russian Academy of Sciences.

CONTENTS

Kuklin, AA, Tsvetkov, AI, Ypaneshnikova, DS, Korobkov, IV
HIV / AIDS as a Threat to the Demographic Security
of the Region.....106

PHILOSOPHIC RESEARCH.....117

Pylkin, AA, Sokolova, NA
The Problem of Identity of an Informatized Person
by the Viewpoint of Intertextualism.....117

SCIENTIFIC LIFE.....123

Subetto, AI
A Word about Svyatoslav Ivanovich Grigoriev.....123

*The Rules on the Completeness of Manuscripts and
their Design for Publication in the Journal "Living
Standards of the Population in the Regions
of Russiya"*.....130

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required. The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications. Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
Subscription index 71187.

Signed for publication 09.12.2019.
Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 333.

Editorial Board Office Address:

32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Rossiyskaya Federatsiya
Telephone: +7 499 125 1751
Email: vcugjournal@mail.ru Internet: <http://vcugjournal.ru>

Shelest Publishing Company 164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Rossiyskaya Federatsiya
Telephone: +7 904 317 7693, +7 963 548 5143
Email: malotirazhka@mail.ru

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Тема номера 4 (214) / 2019: Качество жизни: социальная и демографическая безопасность.

В представленном читателю выпуске журнала «Уровень жизни населения регионов России» содержатся методологические и аналитические работы, посвященные современным экономическим, социологическим и философским аспектам развития России и её регионов.

Рубрика «**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» представлена статьями теоретико-методологической и аналитической направленности по вопросам занятости и оплаты труда, финансового поведения граждан, социальной поддержки и качества жилищного фонда.

Статья «**Неформальная занятость: идентификация и векторы преобразования. Дискурс на 14-ой ежегодной Международной конференции Европейской сети мониторинга регионального и местного рынка труда (EN RLMM) (г. Москва, 3-4 октября 2019 г.)**» **В.Н. Бобкова**,

д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заведующего лабораторией проблем уровня и качества жизни ИСЭПН РАН, главного научного сотрудника научной школы «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, и **Н.В. Бобкова**, канд. экон. наук, исполнительного директора АНО «Институт научных исследований качества жизни», посвящена сущности и причинам неформальной занятости, представлениям ее в Докладах на Международной конференции Европейской сети мониторинга регионального и местного рынка труда (EN RLMM), состоявшейся в октябре 2019 г. в г. Москве. Цель работы – попытка осмысления различий в характеристике экономических отношений неформальной занятости в международном научном и практическом сообществе, в выявлении дискуссионных вопросов и направлений сближения исследовательских позиций в вопросах идентификации неформальной занятости. В статье дается обзор позиций докладчиков международной конференции по вопросам экономической сущности неформальной занятости; показаны предложенные авторами классификации стандартной и нестандартной занятости, сущность и место неформальной занятости в структуре современной занятости, пути её преобразования.

В статье «**Влияние МРОТ на уровень и дифференциацию заработной платы в 2019 г.**» **Л.А. Миграновой**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника ИСЭПН РАН, и **Р.И. Поповой**, старшего научного сотрудника ИСЭПН РАН, представлен анализ заработной платы, её уровня, дифференциации, пространственной диспропорции. Рассматривается влияние повышения МРОТ на динамику основных характеристик оплаты труда в России и её регионах. В работе показана методика исследования; раскрываются проблемы оплаты труда в постсоветский период; анализируются сдвиги в распределении работников по заработной плате в целом по России и в регионах; показано влияние повышения МРОТ на дифференциацию заработной платы, на внутриотраслевые и межрегиональные различия. Авторы выделяют проблему низкой оплаты труда, рассматривают дифференциацию заработной платы во взаимосвязи с трудовыми стимулами и социально-экономическим развитием российских регионов. Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Пространственная реструктуризация России с учётом геополитических социально-экономических и геоэкологических

вызовов»), проект «Социально-экономическое неравенство населения в регионах России, как фактор пространственных диспропорций».

Статья **«Развитие механизма регулирования низких доходов от занятости как направление повышения уровня жизни населения российской Арктики»** Е.Г. Зленко, члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, посвящена роли денежных доходов от занятости в обеспечении уровня жизни населения Арктики, проблеме низких трудовых доходов, необходимости совершенствования арктического механизма регулирования низкой оплаты труда. В работе рассматриваются особенности уровня, дифференциации, механизма формирования арктической заработной платы. Раскрывается степень участия системы государственных северных гарантий и компенсаций в начислении заработной платы работающих в Арктике, обозначены недостатки этой системы и определен её потенциал для решения проблемы низких трудовых доходов. В статье даны предложения по созданию арктических систем оплаты труда и налогообложения бизнеса, показаны направления совершенствования арктического механизма регулирования низкой заработной платы и формирования необходимой для этого системы социальных критериев.

В статье **«Финансово грамотное поведение россиян: факторы формирования»** Н.В. Алипперовой, канд. экон. наук, доцента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущего научного сотрудника ИСЭПН РАН, и К.В. Виноградовой, научного сотрудника ИСЭПН РАН, рассматриваются факторы влияния на финансово грамотное поведение населения во взаимосвязи с материальным благополучием, обосновывается необходимость вырабатывать у граждан навыки формирования финансово грамотных стратегий. Базой являются результаты эмпирических исследований уровня финансовой грамотности населения России, а также результаты экспертного опроса в рамках НИР «Институционализация финансовой грамотности населения России». В работе показаны современные тенденции в финансовом поведении россиян; факторы влияния на выбор стратегий финансового поведения; условия для трансформации стратегий в новые формы финансово грамотного поведения. Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ГЗ-ПИ2 «Институционализация финансовой грамотности населения Российской Федерации» в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации.

Статья **«Безусловный базовый доход: отношение общественного мнения и финансово-экономические аспекты внедрения»** Е.А. Черных, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника ИСЭПН РАН, посвящена безусловному базовому доходу (БД), его влиянию на качество жизни населения, степень социальной защиты, уровень занятости. В статье представлен анализ результатов нескольких опросов общественного мнения за рубежом и в России; приведены возможная стоимость и экономические риски внедрения программ БД в разных странах; дана оценка возможностям БД в решении проблем бедности и неравенства; рассмотрено влияние БД на занятость. Также в работе выделены и классифицированы положительные и отрицательные аспекты БД, его противоречия и ограничения. В статье показаны результаты крупнейших экспериментальных проектов, оценены возможности применения БД в России, предложены рекомендации, позволяющие предвидеть возникновение проблем при введении БД в нашей стране.

В статье **«Дифференциация оценок значимости мер помощи семьям с детьми»** В.В. Елизарова, канд. экон. наук, доцента, научного руководителя и ведущего научного сотрудника Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, В.Н. Архангельского, канд. экон. наук, заведующего сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Н.Г. Джанаевой, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, исследуется значимость мер помощи семьям с детьми в зависимости от уровня жизни и региональных различий полученных оценок. В работе показаны возможности использования данных микропереписи населения-2015 для оценки значимости мер помощи семьям с детьми; оценивается значимость мер помощи семьям с детьми; устанавливается корреляция между оценкой значимости мер помощи семьям с детьми и индикаторами уровня жизни. В статье рассмотрены новые меры поддержки семей с детьми, которых не было на момент опроса в 2015 г.; обосновывается необходимость дополнительных выборочных исследований. Статья подготовлена на основе исследования, выполненного при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-010-01196 «Комплексное исследование факторов бедности семей с детьми и оценка вклада экономических мер семейно-демографической политики в её снижение».

Статья **«Влияние урбанизации на благоустройство жилищного фонда в Российской Федерации»** **В.П. Полуянова**, д-ра экон. наук, профессора, профессора кафедры бизнеса и проектных технологий Донского казачьего государственного института пищевых технологий и бизнеса (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», и **Е.В. Полуянова**, канд. экон. наук, заместителя генерального директора – директора Южного IT-парка Акционерного общества «Региональная корпорация развития», направлена на выявление зависимости степени благоустройства жилья от уровня урбанизации. Показаны условия ведения мониторинга результативности проводимых реформ в экономике в целом и в жилищно-коммунальном хозяйстве; представлена гипотеза о зависимости показателей благоустройства жилищного фонда от уровня урбанизации федеральных округов; предложен алгоритм решения данной задачи. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – проект 18-010-00806/19 «Уровень жизни населения административно-территориальных образований: выявление, исследование, анализ и оценка значимости определяющих факторов (для последующей оптимизации в условиях ограниченных ресурсов)».

Рубрика **«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** представлена статьями, посвященными качеству образования и демографической безопасности.

В статье **«Качество образования как ключевой показатель уровня жизни населения (на примере статистического анализа системы образования Канады)»** **О.А. Радченко**, д-ра филос. наук, профессора, профессора кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, рассматривается система образования Канады: условия и факторы получения послешкольного образования, его влияние на индивидуальные траектории обучающихся, их академическую успешность и образовательные достижения как основу для достижения желаемого качества жизни. В работе дан анализ статистических данных, полученных в результате лонгитюдных экспериментов группами канадских исследователей состояния канадской системы образования, роли уровня образования родителей учащихся как определяющего фактора последующей профессиональной успешности молодого поколения. Показаны финансовые условия получения высшего образования в Канаде и зависимость уровня жизни молодого профессионала от конкретной образовательной области в специфических социально-экономических условиях Канады.

Статья **«ВИЧ/СПИД как угроза демографической безопасности региона»**, авторами которой являются **А.А. Куклин**, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики Уральского отделения РАН, **А.И. Цветков**, канд. мед. наук, министр здравоохранения Свердловской области, **Д.С. Епанешникова**, экономист, Институт экономики Уральского отделения РАН, посвящена критической диагностике состояния территории Уральского федерального округа для прогнозирования численности трудоспособного населения региона с учетом социально-значимых медицинских факторов (заболеваемость ВИЧ/СПИД). В работе рассматриваются факторы, которые оказывают непосредственное влияние на демографическую ситуацию в УрФО; представлены результаты расчета демографической безопасности УрФО; предложена модель влияния различных социально-экономических факторов на демографическую безопасность региона. В ходе исследования выбран и проанализирован один из факторов, влияющих на демографическую безопасность – заболеваемость населения ВИЧ-инфекцией и СПИД; построена математическая модель прогнозирования, учитывающая влияние ВИЧ-инфекции на изменение численности населения и численности населения трудоспособного возраста; произведен расчет медико-демографического прогноза численности трудоспособного населения с учетом влияния ВИЧ-инфекции для Свердловской области, Челябинской области и Курганской области. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-010-00493 «Долгосрочные социально-демографические тренды в развитии регионов России: эффективность функционирования социальной сферы и её адаптация».

Рубрика **«ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** представлена статьей, посвященной проблеме идентичности информатизированного человека.

Статья **«Проблема идентичности информатизированного человека с точки зрения интертекстуализма»** **А.А. Пылькина**, канд. филос. наук, доцента кафедры общественных наук ГИ СПбПУ Петра

Великого, и **Н.А. Соколовой**, канд. филос. наук, доцента кафедры общественных наук ГИ СПбПУ Петра Великого ориентирована на то, чтобы показать невозможность коммуникативной идентичности в условиях тотальной информатизации общественного бытия согласно принципам интертекстуальности. В работе рассматриваются особенности внедрения информационных систем; обосновывается проблема идентичности информатизированного человека. Авторы выделяют и анализируют наиболее выдающиеся аспекты бытия информатизированного человека, которые остаются в тени работ теоретиков. В статье рассматривается три направления исследования – проблема идентичности с точки зрения концепции интертекстуальности, фетишистский характер коммуникации информатизированного человека, производство «нового» как попытка обретения идентичности.

В рубрике **«НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ»** представлена статья-некролог **«Слово о Святославе Ивановиче Григорьеве»**, автором которой является **А.И. Субетто**, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, д-р филос. наук, д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ, Лауреат Премии П.А. Сорокина (2011), Лауреат Премии и Серебряной медали Н.Д. Кондратьева (1995). Статья посвящена выдающемуся российскому ученому-социологу нашего времени Святославу Ивановичу Григорьеву, ушедшему из жизни в октябре 2019 года.

В рубрике **«Правила по комплектности рукописей и их оформления для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России»** представлены требования, которые предъявляются при принятии рукописей к публикации.

Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор **В.Н. Бобков**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Неформальная занятость: идентификация и векторы преобразования. Дискурс на 14-ой ежегодной Международной конференции Европейской сети мониторинга регионального и местного рынка труда (EN RLMM) (г. Москва, 3–4 октября 2019 г.)

Informal Employment: Identifying, Place and Role, Vectors of Transformation. A Discourse at the 14th Annual International Conference of the European Network on Regional Labour Market Monitoring (EN RLMM) (Moskva, 3–4 October 2019)

Получено 25.10.2019

Одобрено 19.11.2019

Опубликовано 09.12.2019

УДК: 331.5

DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10078

БОБКОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник научной школы «Теория и технологии менеджмента» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Email: bobkovvn@mail.ru

БОБКОВ НИКОЛАЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

к.э.н., исполнительный директор АНО «Институт научных исследований качества жизни»
Email: bobkovnv@bk.ru

BOBKOV, VYACHESLAV NIKOLAYEVITCH

Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Rossiyskaya Federatsiya, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Studies of Population, Russian Academy of Sciences, Chief Research Worker of the Scientific School «Theory and Technology of Management» at G V Plekhanov Russian University of Economics
Email: bobkovvn@mail.ru

BOBKOV, NIKOLAY VYACHESLAVOVITCH

PhD, Executive Director of «Institute of the Quality of Life Scientific Research» ANO
Email: bobkovnv@bk.ru

Аннотация

В статье рассмотрены представления о сущности и причинах неформальной занятости в Докладах на Международной конференции Европейской сети мониторинга регионального и местного рынка труда (EN RLMM), состоявшейся 3–4 октября 2019 г. в г. Москве.

Объектом статьи являются работники, не входящие в состав организаций или занятые в них без оформления договоров и составляющие неформальную занятость в официальной и скрытой экономике.

Предметом статьи являются трудовые и предпринимательские отношения, регулирующие неформальную занятость в различных странах.

Целью статьи является попытка осмысления различий в характеристике экономических отношений неформальной занятости в международном научном и практическом сообществе, выявление дискуссионных вопросов и направлений сближения исследовательских позиций в вопросах идентификации неформальной занятости.

Основные результаты статьи включают представленный обзор позиций докладчиков международной конференции по вопросам экономической сущности неформальной занятости, предложенные автором классификации стандартной и нестандартной занятости, определяющие сущность и место неформальной занятости в структуре современной занятости и, вытекающие из этого направления научной дискуссии о путях её преобразования.

Ключевые слова: международная конференция; стандартная занятость, нестандартная занятость, неформальная занятость, неустойчивая занятость, прекаризация занятости, скрытая занятость.

Abstract

The article deals with conceptions of the nature and reasons of informal employment presented in the reports at the International Conference of EN RLMM in Moskva, 3–4 October 2019.

The Object of the article are workers who are not members of the staff of organizations or are engaged in those without signing an official labour contract and thus representing informal employment in official and latent economy.

The Subject of the Article are labour and business relations regulating informal employment in various countries.

The Purpose of the Article is comprehending differences in economic relations of informal employment in the international scientific and practical association, exposing discussion problems and outlining possible directions of rapprochement of scientific positions in identifying informal employment.

The Main Results of the Article consist of the review of the ideas of the speakers of the conference in question on the problems of economic essence of informal employment and the classifications of the present-day standard and non-standard employment suggested by them.

Keywords: an international conference: regional and local labour market monitoring; standard employment; non-standard employment; informal employment; precarious employment; precarisation of employment; latent employment.

Введение

3–4 октября 2019 г. в Москве состоялась международная научно-практическая конференция: «Оценка занятости и необходимых навыков в неформальной экономике: подходы и выводы из регионального и местного мониторинга рынка труда», посвящённая одной из наиболее актуальных проблем современного общества – неформальной занятости и необходимым для неё навыкам. Конференцию организовали Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН), Европейская сеть мониторинга региональных и местных рынков труда (EN RLMM) и Фонд Имени Фридриха Эберта в России (FES) при участии Отделения общественных наук РАН (ООН РАН) и Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН).

Конференция была приурочена к 14-му ежегодному собранию Европейской сети мониторинга региональных и местного рынка труда (EN RLMM), которая была создана в 2006 году на базе Института экономики, труда, культуры (IWAK) Института Гёте (Франкфурт, Германия). Международная сетевая группа имеет большой опыт изучения региональных рынков труда в странах Европы, Северной Африки, Ближнего Востока. Организация ежегодно проводит международные научные конференции в различных европейских странах. Сеть объединяет экспертов из 25-ти стран, представляющих государственные, коммерческие и некоммерческие организации, занимающиеся проблемами рынка труда и занятости.

В международной конференции приняли участие более 100 учёных, преподавателей ВУЗов, работников консалтинговых организаций, представителей органов управления и общественных организаций из 16 стран: Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Египта, Испании, Италии, Канады, Люксембурга, Марокко, Нидерландов, Польши, России, Франции, Швейцарии и Швеции. Свои страны представляли 39 зарубежных и 62 российских участников, в том числе представители Государственной Думы и Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Федеральной службы по труду и занятости Российской Федерации.

Приветствия конференции направили Президент РАН, академик А.М. Сергеев и Министр труда и социальной защиты города Москвы В.А. Петросян. Приветственные слова в адрес участников конференции перед началом её работы произнесли профессор В.В. Локосов (Врио директора ИСЭПН РАН), М.В. Шмаков (предсе-

датель Федерации независимых профсоюзов России), Пьер Тешендорф (руководитель Фонда Фридриха Эберта в России), академик А.В. Смирнов (руководитель Отделения общественных наук РАН), академик М.К. Горшков.

Тематика Конференции являлась актуальной для Российской Федерации с учётом усилий, которые принимаются Правительством РФ, научными, образовательными и общественными организациями по выводу из тени неформальной экономики и повышению эффективности занятости. На Конференции рассматривались следующие основные проблемы:

- регулирование нестандартной и неустойчивой занятости;
- характеристика занятости в основных отраслях, в которых занято большое количество неформальных работников;
- методы мониторинга степени неформального трудоустройства и определения его различных форм;
- причины, по которым работодатели и работники занимаются неформальной занятостью,
- влияние этих решений о занятости в неформальной экономике на карьерный рост работников;
- ответные меры политики, направленные на формирование перехода от неформальных к формальным трудовым отношениям.

Об идентификации неформальной занятости в общей структуре современной занятости [7] (Проведён обзор только тех докладов, в которых рассмотрены подходы к идентификации и месту неформальной занятости в структуре современной занятости.).

Позиции докладчиков. Значительная часть дискурса была посвящена характеристике сущности неформальной занятости (НЗ) и критериям её идентификации.

В докладе Christa Larsen (Co-ordinator of the EN RLMM, Goethe University Frankfurt, Germany) к сфере неформальной занятости отнесены следующие виды деятельности:

- незарегистрированные или скрытые от государства для целей налогообложения и / или льгот [10];
- социально законная деятельность, которая является законной во всех отношениях, за исключением случаев, когда она была объявлена властями для налогообложения, цели социального обеспечения и обеспечения трудовых прав [9].

При дифференциации сфер НЗ докладчиком была сделана ссылка на классификацию неформальной занятости Международной организацией труда (МОТ): неформальный сектор (на

базе организаций); неформальная занятость (на рабочих местах); неформальная занятость в формальном секторе (заработная плата в конвертах); неформальная и формальная занятость в неформальном секторе [13]. Поставлена задача изучения этого документа МОТ и использования его в практической работе с учётом страновых особенностей, по диагностике и разработке стратегии преобразования неформальной занятости.

По *характеру труда* НЗ предложено разделять на самостоятельную занятость и наемную занятость.

Среди *форм* НЗ было обращено внимание на занятость в т.н. экономике Gig:

- занятость с использованием платформ, которые играют активную роль, облегчающую работу (например, Uber, TaskRabbit, People per Hour);
- предоставление услуг фрилансерами или индивидуальными предпринимателями;
- дополнительного дохода к доходу от основной занятости.

Докладчик обратил внимание на следующие причины НЗ: отсутствие статуса легального проживания; отсутствие формальных навыков; практика доступа к рынку труда через неформальные сети; необходимость дополнительного дохода и заинтересованность в более высоких доходах или доходах как таковых.

В докладе проф. **Renato Fontana** (Sapienza University of Rome, Italy) была предложена следующая классификация неформальной экономики:

- криминальная экономика: часть «производства, которая представляет запрещенные законом виды деятельности по производству товаров и услуг» [16];
- теневая экономика: «производство законных товаров и услуги (частично) нарушая закон»;
- внутренняя или общественная экономика: «производство законных товаров и услуг без нарушения закона; они не ориентированы на рынок, но предназначены для потребления семьей, социальной группой или неким сообществом».

Проф. Р. Фонтана также использовал термин из международной статистики: «ненаблюдаемая экономика», которая рассматривается как сумма неформальной экономики и незаконной деятельности.

Неформальная занятость была увязана докладчиком с рисками социальной уязвимости для работника, возвращением «в прошлое с точки зрения трудовой эксплуатации и уважения личного достоинства», противопоставлена «стандартным механизмам формальной экономики».

Причины неформальной экономики, по мнению проф. Р. Фонтана, возникают из-за:

- расчетов экономического удобства, если учесть спрос на рабочую силу (предприниматели);

- социальных факторов, если мы относимся к предложению рабочей силы (работников).

Одним из наиболее частых оправданий явления неформальной занятости, по мнению докладчика, является высокий вес нормативных актов и институтов рынка труда (зарегулированность рынка труда **В.Б.**). Согласно этому прочтению, тенденция к чрезмерному регулированию экономических операций, связанных со спросом и предложением рабочей силы, может стать потенциальным препятствием для принятия риска и полноты ресурсов и может привести к дополнительным затратам и ограничениям в процессе принятия решений.

Обход правил, по мнению проф. Р. Фонтана, также оказывает негативное влияние на производительность: прямые затраты вытекают из попыток скрыть подпольную деятельность и возможные санкции в прямых расходах, особенно в долгосрочной перспективе: например, извлечение выгоды из других нормативных актов и учреждений, поддерживающих рыночную деятельность (защита права собственности или доступ к рынкам капитала).

Им также обращено внимание на существующую в исследованиях позицию, в которой неформальная занятость рассматривается как прямой эффект «структурного» искажения всей производительной системы. Использование неформальности как практически необходимого шага для предприятия, которое хочет выжить в «современных» производственных процессах, которые характеризуют нашу современную эпоху. Отмечено, что внеэкономические факторы могут благоприятствовать формам неформальной занятости. Они идентифицируются в «сети личных отношений, в которые вставляются рабочие транзакции» [12].

Выводы, предложенные проф. Р. Фонтана, состоят в следующем:

1) Динамика рынка труда все меньше регулируется адекватной и эффективной нормативной системой. Неформальное трудоустройство обслуживается и распространяется в этом пространстве.

Речь идет об экономической целесообразности для многих мелких предпринимателей, о «побеге из формальной экономики» для многих кормильцев (мужчина или женщина не имеет значения), занятости для многих молодых людей, ищущих работу, не для того, чтобы «разбогатеть», а об обеспечении минимальных расходов бедных людей.

2) Неформальная экономика – это глобальное явление, от которого страдают все страны мира, но не все одинаково.

В докладе д. э. н. **Майраш Токсанбаевой** (ИСЭПН РАН, Москва, Россия) неформальная занятость рассмотрена на основе двух концептуальных подходов [6. С. 68-83]:

- занятость в неформальном секторе, то есть на некорпоративных предприятиях, не обладающих статусом юридического лица (индивидуальное предпринимательство, производящие домашние хозяйства);

- неформальная, или «теневая» занятость, определяемая отсутствием законодательной регистрации.

Во втором концептуальном подходе в состав неформальной занятости включены:

- наёмные работники формального и неформального секторов, работающие по устным трудовым договорам;

- занятые в незарегистрированном индивидуальном предпринимательстве, в том числе, «теневые» самозанятые.

Доклад **Franz CLEMENT** (LIZER, Люксембург) был посвящён определению терминов «теневая», «скрытая» и неформальная экономика Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Евросоюзом, Международной организацией труда (МОТ) и в страновых законодательствах в связи с тем, что они используются таким разнообразным образом, что делает статистику для них бессмысленной без пояснительных определений. В 1986 году ОЭСР предложила определить «скрытую занятость» как «занятость, которая, хотя и не является незаконной сама по себе, не была объявлена одному или нескольким административным органам». Определение ОЭСР аналогично определению Европейского союза и использует термин «скрытая занятость». В соответствии с используемыми международными руководящими принципами, касающимися статистики занятости, «скрытая занятость – это занятость, которая, хотя и не является незаконной сама по себе, не объявлена одному или нескольким административным органам, которые должны знать об этом...»

Для МОТ, по мнению докладчика, незадекларированная работа тесно связана с миграцией. Во многих случаях трудящиеся-мигранты, особенно мигранты с неурегулированным или несанкционированным статусом, принимаются на работу без предварительного объявления. Таким образом, они становятся уязвимыми и подчиняются стандартам более низкого уровня. Эти различные группы мигрантов были названы «неформальными»

ми», потому что они имеют одну важную характеристику: они не признаются и не защищены в рамках нормативно-правовой базы.

В Люксембурге законодательство даёт определение того, что такое «тайная работа». Статья L. 571-1 Трудового Кодекса гласит: «Тайная работа запрещена». Сразу же следует определение: «Считается подпольным трудом: 1) самостоятельное осуществление одного из профессиональных видов деятельности, перечисленных в статье 1 закона от 2 сентября 2011 года (MémorialA 198, 22 сентября 2011 года), регулирующего доступ к профессиям ремесленника, торговца, промышленника, а также некоторым либеральным профессиям, не имея разрешения, предусмотренного в нем; 2) предоставление оплачиваемой работы, когда лицо, занимающееся этим: а) знает, что работодатель не имеет разрешения, предусмотренного Законом от 2 сентября 2011 года, упомянутым выше, или б) знает, что его положение в качестве работника не является законным в отношении законодательства об удержании заработной платы или законодательства о социальном обеспечении».

В ряде стран Евросоюза нет юридических/национальных определений, охватывающих одну или несколько из следующих ситуаций: недекларированная работа, незаявленная работа, нелегальная работа, нелегальная занятость.

В июле 2013 года Евро Комиссия начала официальные консультации с социальными партнёрами ЕС в соответствии со статьей 154 Договора о функционировании Европейского Союза (TFEU) о «расширении сотрудничества ЕС в предотвращении и сдерживании незаявленной работы».

Докладчиком сделаны следующие выводы.

1. Между международными институтами нет соглашения по определению подпольной работы. Однако был сделан акцент на том, что Европейский Союз в указанной эволюции не меняет своего определения и со временем подтверждает его.

2. То же самое явление обнаруживается в национальных определениях подпольной работы в странах Европейского Союза. Каждая страна имеет своё собственное определение (или его отсутствие). Это, как отметил докладчик, ещё раз демонстрирует разнообразие, существующее между странами-членами Союза.

3. Идея создания европейской платформы по нелегальной работе идёт в том же направлении. Эта платформа может помочь в достижении конвергенции, но она не позволяет гармонизировать определения и процедуры, относящиеся к проблеме подпольной работы.

Подчеркивалась необходимость более тесного сотрудничества между национальными администрациями и международными организациями, занимающимися проблемами нелегальной работы.

Доклад **представителей Испании** также был посвящен изучению теневой экономики на основе анализа новостных сообщений и переписки в социальных сетях. Были проанализированы 903 онлайн-разговора и 185 печатных изданий СМИ. Исследователями сделан вывод о том, что ключевым процессом в этой сфере явилось «налоговое мошенничество» и борьба с ним.

В Докладе **Ummuhan Bardak** (Европейский фонд обучения) рассмотрены пути перехода от неформальной к формальной занятости и поддержки развития необходимых для этого навыков. Автор, в обоснование такой постановки проблемы, ссылается на Рекомендация МОТ 2015 года №204 о переходе от неформальной к формальной экономике, а также на Повестку дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года (Цели развития тысячелетия (ЦРТ)-8, задача 3). Речь идет о целостном подходе, как части более широкой политики в области образования и обучения с целью обеспечения достойной занятости для всех.

В докладе **Нехаль Талеб и Шерифа Сабри** (GIZ Egypt, Египет), являющихся аффилированными представителями **German Development Agency** (Германия), работающего в 120 странах и предоставляющего услуги в области международного сотрудничества в интересах устойчивого развития и международной образовательной работы (рабочая группа по неформальной занятости в Египте) рассмотрена неформальность в Египте с позиций предпочтения условий труда молодыми рабочими и соискателями. Решалась задача лучше интегрировать неформальный сектор в экономику Египта и определить для молодежи более устойчивые и достойные рабочие места. Доклад обобщил результаты четырех фокус-групповых обсуждений: 1) неформально занятые, 2) официально занятые, 3) ищущие работу и 4) формально и неформально работающие вместе. Кроме того были обработаны 250 анкет опроса среди египетских мужчин и женщин, занятых в сфере труда и ищущих работу, в возрасте от 18 до 35 лет.

Авторы относят к *официально работающим / формальным работникам* тех, кто имеет контракты и страховку, и платит подоходный налог.

Неформально занятые / неформальные работники, в их трактовке, это те, кто не соответствует одному и более из трех указанных условий, определяющих формальных работников.

Работники, работающие за свой счет (ин-

дивидуальные предприниматели и самозанятые, занятые в личном подсобном хозяйстве и помогающие члены семей, В.Б.), т.е. те, кто управляет собственным малым бизнесом, например, владельцы магазинов (киосков), плотники, техники и т.д. отнесены докладчиками к неформально занятым, поскольку не имеют «коммерческих реестров и налоговых карт».

Неформальная занятость рассматривается в докладе как занятость, не соответствующая достойным условиям труда (постоянный или, хотя бы, годовой контракт, хорошая заработная плата, социальное страхование или, хотя бы медицинская страховка).

Самыми большими преимуществами формальной занятости считается её стабильность и безопасность. Отсутствие стабильности и гарантий занятости характеризуются в качестве двух основных недостатков неформальной занятости. Причины неформальной занятости увязываются в докладе с отсутствием лучших возможностей в формальном секторе. Неформальность занятости, по мнению авторов доклада, следует рассматривать не как что-то, что нужно устранять, а скорее, как необходимость смягчения её негативных последствий, что открывает потенциальные возможности для создания рабочих мест и стимулирования экономики.

В докладе **Ciprian Panzaru** (West University of Timisoara) внимание было привлечено к тому, что в процессе изменения рынка труда все более распространенной практикой становится фриланс. Глобализация и поддержка технологий способствуют росту фриланса. Неформальная занятость увеличивается. Сделан вывод, что фриланс – это «новая нормальность».

В Докладе **Sigrid Rand** (EN RLMM, Goethe University Frankfurt, Germany) неформальная экономика рассмотрена как «необходимый результат развитого капитализма», приводящий к:

- усилению поляризации доходов, высокой концентрации рабочих мест с высоким и низким доходом, размыванию среднего класса [15];

- росту спроса на индивидуальные и бытовые услуги, поддерживающие образ жизни классов с высокими доходами (сервисная экономика) [14].

Отмечалось, что в странах без развитой структуры продвижения сервисной экономики, значительная часть занятых работает в неформальной экономике. Продвижение инфраструктуры персональных услуг докладчиками связывалось:

- а) со схемами финансирования: например, уменьшением / освобождением от социальных взносов, снижением налогов (НДС и подоходный налог);

б) управлением качеством: например, развитием стандартизации предоставления услуг (бренды и этикетки), с программами обучения.

Рольф Кейл (Министерство социальных дел и интеграции земля Гессен, Германия) в Докладе привел данные о том, что, по оценкам, от 66% до 90% услуг в Гессене покупаются на теневом рынке. Разработаны стратегии поддержки легализации трудовых отношений в частных домохозяйствах через инвентаризацию требований к компетенциям, моделей надежных структур доступа и поддержки через обучение, субсидирование, юридическую информацию, другую консультативную и вспомогательную поддержку на местном уровне.

В Докладе **Anna Grochowska** (обсерватория рынка труда Мазовецкого воеводства, Польша) рассмотрены проблемы, вытекающие из неформальной и незаконной занятости. Основное внимание было уделено полностью или частично необъявленной работе. Согласно результатам социологического исследования, основными работодателями для таких работников являются частные лица (76,5% предложений), в отличие от принятого мнения, что незаконную занятость предлагает, в основном, малый бизнес, владельцы частного сектора. Выполнение незадекларированной работы в основном осуществляется людьми с низким уровнем формального образования и с низкой профессиональной квалификацией (52% работающих в «серой зоне» имели самое начальное профессиональное образование). Сделан вывод о том, что независимо от состояния экономики и правовой ситуации, незадекларированная работа является постоянным элементом польского рынка труда.

Krzysztof Pater (Президент обсерватории рынка труда Европейского экономического и социального комитета) сделал акцент на приоритетах Европейского экономического и социального комитета ЕС по борьбе с необъявленной работой (имея ввиду работников, не охваченных социальным обеспечением; без трудовых контрактов; работников, частично оплачиваемых наличными «из рук в руки», самозанятых работников, которые решили не применять правила; всех видах семейных помощников; работников, которые не декларируют вторую / дополнительную работу; сезонных работников в сельском хозяйстве и др.). Последствиями такой неформальной занятости являются, по его мнению, плохие условия труда; несправедливая и искаженная конкуренция, потерянные ресурсы для государственных доходов. Обозначена необходимость привлечения работников из неформальной экономики в заявленную работу.

Теоретические и методологические вопросы выявления неформальной занятости.

Прежде, чем обсуждать дискуссионные вопросы, вытекающие из первой части статьи, сформулируем своё отношение к пониманию отношений неформальной занятости. Воспользуемся для этого известным методологическим приемом и объясним сущность неформальной занятости, раскрыв это понятие через более широкие понятия «стандартной» и «нестандартной» занятости [2. С. 43-51].

Стандартная занятость представляет собой занятость на территории организации работодателя с бессрочным трудовым контрактом, законодательно установленной продолжительностью дней, часов рабочей недели и продолжительностью рабочего дня и обеспечивает защищенные трудовым законодательством трудовые и социальные права работников. *Стандартная занятость осуществляется в формальной экономике, которая представляет собой экономику организаций, т.е. юридических хозяйствующих субъектов.* Стандартная занятость в Российской Федерации регулируется Трудовым Кодексом Российской Федерации [8] и другими законодательными актами, в которые, как правило, на систематической основе вносятся назревшие изменения. Это позволяет осуществлять стандартную занятость в правовом поле и характеризовать её как *официальную деятельность (занятость)*. В то же время, на практике, из-за неурегулированности экономических и правовых вопросов осуществления стандартной занятости, а также корыстных интересов ряда работодателей, вынужденности или корыстных интересов части работников, занятость некоторых из последних является скрытой и, в этом смысле, *неформальной занятостью в формальном секторе экономики (в организациях)*.

Неформальная (скрытая) занятость в организациях представляет собой неофициальную занятость по найму (на основе устной договоренности без оформления документов). Таким образом, в сфере занятости в организациях часть современных работников находится в отношениях неформальной занятости.

Такая занятость создает предпосылки для неустойчивости части занятости в формальной экономике, т.е. для вынужденного ущемления трудовых и социальных прав работников, как правило, побуждающего их сменить такую занятость.

Неустойчивая (прекаризованная) занятость в организациях охватывает работников, которые вынужденно утратили часть трудовых и социальных прав. Это, наряду с неоформленностью трудовых отношений, обусловлено распростра-

Рисунок 1. Классификация стандартной занятости

нением коротких сроков контрактов, не прямых контрактных отношений работника и работодателя, а также неустойчивыми условиями труда, включающими его низкую оплату, недостаточное или избыточное количество рабочих часов и др.

В отличие от неё, *устойчивая стандартная занятость* представляет собой такую занятость, которая обеспечивает всем наемным работникам бессрочные контрактные отношения и условия для достойного труда. Классификация стандартной занятости представлена на рисунке 1.

Альтернативой стандартной занятости является нестандартная занятость. Нестандартная занятость представляет собой занятость в формальной и неформальной экономике (неформальном секторе экономики), характеризующую

отклонениями от требований стандартной занятости.

Так, например, в Российской Федерации, по экспертным оценкам, в 2017 г. среди имеющих отклонения режима рабочего времени от стандартных 8 часов в день и 40 часов в неделю, группа работников, у которых продолжительность и рабочего дня, и рабочей недели превышала указанный стандарт составляла около 30%, а группа тех, у кого рабочие часы были ниже этого стандарта составляла 13% от общей численности занятых на основной работе в организациях [1, с. 109-123].

При переходе на нестандартную занятость работники теряют некоторые или все показатели и индикаторы стандартной занятости. На рисунке 2 показана классификация нестандартной занятости.

Рисунок 2. Классификация нестандартной занятости

Нестандартная занятость может быть формальной, когда работник работает в организации, но его контрактные отношения и условия труда отклоняются от условий стандартной занятости, и неформальной, если работник является физическим лицом и занят в неформальном секторе экономики.

Нестандартная занятость может быть официальной, если она осуществляется в соответствии с трудовым законодательством или скрытой (теневой) занятостью, что означает, что ни трудовое законодательство, ни социальные гарантии не распространяются на неё. В последнем случае, работник полностью зависит от работодателя и не имеет законных оснований оспаривать условия своего трудоустройства или работает самостоятельно без официальной регистрации своего бизнеса.

Неформальная занятость в неформальном секторе экономики представляет собой часть нестандартной занятости, осуществляемой физическими лицами в формах самозанятости, занятости в собственных домашних хозяйствах для производства продукции, занятости индивидуальным предпринимательством без и с наемным трудом и помогающими на семейном предприятии. Все эти формы неформальной занятости могут быть с оформлением и без оформления регистрации и договоров.

Таким образом, неформальная занятость в современной экономике включает в себя неформальную (скрытую) занятость в организациях и неформальную занятость в неформальном секторе экономики (т.н. «экономике физических лиц» – предпринимателей, самозанятых, помогающих членов семей и наемных работников). Здесь важно подчеркнуть, что вся теневая (скрытая) занятость в формальном и неформальном секторе и значительная часть легальной (официальной) занятости в неформальном секторе экономики в России в современных условиях представляют собой неустойчивую занятость, т.е. занятость, осуществляемую с нарушением части или всех трудовых и социальных прав работников.

Нестандартные трудовые отношения в России становятся все более распространенными. И наоборот, количество работников с трудовыми отношениями стандартной занятости, уменьшается.

Нестандартная занятость может быть устойчивой, если она имеет эффективное правовое регулирование в формальной и неформальной официальной (легальной) экономике. Большая часть нестандартной занятости в нашей стране в современных условиях является неустойчивой (её характеристики будут даны ниже).

Прекаризованная (неустойчивая) занятость в экономике представляет собой вынужденную занятость, сопровождающуюся утратой работником стандартных трудовых отношений, основанных на бессрочном трудовом договоре с полной рабочей неделей (стандартная занятость). Она включает элементы незащищенной занятости на неформальных рабочих местах в формальной экономике, в неформальном производстве (некорпорированная индивидуальная занятость и занятость домашних хозяйств), в скрытом производстве и незаконной деятельности, а также временную незанятость (безработицу).

Стандартная занятость с элементами незащищенности и нестандартная занятость, а также временная незанятость становятся вынужденными в случаях нарушений работодателями контрактных соглашений и достойных условий труда, а также при отсутствии или недостатке рабочих мест со стандартными контрактными соглашениями. Неустойчивая занятость разрушает традиционную стандартную модель занятости, ограничивает или приводит к полной утрате работниками трудовых и социальных прав на защищенную и устойчивую занятость. Это одна из наиболее проблемных областей современных общественных отношений, обостряющаяся вследствие современной промышленной революции, глобализации всемирных связей во всех областях и их использования в интересах капитала.

Неустойчивая занятость включает такие аспекты трудовых отношений как неопределенность в планировании занятости, потерю смысла в труде и дефицит в признании такой занятости обществом.

Международная организация труда обобщила результаты международных исследований и выдвинула основные критерии неустойчивой занятости [13].

Неустойчивая занятость зависит от двух основных критериев:

- типа трудового договора;
- и неустойчивых условий труда.

С точки зрения трудовых договоров неустойчивая занятость имеет следующие показатели и индикаторы:

Прежде всего, ограниченный срок действия контракта: срочный, краткосрочный, временный, сезонный, поденный и случайный труд;

Во-вторых, они определяются их природой и могут быть: многосторонними (но не прямыми), субподрядными, скрытыми или фиктивными.

Что касается неустойчивых условий труда, то основными показателями и индикаторами неустойчивой занятости являются:

- низкая заработная плата;
- слабая защита от увольнения;
- отсутствие доступа к социальной защите и льготам, традиционно связанным с полной занятостью;

- отсутствие или ограниченный доступ работников для реализации своих прав на работе.

Эта классификация критериев, показателей и индикаторов неустойчивой занятости в настоящее время широко используется международным сообществом исследователей и пользователей.

Дискуссия. Проведенная нами систематизация классификаций современной занятости позволяет подискутировать по ряду вопросов, освещенных в Докладах на международной конференции.

Наше внимание обратило присутствие и отсутствие некоторых общих опорных платформ в характеристике неформальной занятости в большинстве докладов.

1) Докладчики преимущественно сосредоточили внимание только на одной форме неформальной занятости – *скрытой* (незадекларированной, незаявленной и пр.) *занятости в неформальном секторе экономики*. Это, безусловно, вызвано тем, что масштабы нелегальной занятости в неформальном секторе во всех странах, которые представляли докладчики, являются очень внушительными.

Причем, хотя и по разным причинам, это относится и к развитым экономикам (Германия – от 66% до 90% услуг в земле Гессен покупаются на теневом рынке) и к развивающимся экономикам (Египет – 72% молодых рабочих, в конечном итоге, работают в неформальной (скрытой) экономике) и к переходным экономикам (Польша – общественное принятие явления незаявленной работы в Мазовии; 12,6% респондентов заявили, что будут выполнять незадекларированную работу в будущем). В России, по разным оценкам, теневая занятость тоже имеет большие масштабы. По данным профильного мониторинга Федеральной службы по труду и занятости, организованного для отслеживания работы в регионах по снижению неформальной занятости, за весь период (2014-2018 гг.) реализации комплекса мер было легализовано более 8 млн работников, что составляет около 50% от числа россиян, которые, согласно оценкам, озвученным заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голиковой, могут быть заняты в неформальном секторе [3].

С другой стороны, мы не исключаем, что преимущественно односторонняя ориентация докладов на теневую часть занятости в неформальном секторе экономики, является следствием опреде-

ленных теоретико-методологических пробелов в представлениях о неформальной занятости, которая включает не только теневую занятость, но и легальную занятость в неформальном секторе экономики. Эта часть неформальной занятости, на наш взгляд, как раз требует создания условий для её развития. Вследствие этого возможно сокращение теневой (нелегальной) занятости. В докладе (Sigrid Rend) было озвучено положение о том, что современный капитализм порождает спрос на индивидуальные услуги классов с высоким доходом. Однако, оно не нашло подкрепления в других докладах. На самом же деле, буржуазное государство заинтересовано в легальном и устойчивом развитии индивидуального предпринимательства и самозанятости, привлечении туда профессионально подготовленных работников. Этот современный сектор неформальной занятости не является второстепенным. Легальные личные и бытовые услуги надо всячески развивать. И в этой части неформальной экономики вряд ли можно считать верной постановку вопроса о необходимости перевода её в формальную занятость, т.е. в занятость в организациях. Надо решать другую задачу – создавать условия для развития заявленной работы в легальном неформальном секторе современной занятости!

2) В докладах практически не была затронута проблематика неустойчивой занятости. Неформальная занятость в теневой экономике в неформальном секторе совершенно справедливо увязывалась с уязвимостью работников, с вынужденностью «побега кормильцев» в теневую экономику для экономии расходов бедных людей, как практически необходимый шаг для предприятия, которое хочет выжить в «своевременных» производственных процессах, которые характеризуют нашу современную эпоху (Renato Fontana, Италия), отсутствием стабильности и безопасности, свойственных формальной работе, недостойных условий труда (Нехаль Талеб и Шерифа Сабри, Египет), плохие условия труда (Krzysztof Pater, Европейский экономический и социальный комитет) и др. Но осмысления того, что все эти и другие индикаторы неформальной занятости в теневой экономике являются следствием неустойчивой занятости, т.е. лишения работников части или всех трудовых и социальных прав, не было представлено.

На наш взгляд, без решения проблемы ограничения и сокращения неустойчивой занятости, невозможно решить проблемы теневой занятости, невозможно обеспечить динамичное развитие сектора индивидуальных и бытовых услуг, всех секторов экономики, направленных на раз-

витие способностей и условий для реализации личности работника как созидателя. Российские учёные проделали в этом направлении определенную работу и намерены её продолжать в содружестве с зарубежными коллегами [4].

3) Определить все возможности политики в области влияния на неформальную занятость возможно только при её рассмотрении в парадигме «стандартная/нестандартная занятость». И дело не только в том, что формальный сектор экономики включает часть скрытой неформальной занятости. Значительная часть проблем, имеющих в сфере неформальной занятости в неформальном секторе, может быть решена только в случае преобразования формального сектора экономики.

Неформальная занятость в формальной экономике и вся теневая экономика (кроме криминальной) порождены нерешенными проблемами адаптации к расширению гибкости занятости и неприспособленностью трудового и иного законодательства к защите трудовых и социальных прав работников в нестандартных формах занятости в формальной экономике. Они могут быть преодолены только при условии адекватного управления развитием трудовых и предпринимательских отношений в формальной экономике.

Российское государство не научилось эффективно влиять на защищенность работников в формальной (легальной) экономике, в т.н. новых гибких формах занятости. В этих условиях занятость в теневой экономике является, хотя и вынужденной, но нередко, более привлекательной для работника и работодателя. Актуальной задачей является трансформация трудового, гражданского и другого законодательства, которая позволяла бы в условиях нестандартной и гибкой занятости обеспечить работникам соблюдение их трудовых и социальных прав.

Развитие нестандартной занятости в формальной и легальной неформальной занятости в нестандартной экономике обусловлено объективными причинами. У этих причин есть организационно-техническая и социально-экономическая характеристики. С точки зрения техники и организации производства современная революция 4.0 и цифровизация как её составная часть приводят к расширению гибкости занятости и выводят её часть за рамки стандартной занятости, изменяют возможности организации производства, делает индивидуальный труд и труд небольших коллективов более эффективным, чем при прежних технико-технологических основах.

Организационно-техническая сторона нестандартной занятости, включающая харак-

теристики средств труда, их применения на территории работодателя или вне её, профессионально-квалификационные характеристики работника, формы контроля за ним и др., нейтральна к её социально-экономической стороне. Производительные силы могут быть использованы как «во благо», так и «во зло» развитию человека, общества и отдельных его социальных классов и групп, а также экономике страны и конкретным собственникам.

Развитие гибких форм занятости представляет огромные возможности (вызовы) для реализации трудового потенциала работников, для развития их способностей. Они выражаются в быстром росте разнообразия рынков труда и форм занятости; в беспрецедентных возможностях сокращения рабочего времени и перераспределения массива работы между большим количеством людей, и, как следствие, расширения их свободного времени; в использовании возможностей колоссального роста связности рынков труда, экономик и обществ, повышения управляемости социоприродными системами на всех уровнях деятельности людей и их сообществ и др.

Такая занятость выгодна, прежде всего, высоко конкурентным работникам, которые востребованы на рынке труда, и обществу. Гибкие формы занятости выгодны и работникам, для которых занятость не является приоритетом в силу жизненных обстоятельств. Имеются в виду пенсионеры, студенты, женщины, находящиеся в декретном отпуске, и др. Собственное дело, временная занятость, подработки или единичные заказы, поступающие время от времени, удобны для этих категорий населения.

Реализация возможностей гибкой занятости и мобильности работника проявляется в росте и реализации их человеческого потенциала, в повышении производительности труда и современных формах организации деятельности по производству продукта, услуг и информации.

Действие объективного закона концентрации производства, согласно которому научно-технический прогресс усиливает тенденцию более эффективного использования современных производительных сил в более крупных организациях. Они же (эти организации) делегируют часть прежних и новых ниш для мелкого и среднего бизнеса, составляющего технологические цепочки, позволяющие удовлетворять растущие и все более разнообразные индивидуальные потребности населения. Таким образом, организационно-технологическая сторона прогресса обуславливает одновременное развитие крупных и мелких производств, товаров, услуг и информации. Они вза-

имно дополняют друг друга. Интерпретация рядом исследователей нестандартной занятости и её неформальной части, как регрессивного явления, на наш взгляд, не является верной. Стандартная и нестандартная занятость взаимно обуславливают друг друга, их обоснованное сочетание обеспечивает сбалансированность экономики, в которую вписывается и легальная неформальная занятость в неформальном секторе. В настоящее время нет такого сбалансированного сочетания. Так, доля малого и среднего бизнеса в России значительно меньше, чем у экономик стран со сходными размерами и структурой. Кроме того, многие нестандартные формы занятости не имеют должного правового регулирования, что обусловлено как их новизной и динамичностью трансформаций, так и лоббированием со стороны работодателей сдерживания их своевременного регулирования, что позволяет бизнесу управлять ими в своих интересах в ущерб интересам работников и государства.

Направляются ли возможности, обусловленные развитием производительных сил, «во благо» или «во зло» обществу и ЧЕЛОВЕКУ, *определяется характером производственных отношений*. Ведущая роль общественной собственности на средства производства в сочетании с дополняющими её кооперативными и частными производственными отношениями, скрепленные политическими механизмами власти народа при социализме создают условия для быстрого развития современных производительных сил во благо человека и общества.

При капитализме возможности большей гибкости и мобильности работника реализуются, прежде всего, в интересах капитала и буржуазного государства. Гибкие формы занятости чрезвычайно выгодны для работодателя. Они позволяют ему сократить расходы на средства труда, персонал и оплату его труда. А работникам, особенно, если их труд не является конкурентоспособным, или при отсутствии других доступных рабочих мест и особых жизненных обстоятельств, остается только мириться с условиями капитала, если они не хотят остаться без средств к существованию. Это означает, что риски, обусловленные

гибкостью занятости, смещаются от капитала к труду.

В реальной современной российской практике нестандартная занятость, чаще всего, является неустойчивой и незащищенной. Все проявления прекаризованной занятости, как в формальном, так и в неформальном секторах экономики, включая теневые и криминальные разновидности нестандартной неформальной занятости, играют регрессивную роль.

Однако запретительные меры являются безальтернативными только для криминальной неформальной занятости. Теневая неформальная занятость в организациях и неформальном секторе законными видами деятельности должна преодолеваться сочетанием стимулирующих и запретительных мер, среди которых ведущими являются стимулирующие меры. Практика развитых зарубежных государств показывает, что и в капиталистической экономике при должном экономическом и правовом регулировании часть проблем, порождаемых неустойчивой занятостью, может быть смягчена [5]. Это отмечали и некоторые докладчики, приводя примеры хорошей практики Франции, Бельгии, в некоторой степени стран Северной Европы в развитии легального малого и среднего бизнеса и самозанятости.

Заключение

14-ая ежегодная Международная конференция в Москве, безусловно, имеет большое значение в осмыслении сложного и многомерного явления «неформальной занятости» и выработке подходов к развитию её эффективных форм. Координатор международной Европейской сети мониторинга регионального и местного рынка труда (EN RLMM) доктор Криста Ларсен подчеркнула необходимость целостного подхода к рассмотрению проблем неформальной занятости. Ею было подчеркнуто, что это часть более широкой политики в области образования и обучения с целью обеспечения достойной занятости для всех с учетом международного опыта и особенностей страновых экономик. Материалы международной конференции нуждаются в дальнейшем осмыслении и использовании во благо людей труда.

Список литературы

1. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Часы работы в России: модели занятости и факторы выбора. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. №5. С. 109-123.
2. Бобков В.Н., Одинова Е.В. Методологические основы выявления и оценивания неустойчивости нестандартной занятости. // Уровень жизни населения регионов России.

References

1. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Chasy raboty v Rossii: modeli zanyatosti i faktory vybora. // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. – 2019. - №5. - S. 109-123.
2. Bobkov V.N., Odincova E.V. Metodologicheskie osnovy vyvavleniya i ocenivaniya neustojchivosti nestandartnoj zanyatosti. // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. -

2019. №2. С. 43-51.

3. Голикова Т.А. Оценила потери соцфондов из-за теневой экономики в 2,3 трлн руб (от 10.06.2019) [Электронный ресурс]: <https://www.rbc.ru/society/10/06/2019/5cfdd2bc9a79473d913c5d5cc>. (дата обращения: 18.11.2019)

4. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения: научная монография / колл. авторов, под научн. ред. В.Н. Бобкова. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2019. 342 с.; В.Н. Бобков. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения.

5. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: монография / Под редакцией В.Н. Бобкова. М.: РеалПринт, 2017. 560 с.

6. Попова Р.И., Токсанбаева М.С. Нестандартные формы занятости в малом бизнесе // Народонаселение. 2018. № 3. С. 68-83.

7. Презентации Докладов 14 международной конференции [Электронный ресурс]: http://regionallabourmarketmonitoring.net/wp-content/uploads/2018/11/Presentations_EN-RLMM_Moscow-2019.pdf (дата обращения: 18.11.2019)

8. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683. (дата обращения: 18.11.2019)

9. Colin C. Williams and Aysegul Kayaoglu. 2016. Tackling the Informal Economy in the European Union: A Social Actor Approach. UTMS Journal of Economics 7 (2): 133-147. URL: pdfwww.utmsjoe.mk/files/Vol.%207%20No.%202/UTMSJOE-2016-0702-01-Villiams-Kayaoglu. (accessed: 18.11.2019)

10. Colin C. Williams. Dr. Alvaro Martinez-Perez. Dr. Abbi M. Kadir. Informal Entrepreneurship in Developing Economies: The Impacts of Starting up Unregistered on firm Performance. September 1, 2017. <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1111/etap.12238?journalCode=etpb>. (accessed: 18.11.2019)

11. Decker Aurélie and Jean-François Lebrun. Employment, Social Affairs & Inclusion. EC-ILO joint conference on domestic workers and Occupational Safety and Health. 2018. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=82&eventsId=1360&furtherEvents=yes> (accessed: 18.11.2019) ILO. From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. – Geneva: ILO, 2012.

12. Follis M. Perché contano i contatti personali sul mercato del lavoro?// Cranovetter M. Lavorza dei legami deboli arti saggi. Napoli: Lignori, 1998

13. ILO. Transitioning from the informal to the formal economy. Report V (1). International Labour Conference, 103 rd Session 2014. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_218128.pdf (accessed: 18.11.2019)

14. Morel Nathalie. The political economy of household services in Europe, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. <https://www.sciencespo.fr/psia/content/nathalie-morel.html> (accessed: 18.11.2019)

15. Sassen Saskia. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Harvard University Press, May 2014. <http://www.saskiasassen.com/books.php> (accessed: 18.11.2019)

16. Trigilia Carlo. Woolcock, M. (1998) 'Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework', Theory and Society 27: 151-208. https://www.researchgate.net/publication/241441020_Social_Capital_and_Local_Development. (accessed: 18.11.2019)

2019. - №2. – S. 43-51.

3. Golikova T.A. Ocenila poteri socfondov iz-za tenevoj ekonomiki v 2,3 trln rub (ot 10.06.2019) [Elektronnyj resurs]: <https://www.rbc.ru/society/10/06/2019/5cfdd2bc9a79473d913c5d5cc>. (data obrashcheniya: 18.11.2019)

4. Neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: teoriya i metodologiya vyyavleniya, ocenivanie i vektor sokrashcheniya: nauchnaya monografiya/koll. Avtorov, pod nauchn. red. V.N. Bobkova. 2-e izd., ster. - M.: KNORUS, 2019. - 342 s.; V.N. Bobkov. Neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: sostoyanie i napravleniya snizheniya.

5. Neustojchivost' zanyatosti: mezhdunarodnyj i rossijskij konteksty budushchego sfery truda: monografiya / Pod redakciej V.N. Bobkova. - M.: RealPrint, 2017. - 560 s.

6. Popova R.I., Toksanbaeva M.S. Nestandartnye formy zanyatosti v malom biznese // Narodonaselenie. - 2018. - № 3. - S. 68-83.

7. Prezencii Dokladov 14 mezhdunarodnoj konferencii [Elektronnyj resurs]: http://regionallabourmarketmonitoring.net/wp-content/uploads/2018/11/Presentations_EN-RLMM_Moscow-2019.pdf (data obrashcheniya: 18.11.2019)

8. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683. (data obrashcheniya: 18.11.2019)

9. Colin C. Williams. Dr. Alvaro Martinez-Perez. Dr. Abbi M. Kadir. Informal Entrepreneurship in Developing Economies: The Impacts of Starting up Unregistered on firm Performance. September 1, 2017. <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1111/etap.12238?journalCode=etpb>. (accessed: 18.11.2019)

10. Colin C. Williams and Aysegul Kayaoglu. 2016. Tackling the Informal Economy in the European Union: A Social Actor Approach. UTMS Journal of Economics 7 (2): 133-147. URL: pdfwww.utmsjoe.mk/files/Vol.%207%20No.%202/UTMSJOE-2016-0702-01-Villiams-Kayaoglu. (accessed: 18.11.2019)

11. Decker Aurélie and Jean-François Lebrun. Employment, Social Affairs & Inclusion. EC-ILO joint conference on domestic workers and Occupational Safety and Health. 2018. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=82&eventsId=1360&furtherEvents=yes> (accessed: 18.11.2019) ILO. From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. – Geneva: ILO, 2012.

12. Follis M. Perché contano i contatti personali sul mercato del lavoro?// Cranovetter M. Lavorza dei legami deboli arti saggi. Napoli: Lignori, 1998

13. ILO. Transitioning from the informal to the formal economy. Report V (1). International Labour Conference, 103 rd Session 2014. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_218128.pdf (accessed: 18.11.2019)

14. Morel Nathalie. The political economy of household services in Europe, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. <https://www.sciencespo.fr/psia/content/nathalie-morel.html> (accessed: 18.11.2019)

15. Sassen Saskia. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Harvard University Press, May 2014. <http://www.saskiasassen.com/books.php> (accessed: 18.11.2019)

16. Trigilia Carlo. Woolcock, M. (1998) 'Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework', Theory and Society 27: 151-208. https://www.researchgate.net/publication/241441020_Social_Capital_and_Local_Development. (accessed: 18.11.2019)

Влияние МРОТ на уровень и дифференциацию заработной платы в 2019 г.

Impact of the Minimum Wage on Wages and Wage Inequality in 2019

Получено 27.09.2019

Одобрено 06.11.2019

Опубликовано 09.12.2019

УДК: 331.215.53

DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10079

МИГРАНОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ИСЭПН РАН
Email: lmigranova@mail.ru

ПОПОВА РАИСА ИВАНОВНА

старший научный сотрудник ИСЭПН РАН
Email: raisa_popova@mail.ru

MIGRANOVA, LYUDMILA ALEKSEYEVNA

Phd in Economics, Leading Research Worker, ISESP RAS
Email: lmigranova@mail.ru

POPOVA, RAISA IVANOVNA

Senior Research Worker, ISESP RAS
Email: raisa_popova@mail.ru

Аннотация

Объект. Заработная плата

Предмет. Уровень и дифференциация заработной платы

Цель. Выявить влияние повышения МРОТ до прожиточного минимума трудоспособного населения на динамику основных характеристик оплаты труда в РФ и её регионах.

Основные положения. Проблема пространственных диспропорций в России включает социально-экономическое неравенство населения, которое в первую очередь зависит от оплаты труда – основного источника денежных доходов домохозяйств. Проблемы оплаты труда в постсоветский период известны – низкий уровень, относительно высокая дифференциация, в том числе межотраслевая и межрегиональная. Одной из основных причин этого являлся низкий уровень минимального размера оплаты труда (МРОТ). В мае 2018 г. МРОТ на федеральном уровне повышен до прожиточного минимума трудоспособного населения. В статье на данных обследований заработной платы, проведённых Росстатом в 2017 г. и 2019 г., анализируются сдвиги в распределении работников по заработной плате в России и субъектах РФ. Повышение МРОТ привело к снижению общей дифференциации заработной платы в целом по стране и в подавляющем большинстве регионов, сократились внутриотраслевые и межрегиональные различия. В 2019 г. всего в 6 субъектах РФ коэффициент фондов заработной платы составлял более 10 раз, тогда как в 2017 г. таких регионов насчитывалось 29. В 2017 г. коэффициент фондов (соотношение средней зарплаты верхнего и нижнего децилей) не превышал 8 раз всего в 6 субъектах РФ, а в 2019 г. – в 45, причём в большинстве из них (26) средняя зарплата не превышала 3 прожиточных минимумов трудоспособного населения. Последнее указывает на то, что низкая оплата труда по-прежнему остаётся актуальной проблемой в России, а у сокращения дифференциации есть и обратная сторона. Как известно ещё по советскому опыту, её низкий уровень (как, впрочем, и высокий) не способствует трудовым стимулам и социально-экономическому развитию территорий.

Ключевые слова: минимальный размер оплаты труда (МРОТ); прожиточный минимум; субъекты РФ; низкооплачиваемые работники; уровень и дифференциация зарплат; межрегиональные и внутрирегиональные различия.

Abstract

The Object of the Study. Wages in Russia and in its regions

The Subject of the Study. Levels and differentiation of wages

The Purpose of the Study is examining the impact of raising the minimum wage up to the subsistence minimum level of the able-bodied population in 2018-2019 on the dynamics of the main characteristics of wages at the federal and regional levels.

The Main Propositions of the Article. The problem of spatial inequality includes socioeconomic inequality of the population which primarily depends on work remuneration as the main source of monetary income of households. The problems of work remuneration in the post-Soviet period are well-known – low levels, relatively high wage differentiation including cross-sectoral and cross-regional disparities. These were caused to a large extent by the low level of the minimum wage in the country. In May 2018 the minimum wage was raised up to the subsistence minimum level (poverty line) of the able-bodied population. Using the data from the wage surveys conducted by Rosstat in 2017 and 2019 the authors analyse the shifts in wage distribution of workers in Russia and in its regions. The increase in the minimum wage resulted in a decline in the general differentiation of wages across the country and in the vast majority of regions, in reduction of the intra-industry and cross-regional differences. In 2019 the funds ratio (ratio of mean wages of the upper and the bottom deciles) exceeded 10 only in six regions, while in 2017 there were 29 such regions. In 2017 that ratio was below 8 only in 6 regions, in 2019 – in 45 regions, and in most of them (26) the average wage was 3 times below the subsistence minimum level of the able-bodied population. The analysis has shown that the low level of wages of most employees still remains an urgent problem, and reduction in wage inequality also has the reverse aspect. We know from the Soviet experience that low (as well as high) level of wage inequality does not promote work incentives and socioeconomic development of territories.

Keywords: minimum wage; subsistence minimum level; regions of Russia; low-paid workers; a level and differentiation of wages; cross-regional and intra-regional differences.

Введение

С переходом экономики на рыночные отношения одной из основных социально-экономических проблем в России стал низкий уровень заработной платы и её высокая дифференциация. Причиной этого являлось, в том числе отсутствие

в стране минимальной гарантии в заработной плате, которая обеспечивала бы работающему населению социально-приемлемые условия жизни необходимые для его воспроизводства. В постсоветской России динамика минимальной заработной платы (МРОТ) прошла несколько этапов,

обусловленных социально-экономической ситуацией в стране [2; 3. С.27-34]. Последний, четвёртый этап начался с мая 2018 г., когда Указом Президента РФ МРОТ на федеральном уровне был поднят до 100% к прожиточному минимуму трудоспособного населения (ПМ тр.). При этом за основу был принят ПМ тр. за 2 квартал 2017 г. (11163 руб.). В 2019 г. МРОТ повышен на федеральном уровне до 11280 руб. (2 квартал 2018 г.).

Предыдущий третий этап (2007-2017 гг.) начался с принятия Федерального закона №54-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» и другие законодательные акты Российской Федерации» от 20.4.2007 г., который внёс ряд изменений в Трудовой Кодекс РФ. Многие специалисты в области социально-трудовых отношений расценили его как стремление Правительства РФ в обозримой перспективе решить проблему несоответствия минимальной заработной платы требованиям Международной организации труда [например, 11]. В частности была отменена часть 2 ст. 129, которая касалась компенсационных и стимулирующих выплат в составе минимального размера оплаты труда (МРОТ). По действующему ранее законодательству эти выплаты в МРОТ не включались. В новой редакции записано: «Размер минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации устанавливается с учетом социально-экономических условий и величины прожиточного минимума трудоспособного населения в соответствующем субъекте Российской Федерации. Размер минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации не может быть ниже минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом».

Такое определение минимальной оплаты труда позволило работодателям и властям ряда регионов по своему усмотрению трактовать содержание МРОТ, включать в его состав стимулирующие и другие надбавки и выплаты, которые должны начисляться сверх величины МРОТ (надбавки за стаж работы на севере, работу в ночное время и т.д.). Это особенно актуально для субъектов РФ, где установлен районный коэффициент к заработной плате и другие надбавки. Анализ региональных нормативно-правовых актов и Трёхсторонних Соглашений о размере МРОТ показал, что в ряде субъектов РФ в состав МРОТ включаются не только компенсационные выплаты (на величину районных коэффициентов), но и надбавки стимулирующего характера (ХМАО, ЯНАО, республики Коми и Бурятия, Магаданская область и др.) [3. С. 27-34]). Такие надбавки – это установленные законодательством индиви-

дуальные выплаты, которые должны начисляться сверх величины МРОТ, так как касаются не всех работников в равной мере и поэтому не могут входить в МРОТ – минимальную государственную социальную гарантию оплаты труда.

Для оценки влияния МРОТ, установленного в 2018–2019 гг., на уровень и дифференциацию заработной платы используются данные двух выборочных обследований заработной платы, проведенных Росстатом на крупных и средних предприятиях (без субъектов малого бизнеса) в апреле 2017 г. и 2019 г. [6, 7].

Методика исследования

Для анализа ситуации с МРОТ в субъектах РФ все регионы были разделены на две группы: регионы с нормальными условиями жизнедеятельности (47) и условиями, отклоняющимися от нормальных (38), где установлен районный коэффициент.

В субъектах РФ, где действуют районные коэффициенты за неблагоприятные условия жизнедеятельности, федеральный МРОТ должен выполнять роль базового значения, а региональный МРОТ устанавливаться с учетом районного коэффициента (РК). Иначе оценка экономического содержания МРОТ на основе прожиточного минимума трудоспособного населения (ПМ тр.) в этих субъектах РФ не имеет смысла. Так, например, в Чукотском АО РК равен 2, а ПМ тр. почти в 2 раза больше среднероссийского (23082 руб. против 12130 руб. во 2 кв. 2019 г.), и федеральный МРОТ с учётом РК ($11280 \times 2 = 22560$ руб.) позволяет объективно оценить содержание МРОТ в округе в 2019 г. (97,7% от регионального ПМ тр.).

В некоторых субъектах РФ РК установлен только для отдельных территорий (например, в Республике Дагестан – для высокогорных районов, в Астраханской области – для пустынных и безводных территорий). Однако большинство населения в этих субъектах РФ живут и работают в нормальных условиях, поэтому они включены в состав первой группы.

В данном исследовании для всех субъектов РФ, где установлен РК к оплате труда, использовался единый подход для оценки величины региональной минимальной заработной платы независимо от того, что записано в региональных Соглашениях о МРОТ (учитываются или нет различные индивидуальные стимулирующие надбавки за стаж работы на Севере и т.п.), т.е. федеральный уровень МРОТ увеличивался на величину РК. В субъектах РФ, где в отдельных районах установлены разные РК, региональный МРОТ (и соответственно доля работников с зар-

платой на уровне и ниже МРОТ) рассчитывался по минимальной величине РК на данной территории.

В субъектах РФ, где для внебюджетного сектора минимальная заработная плата установлена в повышенном размере, в данном исследовании за региональный МРОТ принималась минимальная зарплата, установленная для бюджетных организаций (ЯНАО, Хабаровский край, Иркутская, Томская, Тульская Кемеровская и Волгоградская области, республики Кабардино-Балкария, Татарстан, г. Севастополь и др.). Такой методический приём связан с тем, что повышенный МРОТ не распространяется на работников всех организаций в субъекте РФ.

Результаты исследования

С 1 января 2019 г. в соответствии с федеральным законом МРОТ был установлен на уровне 2 квартала 2018 г. (11280 руб.) и по сравнению с 2017 г. (7500 руб.) увеличился на 50,4% не только на федеральном уровне, но и почти во всех субъектах РФ. Так, например, в регионах, где установлен РК к оплате труда, базой служили федеральные уровни МРОТ 2017 г. и 2019 г. и РК в этот период не менялись, поэтому темпы роста МРОТ в этих субъектах РФ были такими же, как по РФ и регионам с нормальными условиями жизнедеятельности (150,4%).

Анализируя динамику региональных МРОТ, прежде всего, следует отметить, что ещё в 2008 г. примерно в половине субъектов РФ с разным социально-экономическим развитием была установлена региональная минимальная заработная плата для внебюджетного сектора выше федерального уровня [4. С. 248]. В 2017 г. региональный МРОТ выше федерального уровня (7500 руб.) был установлен в подавляющем большинстве субъектов РФ с нормальными условиями жизнедеятельности, но он, как правило, касался только внебюджетного сектора. Исключением являлись Москва, С-Петербург и Ленинградская область, где повышенный региональный МРОТ распространялся на всех работников. В 2019 г. количество субъектов РФ, сохранивших повышенный региональный МРОТ хотя бы для внебюджетного сектора, сократилось до 16. Помимо Москвы (19351 руб.), С-Петербурга (18000 руб.) и Ленинградской области (12000 руб.) единый на территории МРОТ был установлен в Калужской (11514 руб.), Московской (14200 руб.), и Калининградской (12000 руб.) областях. Кроме того, в Брянской и Тульской областях для работников бюджетных организаций был установлен МРОТ выше федерального уровня (11300 руб. и 11440 руб., соответственно),

а для внебюджетного сектора ещё выше. Темпы роста МРОТ в этих субъектах РФ (за исключением Москвы), были выше, чем на всех остальных территориях. МРОТ в регионах в апреле 2017 г. варьировался от 7500 руб. до 18742 руб., а в апреле 2019 г. – от 11280 руб. до 22560 руб. Максимальные региональные различия в величине МРОТ за 2 года снизились с 2,5 (с максимумом в Москве) до 2 раз (с максимумом в Чукотском АО). Это соответствует максимальной величине РК на территории России (2 в Чукотском АО).

Экономическое содержание МРОТ в России традиционно оценивается с помощью минимального стандарта потребления, с 1992 г. им является ПМ трудоспособного населения, а к малооплачиваемым относят работников с заработком ниже этого минимума. Во 2 квартале 2017 г. МРОТ в среднем по РФ составлял 67,2% от ПМ тр., в 2019 г. – 93% (или 100% к ПМ тр. за 2 квартал 2018 г.). При этом максимальные региональные различия в величине ПМ тр. в этот период снизились с 2,43 (между Ненецким АО и Белгородской областью) до 2,33 раза (между Чукотским АО и Белгородской областью). Максимальные региональные различия в реальном содержании МРОТ (в соотношении с ПМ тр.) в 2019 г. снизились до 1,78 против 2,37 раза в 2017 г. Региональный МРОТ, представленный в соотношении с региональным ПМ тр., в 2017 г. варьировался в интервале от 0,57 (Московская область) до 1,35 раза (г. С-Петербург), а в 2019 г. – от 0,85 (Республика Карелия) до 1,51 (Республика Алтай). При этом, если в 2017 г. региональный МРОТ был выше регионального ПМ тр. только в 4 субъектах РФ (С-Петербург, Ленинградская область, республики Тыва и Алтай), то 2019 г. – в 58 субъектах РФ и в Москве МРОТ в эти годы был равен ПМ тр. (Приложение 1). Следует отметить, что в республиках Алтай и Тыва районный коэффициент равен 1,4, тогда как величина их ПМ тр. мало отличается от величины ПМ тр. в большинстве субъектов РФ с нормальными условиями жизнедеятельности (Приложение 1). Данный пример свидетельствует о том, что либо РК, либо ПМ тр. в этих регионах не отражают действительность и нуждаются в изменении.

Средняя номинальная заработная плата в целом по экономике РФ в апреле 2019 г. по сравнению с апрелем 2017 г. выросла на 20,6%. Темпы роста средней заработной платы, выраженной в соотношении с ПМ тр., за 2 года были в два раза ниже (10,9%). В регионах номинальная средняя заработная плата росла разными темпами: в апреле 2019 г. по сравнению с апрелем 2017 г. в 38 субъектах РФ темпы роста были выше среднероссийского показателя. Самые высокие темпы (более

130%) были в Костромской области, республиках Дагестан и Северная Осетия, а самые низкие – в ХМАО, ЯНАО и Хабаровском крае (менее 110%). При этом максимальные региональные различия в номинальной средней заработной плате снизились до 4,5 раза в апреле 2019 г. (между ЯНАО и Карачаево-Черкесской Республикой) против 5,4 раза в апреле 2017 г. (между ЯНАО и Республикой Дагестан). Максимальные региональные различия в заработной плате, выраженной в соотношении с региональным ПМ тр., снизились в эти годы между ЯНАО и Республикой Дагестан с 3,7 до 3 раз.

Что касается динамики численности малооплачиваемых работников в субъектах РФ, то, прежде всего, следует отметить, что во 2 квартале 2019 г. в 36 субъектах РФ региональный ПМ тр. был ниже величины федерального МРОТ. Поэтому оценить долю малооплачиваемых работников по критерию ПМ тр. в этих регионах на основе опубликованных Росстатом рядов распределения работников по заработной плате, где первый открытый интервал начинается с 11280 руб., не представляется возможным без наличия первичной информации [6]. Однако вычислить численность работников с заработком ниже ПМ тр. в целом по России (12130 руб.) опубликованные данные позволяют – доля таких работников в 2019 г. сократилась до 4,6% против 9,3% в 2017 году.

Ввиду того, что в 2019 г. в достаточно большом количестве регионов (36) оценить численность малооплачиваемых работников по критерию регионального ПМ тр. невозможно, то в данном исследовании анализируется динамика численности работников с заработком на уровне и ниже МРОТ. В целом по РФ доля работников с таким заработком увеличилась с 1,8% в 2017 г. до 2,9% в 2019 году. В большинстве субъектов РФ зафиксированы те же тенденции роста, что и по стране в целом (Приложение 1). Исключение составляют 12 регионов, где доля таких работников в 2019 г. сократилась. В эту группу вошли субъекты РФ со сложными условиями жизнедеятельности, где установлен районный коэффициент к заработной плате, а также Москва.

Среди всех субъектов РФ самая высокая доля работников с заработной платой на уровне и ниже МРОТ наблюдалась в Республике Алтай (в 2017 г. – 15,7%; 2019 г. – 17,2%). Мурманская область в эти годы отличалась самой низкой долей таких работников (0,2% и 0,5%, соответственно). Таким образом, максимальные различия между субъектами РФ в доле работников с заработной

платой на уровне и ниже регионального МРОТ составляли в 2017 г. 78,5 раз, а 2019 г. снизились более чем в два раза – до 34,4 раз. Отметим, что в советское время, когда ЦСУ СССР проводило сплошное обследование заработной платы во всех организациях без исключения, допустимым явлением считалась доля работников с заработком ниже МРОТ не более 5% в общей численности работников [10]. Если ориентироваться на этот показатель, то эта проблема остаётся актуальной в 39 субъектах РФ. Особенно остро она стоит в республиках Алтай (17,2%), Ингушетия (14,8%), Дагестан (12,8%), Чеченская (11,9%), Северная Осетия (11,7%), а также в Алтайском крае, Кировской и Оренбургской областях (более 10%).

Основная причина данных явлений – сложившаяся отраслевая структура экономики и структура занятости. В этих регионах высокая доля работников занята в сферах деятельности с относительно низкой оплатой труда. Так, например, если в среднем по РФ в сельском хозяйстве доля занятых в 2017 г. составляла 7,1%, то в Дагестане и Чечне в этой сфере деятельности занят каждый четвёртый и пятый работник (23,3% и 20,1%, соответственно). Кроме того, все эти регионы отличаются более высокой занятостью в образовании и здравоохранении. При среднероссийском уровне в 13,9% в республиках Чеченская и Алтай доля работников в этих сферах деятельности превышала 20% (21,3%, и 23,4%). В Алтайском крае и Ингушетии каждый пятый работал в торговле. В этих регионах средняя заработная плата по отношению к среднероссийскому показателю в апреле 2019 г. составляла всего 55,4% – 66,8% против 50,8% – 68,1% в апреле 2017 г. Это соотношение снизилось в Чеченской Республике с 57,2% до 55,4% и в Оренбургской области с 68,1% до 65,6%.

Другим фактором выступает сложная ситуация на рынке труда – дефицит свободных рабочих мест. Четыре Северо-Кавказские республики по напряжённости на региональном рынке труда в 2017 г. занимали последние 4 места в стране (ранжирование коэффициента напряжённости проведено Росстатом в порядке его возрастания). Недалеко от них находились Республика Алтай (78 место) и Оренбургская область (72 место). Дефицит рабочих мест позволяет работодателям нередко устанавливать оплату труда на уровне МРОТ и ниже.

Распределение работников РФ по заработной плате в 2019 г. и 2017 г. представлено в таблице 1. Для этого все работники объединены в 6 групп с заработной платой, выраженной в соотношении с ПМ тр. соответствующего периода. В состав малооплачиваемых вошли работники первых двух

Таблица 1

Распределение работников РФ по соотношению заработной платы с ПМ тр.*
в 2017 г. и 2019 г. (%).

Table 1

Distribution of the RF Workers by Wages as Compared to the Subsistence Minimum of the Able-Bodied population* in 2017 and 2019 (percent)

Годы	Малооплачиваемые с заработной платой		С зарплатой ниже средней	Средне-оплачиваемые	С зарплатой выше средней	Относительно высокооплачиваемые
	до ПМ тр.	1-2ПМ тр.	2-3,5 ПМ тр.	3,5-4 ПМ тр.	4-5 ПМ тр.	свыше 5 ПМ тр.
2017	9,3	26,9	30,5	6,3	8,2	18,1
2019	4,6	24,8	32,8	7,3	9,9	20,6

*ПМ тр. 2017 г. – 11163 руб., 2019 г. – 12130 руб.

Источник: расчёты авторов по данным Росстата [6,7].

групп – с заработной платой до ПМ тр. и от ПМ тр. до 2 ПМ тр. Работники второй группы обозначены нами как малооплачиваемые, у большинства из них заработок лишь частично учитывает иждивенческую нагрузку. В апреле 2017 г. средняя заработная плата в РФ составляла 39839 руб. или 3,57 ПМ тр., а в апреле 2019 г. – 48030 руб. или 3,96 ПМ тр., и заработная плата группы среднеоплачиваемых работников соответствует примерно этим показателям (3,5 ПМ тр. – 4 ПМ тр.). По обе стороны от этой группы находятся соответственно работники с заработком ниже (от 2 ПМ тр. до 3,5 ПМ тр.) и выше среднего уровня (от 4 ПМ тр. до 5 ПМ тр.). Относительно высокооплачиваемыми считались работники с зарплатой больше 5 ПМ тр. – 55,8 тыс. руб. в 2017 г. и 60,6 тыс. руб. в 2019 году.

Снижение доли малооплачиваемых работников первых двух групп на 6,8% сопровождалось одновременным увеличением численности занятых с более высокой заработной платой. Однако существенных изменений в численности работников в этих группах не наблюдается. Самый большой сдвиг произошёл в группе работников с зарплатой до ПМ тр., её доля в общей численности работников в РФ за два года сократилась в два раза.

Повышение МРОТ на федеральном уровне до ПМ тр. сопровождалось снижением дифференциации заработной платы. В целом по стране коэффициент фондов (KfZ) в 2019 г. сократился до 13 раз против 14,1 раза в 2017 г. (на 7,8%). В подавляющем большинстве регионов наблюдалась такая же тенденция за исключением Москвы, Се-

вастополя, Московской и Тульской областей, где KfZ несколько увеличился (на 4,8% – 7,5%), а в С-Петербурге и Ленинградской области остался на том же уровне (12 и 9 раз, соответственно).

На общую и региональную дифференциацию заработной платы существенное влияние оказывают отраслевые различия в оплате труда. По данным Росстата максимальные различия в средней заработной плате по видам деятельности в РФ (межотраслевые различия) в апреле 2019 г. увеличились до 4,5 раз против 4,2 раз в 2017 г. В эти годы самая низкая средняя заработная плата была в гостиничном бизнесе и общественном питании, а самая высокая – в финансовой и страховой деятельности, темпы роста которой и привели к росту межотраслевого неравенства. Оплата труда в сфере гостиниц и общественного питания росла темпами несколько ниже среднероссийского уровня (110,2%). Из сфер деятельности с относительно низкой заработной платой более высокие темпы роста в этот период зафиксированы в торговле (115,6%), сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве (114,4%), а в образовании и здравоохранении составляли всего 109,3% и 107,9%, соответственно.

На фоне роста межотраслевого неравенства существенно снизилась внутриотраслевая дифференциация в большинстве видов деятельности. Именно повышение МРОТ стало причиной такой динамики. В 2019 г. внутриотраслевая дифференциация увеличилась только в 4 видах деятельности за счёт роста неравенства в организациях, находящихся в негосударственной (частной) собственности (транспортировка и хранение, инфор-

Таблица 2

Распределение субъектов РФ по уровню неравенства заработной платы
в 2017 г. и 2019 г.

Table 2

Distribution of the RF Subjects by the Level of Wage Inequality in 2017 and 2019

Годы	Число регионов	Коэффициент фондов заработной платы KfZ (раз)								
		До 7	7,1-8	8,1-9	9,1-10	10,1-11	11,1-12	12,1-13	13,1-14	Свыше 14,1
2017	85	-	6	20	30	14	8	4	2	1
2019	85	14	31	26	8	1	4	-	-	1
из них: ЦФО	18	2	7	6	1	-	1	-	-	1
С-ЗФО	11	2	2	6	-	-	1	-	-	-
ЮФО	8	1	3	3	-	1	-	-	-	-
С-КФО	7	2	5	-	-	-	-	-	-	-
ПФО	14	3	5	4	2	-	-	-	-	-
УФО	6	-	2	-	3	-	1	-	-	-
СФО	10	3	3	2	2	-	-	-	-	-
ДФО	11	1	4	5	-	-	1	-	-	-

Источник: составлена авторами по данным Росстата [6; 7].

мация и связь, финансы и страхование, прочие услуги). Во всех остальных видах зафиксировано снижение и самое большое – в деятельности гостиниц и общественного питания на 17,5% (с 11,4 до 9,4 раз по коэффициенту фондов). Самое высокое неравенство наблюдалось в деятельности по предоставлению прочих услуг (22,7 и 26,1 раза в 2017 г. и 2019 г.), а низкое – в водоснабжении, водоотведении, сборе и ликвидации отходов (8,4 и 7,9 раза, соответственно). В 6 субъектах РФ, где дифференциация заработной платы выросла или осталась на уровне 2017 г., доля занятых в сферах деятельности, где неравенство увеличилось, превышает 20%, в том числе в Севастополе и С-Петербурге – 30%, в Москве – 40%.

В таблице 2 приведено распределение субъектов РФ по уровню дифференциации заработной платы. В 2017 г. регионов с KfZ ниже 7 раз не было, при этом модальный интервал с максимальным числом регионов (30) был на уровне KfZ в 9,1-10 раз. В 2019 г. число регионов с KfZ ниже 7 раз достигло 14, причём самый низкий его уровень в 6 раз зафиксирован в Республике Тыва, а модальным стал интервал в 7,1-8 раз по KfZ.

Сокращение неравенства в заработной плате в субъектах РФ происходило разными темпами – от 3,3% в Краснодарском крае и Тюменской

области (без АО) до 42% и 51% в Забайкальском крае и Республике Тыва, что объясняется динамикой доли малооплачиваемых работников и ростом средней заработной платы в первом дециле ее распределения. Так, например, в Республике Тыва и Забайкальском крае доля работников с заработками на уровне и ниже МРОТ за два года сократилась соответственно с 14,3% до 4,4% и с 12,4% до 4,8%. В результате KfZ в Республике Тыва снизился с 12 до 6 раз, а в Забайкальском крае – с 13,2 до 7,7 раза. Несмотря на почти повсеместное сокращение неравенства, максимальные региональные различия в уровне KfZ увеличились до 2,8 раза (между Москвой и Республикой Тыва) против 2 раз в 2017 г. (между Москвой и Белгородской областью). В 2019 г. всего в 6 субъектах РФ коэффициент фондов составлял более 10 раз, тогда как двумя годами раньше таких субъектов РФ было 29. В 2019 г. в 45 регионах KfZ был на уровне и ниже 8 раз, а в 2017 г. – всего в 6 регионах.

Далее представлена общая характеристика групп субъектов РФ с разным уровнем дифференциации заработной платы в 2019 г. Для сопоставимости средней заработной платы в субъектах РФ использовалось ее соотношение с региональным ПМ тр. Для сравнения приведены аналогичные показатели за 2017 г. (Приложение 2).

Вполне объясним факт низкой дифференциации в 14 регионах, где KfZ не превышает 7 раз. За исключением Республики Карелия субъекты РФ этой группы в 2017 г. относились к регионам с низким экономическим развитием (ВВП на душу ниже среднего по РФ в 2 и более раз) и ниже медианного уровня развития. Помимо Карелии и Еврейской автономии все остальные субъекты РФ отличаются занятостью в сельском хозяйстве существенно выше среднероссийского показателя. Во всех регионах (за исключением Пензенской и Псковской областей) доля занятых в образовании и здравоохранении существенно превышает среднероссийский уровень. В экономике 8 регионов ведущую роль играют обрабатывающие производства. В Псковской, Орловской, Пензенской областях, республиках Ингушетия и Мордовия в этой сфере деятельности занят каждый шестой работник, в Кировской области и Чечне – каждый пятый, а в Ивановской области – четвёртый-пятый. И, как на всей территории России, важным сегментом рынка труда является торговля, несмотря на то, что в ряде регионов доля занятых этой деятельностью ниже среднероссийского показателя. Именно для этих сфер деятельности характерны низкий уровень заработной платы, высокая доля малооплачиваемых работников, что и стало причиной значительного снижения неравенства в оплате труда в этих регионах при повышении МРОТ в 2019 г. В этой группе по уровню заработной платы выделяется Республика Тыва, что с большой вероятностью объясняется низкой величиной ПМ тр.

Группа регионов с относительно невысоким коэффициентом фондов (от 7,1 до 8 раз) самая многочисленная – 31 субъект РФ. В неё вошли регионы с разным экономическим развитием: с одной стороны, ХМАО, Чукотский АО, Республика Саха, Иркутская и Мурманская области с высоким экономическим развитием (ВВП на душу больше среднероссийского уровня) и высокой средней заработной платой, с другой – республики Дагестан, Адыгея, Кабардино-Балкария и Забайкальский край с низким экономическим развитием и низкой средней заработной платой. Как и в первой группе, в большинстве регионов (17) этой группы средняя оплата труда ниже 3 ПМ тр., а самая высокая – в ХМАО (4,26 ПМ тр.), Чукотском АО (4,85 ПМ тр.), Республике Саха (3,84 ПМ тр.). В 2017 г. только Забайкальский край отличался высоким неравенством в оплате труда (13,2 раза) и несколько выше 10 раз KfZ был в Чукотском АО, Архангельской (без НАО) и Иркутской областях. Во всех остальных регионах большого снижения дифференциации не зафиксировано.

В двух других группах субъектов РФ, где KfZ равен от 8,1 до 10 раз, число регионов со средней заработной платой до 3 ПМ тр. значительно меньше (9 из 34). Экономически средне- и высокоразвитые регионы (ВВП на душу выше медианного уровня и выше среднего по РФ уровня) составляют среди них большинство (24), и только г. Севастополь относится к регионам с низким экономическим развитием.

Группу из 6 субъектов РФ с относительно высокой дифференциацией заработной платы (свыше 10 раз по коэффициенту фондов) составили регионы с высоким экономическим развитием за исключением Астраханской области, которая в 2017 г. относилась к регионам со средним экономическим развитием, и по уровню ВРП на душу населения среди 85 субъектов РФ занимала 31 место [9]. Средняя заработная плата в соотношении с региональным ПМ тр. только в Астраханской, Московской и Тюменской областях (без АО) была ниже 4 ПМ тр., а в остальных (Москва, С-Петербург, Республика Саха) – выше 5 ПМ тр.

В России после перехода экономики на рыночные условия проблема высокой дифференциации заработной платы была в центре внимания экономистов и политиков почти четверть века. С ней связывали высокое социально-экономическое неравенство и бедность населения, рост социальной напряжённости в обществе, снижение роли стимулирующей функции заработной платы и, как следствие, низкую производительность труда. Проблема оставалась актуальной для обсуждения даже тогда, когда этот коэффициент снизился в целом по стране до 15 раз (2009 г.). В пример ставили страны Европы, где дифференциация на уровне 10 раз по коэффициенту фондов считается социально опасным явлением, и в большинстве стран она не превышает 7-8 раз [4]. Но Россию с её разными природно-климатическими условиями и отраслевой спецификой в субъектах РФ нельзя сравнивать с европейскими странами, и их критерий социальной напряжённости в обществе к нашей стране не подходит. Выше было показано, что максимальная разница в величине ПМ тр. между регионами составляет более 2,3 раза.

Европейский критерий оценки социальной напряжённости в России может быть применим только к субъектам РФ. Но и здесь не всё так просто. Снижение неравенства при повышении МРОТ может происходить как в случае, когда работодатель повышает заработную плату только неквалифицированным работникам, а у всех остальных она остаётся без изменений, так и в случае высокой численности малооплачиваемых

работников или в результате снижения темпов роста заработной платы у высокооплачиваемых работников.

В России ещё с советских времён накоплен достаточно большой опыт в исследовании проблем дифференциации заработной платы и доходов населения. Впервые глубокое теоретическое обоснование этого социально-экономического явления дано в монографии [5]. Установлено, что, если неравенство в заработной плате не соответствует различиям в количестве и качестве труда, её функция стимулирования эффективного труда не работает. В РСФСР с конца 60-х годов прошлого века распределительные отношения носили уравнилительный характер, дифференциация заработной платы по децильному коэффициенту варьировала в интервале 3-4,5 раза, который, как правило, в 2-2,5 раза ниже коэффициента фондов [12. С.335]. И этот факт, в том числе, считался причиной низкой производительности труда и эффективности народного хозяйства.

Снижение в 2019 г. неравенства в оплате труда – это результат высоких темпов роста МРОТ, которые в 2,5 раза выше темпов роста средней заработной платы. Повышение заработной платы низкооплачиваемых работников привело к снижению трудовой дифференциации. Это отчасти подтверждают данные о динамике, так называемой, внутриотраслевой дифференциации, которая в большей степени отражает трудовые различия – в квалификации основного персонала и условиях труда.

Однако это не даёт ответа на вопрос, насколько различия в заработной плате, соответствуют различиям в квалификации труда. Для этого нужно знать дифференциацию заработной платы работников разных квалификационных групп. Основным официальным источником этих данных является выборочное Обследование организаций по заработной плате в разрезе категорий персонала и профессиональных групп (сокращенно ОЗПП), проводимое Росстатом раз в 2 года. Анализ динамики различий в заработной плате работников разных профессиональных групп за период 2007-2017 гг. показал, что повышение МРОТ не привело к серьёзным сдвигам в неравенстве оплаты труда работников разной квалификации. Более существенным фактором был спрос и предложение труда определённой квалификации [13]. Именно этот фактор, как и значительный рост МРОТ, с нашей точки зре-

ния, стали основными в регионах, где дифференциация заработной платы сложилась по *KfZ* на уровне 6–7,5 раз. Как правило, это субъекты РФ с проблемами на рынке труда и такой отраслевой структурой экономики, которая не позволяет им повысить уровень экономического развития. И как следствие этого – низкая заработная плата, которая даже при низкой дифференциации не может выступать стимулом к труду и способствовать социально-экономическому развитию территорий [5; 14].

Анализ ситуации в области оплаты труда в стране и её регионах показал, что в настоящее время задача снижение неравенства в заработной плате не является актуальной, скорее наоборот. Более важная проблема, которую необходимо срочно решать – низкая оплата труда у большинства работников. По данным обследования работников РФ по заработной плате в 2017 г. 66,7% из них получали заработную плату ниже 3,5 ПМ тр., и с повышением МРОТ их численность за два года сократилась весьма незначительно – до 62,2%. В 38 субъектах РФ средняя заработная плата не превышает 3 ПМ тр. И это при том, что действующий в 2019 г. прожиточный минимум занижен и не отражает современные минимальные потребности населения.

Прожиточный минимум, как минимальный социальный норматив потребления, в соответствии с законодательством России должен был быть пересмотрен в сторону повышения ещё с 1 января 2018 г. И в 2019 г. он стал мало пригоден для содержательных оценок – с одной стороны завывает МРОТ, заработную плату и денежные доходы, с другой – занижает численность малооплачиваемых работников и уровень бедности. И, если ПМ будет пересматриваться, главное чтобы он вновь не стал бюджетом «нищеты», не обеспечивающим простого физиологического воспроизводства человека, а отражал бы современные потребности разных социально-демографических групп населения. Специалисты в области уровня и качества жизни разработали минимальный потребительский бюджет, который в стоимостном выражении в три раза больше действующего сейчас прожиточного минимума и соответствует расширенному воспроизводству населения [1]. Принятие его потребует серьёзных финансовых расходов и, прежде всего, на оплату труда работников бюджетной сферы, на что Правительство РФ вряд ли согласится в условиях невысоких темпов роста ВВП.

Приложение 1

МРОТ и прожиточный минимум трудоспособного населения в 2017 г. и 2019 г.

Appendix 1

Minimum Wage and Subsistence Minimum of the Able-Bodied Population in 2017 and 2019

Субъекты РФ	МРОТ		Доля работников с зарплатой до МРОТ, %		Прожиточный минимум (ПМтр), 2 квартал, руб.**		Соотношение МРОТ и ПМ тр., %	
	2017	2019	2017	2019	2017	2019	2017	2019
Российская Федерация	7500	11280	1,8	2,9	11163	12130	67,2	93,0
Центральный ФО								
Белгородская область	7500	11280	0,3	2,9	8989	10039	83,4	112,4
Брянская область	7500	11300	2,4	6,2	10615	11721	70,7	96,4
Владимирская область	7500	11280	3,2	5,2	10616	11746	70,6	96,0
Воронежская область	7500	11280	2,0	3,3	9292	11917	80,7	113,3
Ивановская область	7500	11280	5,2	7,5	10896	11513	68,8	98,0
Калужская область	7500	11514	1,0	2,7	10390	11917	72,2	94,7
Костромская область	7500	11280	5,4	7,9	10581	11569	70,9	97,5
Курская область	7500	11280	1,3	3,5	9725	10927	77,1	103,2
Липецкая область	7500	11280	2,8	5,3	9580	10515	78,3	107,3
Московская область	7500	14200	0,4	1,0	13146	13844 ¹⁾	57,1	102,6
Орловская область	7500	11280	4,3	7,2	10161	11124	73,8	101,4
Рязанская область	7500	11280	2,5	4,6	10139	11125	74,0	101,4
Смоленская область	7500	11280	4,3	6,0	11178	12088	67,1	93,3
Тамбовская область	7500	11280	3,6	6,9	9433	10524	79,5	107,2
Тверская область	7500	11280	6,0	8,4	11038	11891	67,9	94,9
Тульская область	7500	11440	0,6	1,8	10120	11214 ¹⁾	74,1	102,0
Ярославская область	7500	11280	1,3	4,2	10429	11631	71,9	97,0
г. Москва	18742	19351	4,1	3,7	18742	19351 ¹⁾	100,0	100,0
Северо-Западный ФО								
Республика Карелия*	8625	12972	2,8	1,3	13932	15267	61,9	85,0
Республика Коми*	9000	13536	2,2	1,2	13276	14868	67,8	91,0
Архангельская обл. (без НАО)*	9000	13536	1,1	1,5	13022	14294	69,1	94,7
Ненецкий АО*	13500	20304	2,3	3,6	21844	21049	61,8	96,5
Вологодская область*	8625	12972	5,6	4,6	11907	12398	72,4	104,6
Калининградская область	7500	12000	1,2	5,0	11361	12459	66,0	96,3
Ленинградская область	11400	12000	0,3	2	10047	11646	113,5	103,0
Мурманская область*	11250	16920	0,2	0,5	15185	17841	74,1	94,8
Новгородская область	7500	11280	1,8	3,4	11190	12130	67,0	93,0
Псковская область	7500	11280	4,3	7,2	11798	12276	63,6	91,9
г. Санкт-Петербург	16000	18000	0,3	2	11830	12584	135,2	143,0
Южный ФО								
Республика Адыгея	7500	11280	4,7	7,5	9837	10103	76,2	111,7
Республика Калмыкия	7500	11280	4,7	7,0	9264	10592	81,0	106,5

Субъекты РФ	МРОТ		Доля работников с зарплатой до МРОТ, %		Прожиточный минимум (ПМтр), 2 квартал, руб.**		Соотношение МРОТ и ПМ тр., %	
	2017	2019	2017	2019	2017	2019	2017	2019
Республика Крым	7500	11280	2,4	5,4	10634	11512	70,5	98,0
Краснодарский край	7500	11280	0,7	3,4	11141	12030	67,3	93,8
Астраханская область	7500	11280	5,6	8,4	10140	11067	74,0	101,9
Волгоградская область	7500	11280	2,5	5,5	10146	10794	73,9	104,5
Ростовская область	7500	11280	5,0	6,3	10623	11371	70,6	99,2
г. Севастополь	7500	11280	1,3	4,6	11162	12381	67,2	91,1
Северо-Кавказский ФО								
Республика Дагестан	7500	11280	11,8	14,9	9922	10363	75,6	108,8
Республика Ингушетия	7500	11280	4,9	12,8	9319	10226	80,5	110,3
Кабардино-Балкарская Респ.	7500	11280	5,3	8,5	11925	12191 ¹⁾	62,9	92,5
Карачаево-Черкесская Респ.	7500	11280	7,3	9,9	9815	10331 ¹⁾	76,4	109,2
Республика Сев. Осетия	7500	11280	8,2	11,7	9911	10226	75,7	110,3
Чеченская Республика	7500	11280	10,5	11,9	9996	10967 ¹⁾	75,0	102,9
Ставропольский край	7500	11280	4,7	6,6	9404	10222	79,8	110,4
Приволжский ФО								
Республика Башкортостан*	8625	12972	5,2	5,2	9498	10434	90,8	124,3
Республика Марий Эл	7500	11280	5,5	8,2	10047	10498	74,6	107,4
Республика Мордовия	7500	11280	2,8	4,8	9068	9914	82,7	113,8
Республика Татарстан	7500	11280	0,9	2,6	9142	10085	82,0	111,8
Удмуртская Республика*	8625	12972	4,50	8,8	9468	10608	91,1	122,3
Чувашская Республика	7500	11280	2,2	5,7	9330	10134	80,4	111,3
Пермский край*	8625	12972	2,1	5,2	10804	11338	79,8	114,4
Кировская область*	8625	12972	7,3	10,6	10159	105901	84,9	122,5
Нижегородская область	7500	11280	1,8	3,7	10033	11248	74,8	100,3
Оренбургская область*	8625	12972	7,4	10,3	9269	10221	93,1	126,9
Пензенская область	7500	11280	2,0	4,5	9771	10341	76,8	109,1
Самарская область	7500	11280	2,2	4,0	11072	11969	67,7	94,2
Саратовская область	7500	11280	2,8	7,2	9581	10276	78,3	109,8
Ульяновская область	7500	11280	3,7	5,6	10362	11110	72,4	101,5
Уральский ФО								
Курганская область*	8625	12972	10,7	12,1	10428	10559 ¹⁾	82,7	122,9
Свердловская область*	8625	12972	2	3,9	10865	11763	79,4	110,3
Тюменская обл.(без АО)*	8625	12972	1,7	3,4	11212	12069	76,9	107,5
Ханты-Мансийский АО*	12750	19176	1	1,1	15294	16568	83,4	115,7
Ямало-Ненецкий АО*	13500	20304	1	1,7	16751	17707	80,6	114,7
Челябинская область*	8625	12972	4,1	6,3	10608	11083	81,3	117,0
Сибирский ФО								
Республика Алтай*	10500	15792	15,7	17,2	10200	10442	102,9	151,2
Республика Тыва*	10500	15792	14,3	4,4	10168	11125	103,3	142,0

Приложение 1

Субъекты РФ	МРОТ		Доля работников с зарплатой до МРОТ, %		Прожиточный минимум (ПМтр), 2 квартал, руб.**		Соотношение МРОТ и ПМ тр., %	
	2017	2019	2017	2019	2017	2019	2017	2019
Республика Хакасия*	9750	14664	2,6	5	9857	11752	98,9	124,8
Алтайский край*	8625	12972	10,9	10,8	10002	10418	86,2	124,5
Красноярский край*	9750	14664	4,3	3,5	12163	13425	80,2	109,2
Иркутская область*	9750	14664	3,3	2	10814	12325	90,2	119,0
Кемеровская область*	9750	14664	6	5,6	9981	11011	97,7	133,2
Новосибирская область*	9375	14100	3,8	5,2	11854	12486	79,1	112,9
Омская область*	8625	12972	6,5	8,6	9683	10864	89,1	119,4
Томская область*	9750	14664	3,5	6,8	11539	12437	84,5	117,9
Дальневосточный ФО								
Республика Бурятия*	9000	13536	1,8	3,5	10273	12000	87,6	112,8
Республика Саха *	12750	19176	1,2	2,3	17601	179851)	72,4	106,6
Забайкальский край*	10500	15792	12,4	4,8	11392	12798	92,2	123,4
Камчатский край*	13500	20304	2,4	0,6	20399	21660	66,2	93,7
Приморский край*	9750	14664	1,8	2,4	13191	13958	73,9	105,1
Хабаровский край*	9750	14664	1	1,7	13807	15260	70,6	96,1
Амурская область*	9750	14664	5	2,5	12184	13009	80,0	112,7
Магаданская область*	12750	19176	0,5	1	18994	20824	67,1	92,1
Сахалинская область*	12000	18048	0,3	0,9	14552	15807	82,5	114,2
Еврейская авт. область*	9750	14664	2,8	3,7	13422	15254	72,6	96,1
Чукотский АО*	15000	22560	1,2	2,2	21396	23082	70,1	97,7
Максимальное значение	18742	22560	15,7	17,2	21844	23082	135,2	151,2
Минимальное значение	7500	11280	0,2	0,5	8989	9914	57,1	85,0
Соотношение, раз	2,5	2,0	78,5	34,4	2,43	2,33	2,4	1,78

* Субъекты РФ, где установлен районный коэффициент к заработной плате.

Источник: **данные Росстата, из них за 1 квартал 2019 на 04.09.2019, ¹⁾;

МРОТ – [Электронный ресурс] Режим доступа: www.consultant.ru. и расчёты авторов

Приложение 2

Распределение субъектов РФ по величине коэффициента фордов заработной платы (Kfz) в 2019 г.

Appendix 2

Distribution of the RF Subjects by the R/P10% Ratio of Wages in 2019

Ранг по Kfz 2019	Субъекты РФ	Апрель 2019 г.			Апрель 2017 г.		
		Kfz	Средняя заработная плата		Kfz	Средняя заработная плата	
			руб.	в ПМ тр, раз**		руб.	в ПМ тр, раз**
	Российская Федерация	13	48030	3,96	14,1	39839	3,57
1	Республика Тыва*	6	36810	3,31	12,2	29617	2,91
2	Республика Мордовия	6,5	27549	2,78	7,7	23604	2,60

Ранг по Kfz 2019	Субъекты РФ	Апрель 2019 г.			Апрель 2017 г.		
		Kfz	Средняя заработная плата		Kfz	Средняя заработная плата	
			руб.	в ПМ тр, раз**		руб.	в ПМ тр, раз**
3	Алтайский край	6,5	27027	2,59	9,3	21953	2,19
4	Республика Карелия*	6,6	41080	2,69	10,1	34788	2,50
5	Республика Калмыкия	6,6	27110	2,56	8,5	22046	2,38
6	Республика Алтай*	6,6	32063	3,07	9,7	24825	2,43
7	Еврейская авт. область*	6,6	40276	2,64	8,4	33862	2,52
8	Республика Ингушетия	6,7	26614	2,60	9,3	21346	2,29
9	Чеченская Республика	6,7	26595	2,43	7,8	22768	2,28
10	Ивановская область	6,8	26455	2,30	8,6	22066	2,03
11	Орловская область	6,9	28574	2,57	8,3	23874	2,35
12	Псковская область	6,9	28485	2,32	8,1	22747	1,93
13	Пензенская область	6,9	29468	2,85	7,9	25470	2,61
14	Кировская область*	7	29318	2,77	8,6	24217	2,38
15	Белгородская область	7,1	33617	3,35	7,5	28968	3,22
16	Тамбовская область	7,1	27528	2,62	8,3	23125	2,45
17	Республика Дагестан	7,1	26575	2,56	9,2	20248	2,04
18	Курганская область	7,1	29403	2,78	9,7	24017	2,30
19	Курская область	7,2	32575	2,98	7,9	27162	2,79
20	Республика Адыгея	7,2	28802	2,85	8,4	23029	2,34
21	Удмуртская Республика	7,2	33386	3,15	8,5	28218	2,98
22	Чувашская Республика	7,3	28869	2,85	8,3	23592	2,53
23	Республика Бурятия *	7,3	37949	3,16	8,4	31339	3,05
24	Брянская область	7,4	29056	2,48	8,6	23591	2,22
25	Кабардино-Балкарская Респ.	7,5	26603	2,18	9,3	21188	1,78
26	Республика Марий Эл	7,5	28674	2,73	8,8	23617	2,35
27	Архангельская обл. (без Н АО)*	7,6	48200	3,37	10,1	39140	3,01
28	Карачаево-Черкесская Респ.	7,6	25949	2,51	9,2	22186	2,26
29	Республика Саха*	7,6	68985	3,84	9,7	59357	3,37
30	Владимирская область	7,7	31668	2,70	8,6	27155	2,56
31	Ставропольский край	7,7	30784	3,01	9,1	25751	2,74
32	Ханты-Мансийский АО*	7,7	70582	4,26	9,5	66171	4,33
33	Иркутская область*	7,7	44436	3,61	10,5	35824	3,31
34	Забайкальский край*	7,7	41468	3,24	13,2	33237	2,92
35	Мурманская область*	7,8	64327	3,61	9,5	51789	3,41
36	Республика Крым	7,8	31815	2,76	8,1	25284	2,38
37	Республика Хакасия *	7,8	39745	3,38	9	33384	3,39

Приложение 2

Ранг по Kfz 2019	Субъекты РФ	Апрель 2019 г.			Апрель 2017 г.		
		Kfz	Средняя заработная плата		Kfz	Средняя заработная плата	
			руб.	в ПМ тр, раз**		руб.	в ПМ тр, раз**
38	Рязанская область	7,9	33809	3,04	9,7	28661	2,83
39	Волгоградская область	7,9	32264	2,99	9	27509	2,71
40	Ульяновская область	7,9	29981	2,70	9,7	25353	2,45
41	Кемеровская область *	7,9	40841	3,71	9,8	31713	3,18
42	Смоленская область	8	31141	2,58	9,9	26158	2,34
43	Республика Северная Осетия	8	27568	2,70	9,9	20938	2,11
44	Саратовская область	8	28428	2,77	9,3	24027	2,51
45	Чукотский АО *	8	111164	4,82	10,2	94719	4,43
46	Новгородская область	8,1	31305	2,58	8,7	27903	2,49
47	Хабаровский край*	8,1	48112	3,15	9,8	44931	3,25
48	Костромская область	8,2	33489	2,89	11,6	24458	2,31
49	Тульская область	8,3	37377	3,33	7,8	30602	3,02
50	Республика Коми *	8,3	54801	3,69	11,6	45568	3,43
51	Омская область	8,3	34617	3,19	9,8	29579	3,05
52	Воронежская область	8,4	33633	2,82	9,1	28035	3,02
53	Вологодская область *	8,4	37228	3,00	11,1	29647	2,49
54	Пермский край *	8,4	37721	3,33	9,1	32565	3,01
55	Амурская область*	8,4	45418	3,49	11,3	35184	2,89
56	Липецкая область	8,5	35132	3,34	9,6	28908	3,02
57	Приморский край *	8,5	44914	3,22	10,3	36660	2,78
58	Ярославская область	8,6	35066	3,01	9,9	29847	2,86
59	Оренбургская область*	8,6	31494	3,08	9,7	27125	2,93
60	г. Севастополь	8,7	33105	2,67	8,3	26302	2,36
61	Республика Башкортостан *	8,7	35841	3,44	10,4	29140	3,07
62	Республика Татарстан	8,7	36837	3,65	10	31874	3,49
63	Калининградская область	8,8	33827	2,72	9,2	31210	2,75
64	Ростовская область	8,8	32769	2,88	11,3	28034	2,64
65	Томская область *	8,8	43029	3,46	10,2	37669	3,26
66	Камчатский край *	8,8	76721	3,54	11,8	66878	3,28
67	Магаданская область *	8,8	93977	4,51	10,2	74258	3,91
68	Тверская область	8,9	32642	2,75	10,4	27063	2,45
69	Краснодарский край	8,9	35663	2,96	9,2	29526	2,65
70	Ненецкий АО*	9	86861	4,13	9,7	76616	3,51
71	Ленинградская область	9	46062	3,96	9	38199	3,80
72	Самарская область	9,1	35408	2,96	10,6	30215	2,73
73	Челябинская область*	9,1	37392	3,37	10,2	32335	3,05

Продолжение таблицы

Ранг по Kfz 2019	Субъекты РФ	Апрель 2019 г.			Апрель 2017 г.		
		Kfz	Средняя заработная плата		Kfz	Средняя заработная плата	
			руб.	в ПМ тр, раз**		руб.	в ПМ тр, раз**
74	Новосибирская область*	9,1	38070	3,05	10,9	32484	2,74
75	Свердловская область*	9,2	40168	3,41	10	34662	3,19
76	Ямало-Ненецкий АО*	9,2	117691	6,65	11,1	109343	6,53
77	Калужская область	9,3	40955	3,44	9,4	32690	3,15
78	Нижегородская область	9,3	35952	3,20	11	30301	3,02
79	Красноярский край	9,6	50863	3,79	12,9	40295	3,31
80	Астраханская область	10,3	37593	3,40	12,3	30942	3,05
81	Московская область	11,4	55097	3,98	10,6	45133	3,43
82	Тюменская область (без АО)*	11,7	47124	3,90	12,1	42284	3,77
83	Сахалинская область*	11,8	81263	5,14	13,8	66901	4,60
84	г. Санкт-Петербург	12	63555	5,05	12	53261	4,50
85	г. Москва	16,4	102907	5,32	15,5	86759	4,63

Источники: данные Росстата [8, 9], ** расчёты авторов

* Субъекты РФ, где установлен районный коэффициент к заработной плате.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Пространственная реструктуризация России с учётом геополитических социально-экономических и геоэкологических вызовов»), проект «Социально-экономическое неравенство населения в регионах России, как фактор пространственных диспропорций».

Список литературы

1. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В., Сафронова А.М. Социально приемлемая потребительская корзина // Уровень жизни населения регионов России. 2019. №2. С. 8-26.
2. Заработная плата в России – эволюция и дифференциация. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 2007. 575 с.
3. Мигранова Л.А. Минимальная гарантия оплаты труда в России и её регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2019. №2. С. 27-34.
4. Мигранова Л.А. Заработная плата в России и мире: сравнительный анализ // Народонаселение. 2018. № 3. С. 52-67.
5. Рабкина Н.Е., Римашевская Н.М. Основы дифференциации заработной платы и доходов населения. М.: Экономика, 1972 г. 288 с.
6. Росстат. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2019 г. (статистический бюллетень). Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
7. Росстат. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2017 г. (статистический бюллетень). Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

References

1. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova Ye.V., Safronova A.M. Sotsial'no priyemlemaya potrebitel'skaya korzina // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2019. №2. S. 8-26.
2. Zarabotnaya plata v Rossii – evolyutsiya i differentsiatsiya. M.: Izdatel'skiy dom GU VSHE. 2007. 575 s.
3. Migranov L.A. Minimal'naya garantiya oplaty truda v Rossii i yeyo regionakh // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2019. №2. S. 27-34.
4. Migranov L.A. Zarabotnaya plata v Rossii i mire: sravnitel'nyy analiz // Narodonaseleniye. 2018. № 3. S.52-67.
5. Rabkina N.Ye., Rimashevskaya N.M. Osnovy differentsiatsii zarabotnoy platy i dokhodov naseleniya, M.: Ekonomika, 1972 g., 288s.
6. Rosstat. Svedeniya o raspredelenii chislennosti rabotnikov po razmeram zarabotnoy platy za aprel' 2019 g. (statisticheskiy byulleten'). Elektronnyy resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru>
7. Rosstat. Svedeniya o raspredelenii chislennosti rabotnikov po razmeram zarabotnoy platy za aprel' 2017 g. (statisticheskiy byulleten'). Elektronnyy resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru>

8. Росстат. Социально-экономическое положение России -2019 (январь-май); 2017(январь-май). Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
9. Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
10. Система экономико-математических моделей для анализа и прогноза уровня жизни. Под редакцией Н.П. Федоренко и Н.М. Римащевской. М.: Наука, 1986. С. 101-111.
11. Социальная поддержка населения. Минимальная оплата труда // Вестник НИИ труда и социального страхования. 2009. №1. С. 73-90.
12. Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М.: Издательство Референдум. 2003. 672с.
13. Токсанбаева М.С. Дифференциация заработной платы в контексте стимулирования труда // Управление экономическими системами (электронный журнал). 2018. № 9. – Режим доступа: <http://www.uecs.ru/economika-truda/item/5079-2018-09-06-06-57-52> (дата обращения 10.06.2019)
14. Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука. 2006. 260 с.
8. Rosstat. Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye Rossii -2019 (yanvar'-may); 2017(yanvar'-may). (Elektronnyy resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru>
9. Rosstat. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli. 2018. Elektronnyy resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru>
10. Sistema ekonomiko-matematicheskikh modeley dlya analiza i prognoza urovnya zhizni. Eds. N.P. Fedorenko and N.M. Rimashevskaya. - M.: Nauka 1986
11. Sotsial'naya podderzhka naseleniya. Minimal'naya oplata truda // Vestnik NII truda i sotsial'nogo strakhovaniya. 2009. №1. S. 73-90
12. Spravedlivyye i nespravedlivyye sotsial'nyye neravenstva v sovremennoy Rossii. M.: Izdatel'stvo Referendum. 2003. 672s.
13. Toksanbayeva M.S. Sotsial'nyye interesy rabotnikov i ispol'zovaniye trudovogo potentsiala – M.: Nauka.2006. 260s.
14. Toksanbayeva M.S. Differentsiatsiya zarabotnoy platy v kontekste stimulirovaniya truda// Upravleniye ekonomicheskimi sistemami (elektronnyy zhurnal). – 2018. – № 9. – Rezhim dostupa: <http://www.uecs.ru/economika-truda/item/5079-2018-09-06-06-57-52> (data obrashcheniya 10.06.2019)

Развитие механизма регулирования низких доходов от занятости как направление повышения уровня жизни населения российской Арктики

Development of the Mechanism for Regulating Low Income from Employment as a Trend of Increasing the Living Standards of Population of the Russian Arctic

Получено 29.10.2019 Одобрено 19.11.2019 Опубликовано 09.12.2019 УДК: 331.2:369.011 DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10080

ЗЛЕНКО ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА

Член Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации
Email: EGZlenko@senat.gov.ru

ZLENKO YELENA GENNAD'YEVNA

Member of the Council of the Federation of the Federal
Assembly of the Russian Federation
Email: EGZlenko@senat.gov.ru

Аннотация

Арктика занимает особое место в стратегии социально-экономического развития России. Обозначенные на современном этапе стратегические задачи предполагают комплексное развитие Арктики, достижение позитивных изменений в экономике и социальной сфере, повышение уровня жизни и роли доходов от занятости в обеспечении жизнедеятельности населения. Статья посвящена механизму регулирования низких доходов от занятости, рассматриваемому в рамках повышения уровня жизни граждан, проживающих и работающих в условиях Арктики.

Объект исследования. Уровень жизни населения Арктики.

Предмет исследования. Регулирование низких доходов от занятости населения Арктики

Цель работы. Развитие механизма регулирования низких доходов от занятости в Арктике в целях повышения уровня жизни населения

Основные положения статьи. Низкие доходы от занятости негативно отражаются на уровне жизни населения. В Арктике положение усугубляется слабой социальной инфраструктурой, высокой стоимостью жизни, территориальной отдаленностью от развитых промышленных центров. Низкие трудовые доходы становятся причиной малообеспеченности домохозяйств и высоких социальных рисков. Действующая система государственных гарантий и компенсаций, призванная возмещать дополнительные материальные и физиологические затраты в связи с работой и проживанием в экстремальных природно-климатических условиях, проблему низких доходов не снимает. Экономический эффект от районных коэффициентов и северных надбавок за трудовой стаж является недостаточным для этого. Отсутствие стимулов социальной и экономической целесообразности жить и работать в суровых северных условиях обуславливает нежелательные тенденции в миграционных процессах. Сохраняющийся отток населения представляет собой большую проблему для современной Арктики.

Важное значение для повышения уровня жизни населения имеет эффективная политика регулирования низких доходов от занятости. Ключевую роль играют механизм регулирования оплаты труда и его критериальная основа. На их развитие ориентирована рассматриваемая в работе двухмерная система социальных критериев малообеспеченности, которая формируется на базе потребительских бюджетов - прожиточного минимума и социально приемлемого (восстановительного) потребительского бюджета. В работе даны предложения по созданию арктических систем оплаты труда и налогообложения бизнеса.

Ключевые слова: Арктика; государственные социальные гарантии и компенсации; малообеспеченность, районный коэффициент; северная надбавка, прожиточный минимум; социально приемлемый (восстановительный) потребительский бюджет; уровень жизни.

Abstract

The Arctic has a special place in the strategy of socioeconomic development of Russia. The strategic tasks outlined at the present stage imply the integrated development of the Arctic, achieving positive changes in the economy and the social sphere, raising the standard of living and the role of income from employment in ensuring the livelihoods of the population. The article is devoted to the mechanism of regulation of low income from employment, considered in the framework of improving the living standards of citizens living and working in the Arctic.

The Object of the Study. Arctic living standards

The Subject of the Study. Regulating low incomes from employment of the Arctic population

The Purpose of the Study. Development of a mechanism for regulating low income from employment in the Arctic in order to improve the living standards of the population

The Main Provisions of the Article. Low income from employment negatively affects the standards of living of the population. In the Arctic, the situation is aggravated by a weak social infrastructure, high cost of living, and territorial remoteness from developed industrial centres. Low labour incomes are causing low-income households and high social risks. The current system of state guarantees and compensations, designed to reimburse additional material and physiological costs in connection with work and living in extreme climatic conditions, does not eliminate the problem of low incomes. The economic effect of district coefficients and northern allowances for seniority is insufficient for this. The lack of incentives for social and economic feasibility to live and work in harsh northern conditions leads to undesirable trends in migration processes. The continued outflow of population is a big problem for the modern Arctic.

An important policy for improving the living standards of the population is an effective policy for regulating low income from employment. The key role is played by the mechanism for regulating wages and its criteria basis. Their development is focused on the two-dimensional system of social criteria of low-income considered in the work, which is formed on the basis of consumer budgets – the cost of living and the socially acceptable (recovery) consumer budget. The paper gives suggestions for the creation of Arctic systems of remuneration and taxation of business.

Keywords: Arctic; state social guarantees and compensations; poverty, district coefficient; northern allowance, cost of living; socially acceptable (recovery) consumer budget; standard of living.

Введение

Российская Арктика является уникальной по своему природному и социально-экономическому положению. Она признана стратегической ресурсной базой, обеспечивающей социально-экономическое развитие страны. Арктическая зона играет важную роль в обеспечении национальной безопасности, концепция которой учитывает необходимость развития человеческого потенциала, удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей населения, снижения уровня социального и имущественного неравенства за счет роста его доходов [25, п. 50].

На международном уровне Россия занимает ведущие позиции в освоении Арктики. В докладе американского центра CNAS (Center for a New American Security) констатируется, что Россия является доминирующей арктической державой, она практически по всем важнейшим критериям сравнительной оценки заметно превосходит все прочие арктические нации, её следует признать в качестве нынешнего лидера в Арктике [31, р.4, 10]. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» предусматривает формирование опорных зон и предоставление современных возможностей жизнеобеспечения и удовлетворения основных социально-бытовых и культурных потребностей населения Арктики [2, п.4].

Обеспечение социального благополучия населения требует наличия соответствующих социальных ориентиров для достижения такого уровня социального качества, которое предполагает наличие доступа к социально-экономической защите (социально-экономического обеспечения). «Исследователи определили понятие «социальное качество» как «степень, до которой люди способны участвовать в социальной и экономической жизни их сообществ на условиях, способствующих росту их благосостояния и индивидуальным возможностям (Wflker, 2005)» [22, с. 62–63].

На социальном благополучии отрицательно сказывается проблема низких трудовых доходов населения. В Арктике она формируется в условиях снижения роли государственных северных гарантий и компенсаций в обеспечении жизнедеятельности. Низкие доходы от занятости создают высокие социальные риски для малообеспеченных домохозяйств и обуславливает нежелательные тенденции в миграционных процессах. Сохраняющийся отток населения, или «обезлюдивание», представляет собой большую проблему для современной Арктики. Продолжение оттока населения в перспективе чревато созданием угроз для

экономической и оборонной безопасности страны, территориальной и политической целостности России [8].

Для улучшения ситуации важно, учитывая специфику Арктики, не только расширять доступ к источникам доходов за счёт промышленного освоения и развития предпринимательской деятельности, но и развивать механизм регулирования низких трудовых доходов в целях повышения уровня жизни населения, работающего и проживающего в экстремальных природно-климатических условиях.

Доходы от занятости: арктический формат

Основное предназначение денежных доходов связано с поддержанием, воспроизводством и развитием собственной жизни, экономических, социальных и родственных связей и отношений, а также для совершенствования и развития производства для дальнейшего роста жизненного уровня людей [21, с. 70]. Экономическая среда, в которой формируются доходы от занятости, в Арктике имеет ресурсную направленность, «многие критические для устойчивого жизнеобеспечения функции здесь вынуждены брать на себя крупные государственные или корпоративные структуры» [13, с. 6]. Социальная значимость таких структур для Арктики существенная. Они вносят заметный вклад в бюджеты регионов, создают рабочие места, обеспечивают надежный заработок, что особенно важно в условиях ограниченного доступа к источникам доходов.

Малый и средний бизнес признан в нашей стране состоявшимся, однако в Арктике он не проявил себя как надежный источник доходов населения. Исследования российских ученых показывают, что предпринимательство способно сыграть большую роль для решения социальных проблем в Арктике. Автор разделяет исследовательскую позицию, стоящую в том, что «здесь (в Арктике. Е.З.) исключительно велика потребность в активизации роли «предпринимательского класса» в местной экономике в условиях значительно уменьшившихся возможностей государства генерировать новые рабочие места. Во многих национальных селах Севера и Арктики более половины трудоспособного населения – безработные. При этом развитие ... предпринимательства ... идет очень неустойчиво и вяло» [13, с. 13].

В регионах, полностью расположенных в Арктической зоне, доходы от занятости в настоящее время имеют следующие особенные характеристики:

- высокую долю оплаты труда в общем объёме денежных доходов населения. В 2018 г. она со-

ставила от 70% до 84% при среднероссийской ее величине 59,4%: в Ямало-Ненецком автономном округе 84,2%, в Ненецком и Чукотском автономных округах 79,9% и 76,5%, в Мурманской области 70,2% [28];

- низкую долю предпринимательских доходов в общем объеме денежных доходов населения. В 2018 г. эта доля не превышала 3,3% при 6,4% в среднем по России: в Ненецком и Чукотском автономных округах она составила всего лишь 1,4-1,7%, в экономически устойчивых Ямало-Ненецком автономном округе и Мурманской области – 3,1% и 3,3% [28];

- высокую среднюю на региональном уровне заработную плату. В 2018 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, рассчитанная по полному кругу организаций, в Чукотском (98864 руб.), Ямало-Ненецком (97204 руб.) и Ненецком (82786 руб.) автономных округах была в 1,9 – 2,3 раза выше среднероссийской величины (43724 руб.), в Мурманской области (58045 руб.) – в 1,4 раза. Указанные автономные округа вошли в пятерку лидеров среди российских регионов по уровню заработной платы, при этом Чукотский и Ямало-Ненецкий автономный округ заняли 1-ю и 2-ю позиции, соответственно [24];

- повышенный размер заработной платы за счёт государственных северных гарантий и компенсаций. Согласно статье 315 Трудового кодекса, «Оплата труда в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях осуществляется с применением районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате» [29, статья 315];

- значительную дифференциацию заработной платы, хотя и уступающую среднероссийской. Выравнивающее воздействие в арктических регионах оказывают северные государственные гарантии. В 2019 г. (апрель) коэффициент фондов, показывающий отношение средней заработной платы 10-ой и 1-ой децильных групп в распределении работников на 10-ти процентные группы в зависимости от размера начисленной заработной платы, в арктических регионах составил 8-9 раз, в среднем по России – 13 раз [18];

- размеры реальной заработной платы, формирующие трудовую бедность, несмотря на государственные гарантии и компенсации. В 2019 г. (апрель) доля работников организаций без субъектов малого предпринимательства с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения при средней по России величине 3,3% составила в Ямало-Ненецком, Чукотском, Ненецком авто-

номных округах, соответственно, 1%, 2,3%, 3,7%, Мурманской области – 0,6% [3].

Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. N 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (далее Закон 4520-1) связывает государственные гарантии и компенсации с возмещением дополнительных материальных и физиологических затрат гражданам в связи с работой и проживанием в экстремальных природно-климатических условиях Севера [5, преамбула]. Обязательный для начисления районный коэффициент наступает с началом трудовой деятельности и не зависит от формы трудовых отношений (основная работа, работа по совместительству, вахтовый метод). От стажа работы зависит процентная надбавка к заработной плате. Нарботанный трудовой стаж в северных регионах способен обеспечивать до 50–100% от основного заработка в зависимости от места трудовой деятельности. Так, например, в Чукотском автономном округе это 100%, в остальных районах Крайнего Севера – 80%; в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера – 50% [15]. Базой для начисления северных доплат является тарифный заработок.

Удельный вес тарифного заработка в начисленной заработной плате в Арктике незначительный. По данным выборочного обследования, проводимого Росстатом 1 раз в 2 года, доля тарифного заработка в начисленной заработной плате в 2017 г. (октябрь) в регионах Арктики была меньше среднероссийской (62,4%) в 2 раза (см. рисунок 1). В Мурманской области она была наиболее высокой – 32,9%, в Ненецком, Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах составила 27,9%, 29% и 29,2%, соответственно.

В арктических регионах наблюдается тенденция снижения роли госгарантий в заработной плате. На это указывает, в частности, отставание темпов роста выплат по районному регулированию (включает районный коэффициент и надбавки за стаж работы) по сравнению с тарифным заработком. Так, в Чукотском автономном округе темпы роста выплат по районному регулированию в 2017 г. к 2015 г. были ниже на 24,6% (111,8% при 136,4% по тарифному заработку), в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах – на 15,4% (111,9% и 127,2%) и 9,9% (112,8% и 122,7%), в Мурманской области – на 7,5% (110,1% и 117,6%). [19, 20] Результатом стало снижение соотношения выплат по районному регулированию с тарифным заработком. Наиболее значительным в 2017 г. к 2015 г. оно было в Чукотском автоном-

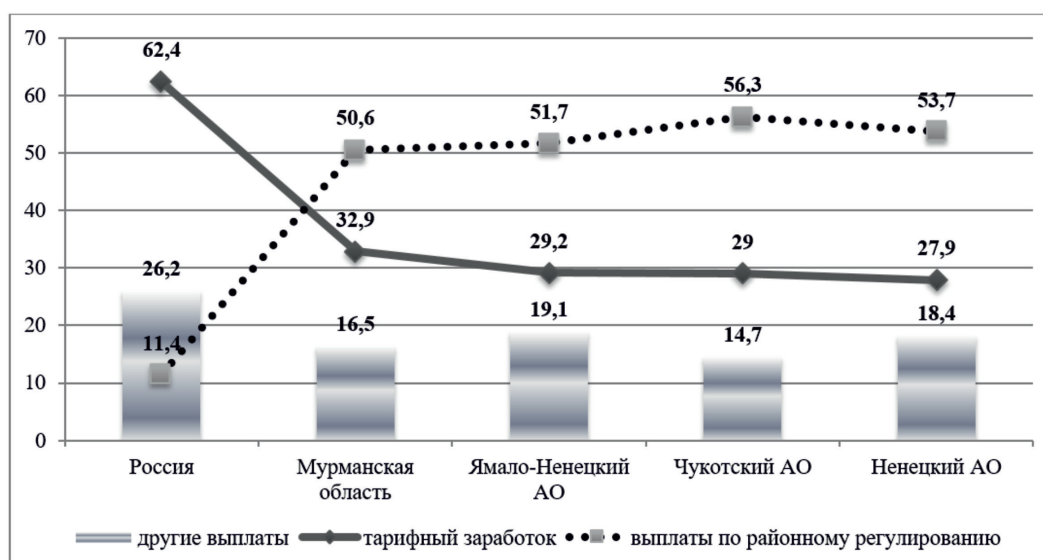

Рисунок 1. Структура начисленной заработной платы в октябре 2017 г. в целом по России и в регионах Арктики, в процентах (начисленная заработная плата = 100%)

Picture 1. The Structure of Accrued Wages in October 2017 As a Whole for Russiya As a Whole and in the Regions of the Arctic (percent, accrued wages = 100%)

Источник: [19].

ном округе, где уменьшилось с 2,17 до 1,94 раз (см. рисунок 2).

Несмотря на то, что в Закон 4520-I о государственных гарантиях и компенсациях было внесено свыше 15 изменений с даты его принятия, система северных госгарантий признана специалистами неэффективной. Особой критике подвергаются следующие её особенности:

- снижение экономической роли – районные коэффициенты к заработной плате не выполняют

в необходимом объеме свои функции [7]; районные коэффициенты утратили свою функцию полной компенсации удорожания стоимости жизни, и абсолютная надбавка настолько мала, что не может служить стимулом к закреплению кадров [1];

- избирательность действия нормы по выплате северных надбавок к заработной плате молодежи – с первого дня работы выплачивается для работающих в бюджетных организациях, а для остальных – по желанию работодателя [11];

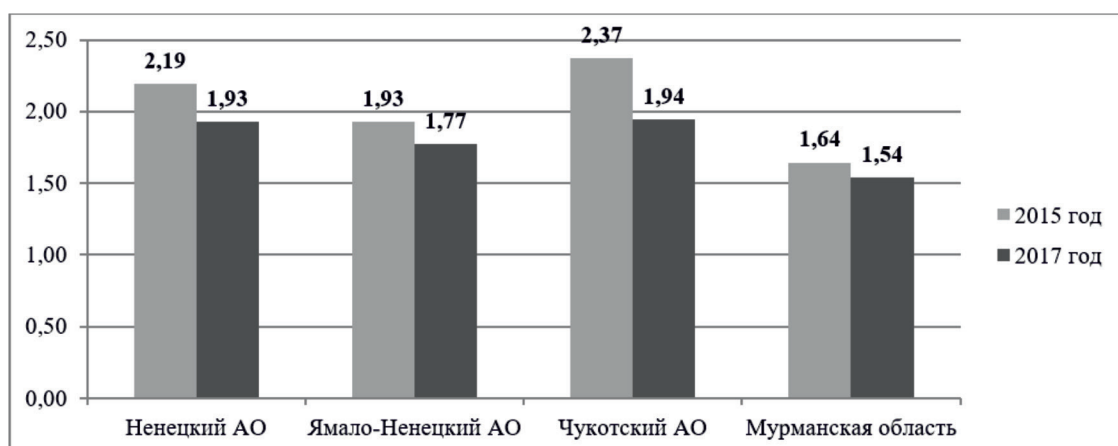

Рисунок 2. Соотношение выплат по районному регулированию и тарифного заработка в регионах Арктики в 2015 и 2017 годах (октябрь), в размах

Picture 2. The Ratio of Payments for Regional Regulation and Tariff Earnings in the Regions of the Arctic in 2015 and 2017 (October), at times

Источники: рассчитано на основе данных Росстата [19], [20].

■ отсутствует единый систематизирующий документ по начислению северного районного коэффициента для работников разных видов экономической деятельности. Это приводит к тому, что на одной и той же территории на предприятиях разных отраслей используются разные уровни районного коэффициента. К примеру, в ЯНАО сотрудникам газовой промышленности, работающим в полярной зоне, начисляется коэффициент в размере 1,8, а в сфере лесного хозяйства – 1,5. Для предприятий, финансируемых из регионального бюджета, может устанавливаться более высокий размер надбавки [6];

■ избирательность в размерах и условиях предоставления **компенсаций** работникам – в частности, расходов на проезд к месту использования отпуска и обратно у проживающих в одинаковых природно-климатических условиях. Компенсация гарантируется в зависимости от организационно-правовой формы предприятия (бюджетная либо частная организация) [11].

Высокая для России арктическая региональная заработная плата скрывает проблему значительной дифференциации заработной платы. Даже в высокодоходной сфере по добыче полезных ископаемых в Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах и в Мурманской области в апреле 2019 г. у 41-63% работников начисленная заработная плата была ниже средней по региону. А, например, в сфере здравоохранения и социальных услуг заработная плата была начислена ниже или на уровне среднего регионального показателя у 58–70% работников [18].

В Арктике малообеспеченность проявляется в более тяжелой форме, чем в обжитых российских регионах. Результаты выборочного обследования Росстатом доходов, расходов и потребления домохозяйств показали, что в 2018 г. испытывало финансовые затруднения по оплате жилищно-коммунальных услуг в Мурманской области 4% домохозяйств, в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах эта доля была еще больше – 4,7%; 6,8%; 13,5%, соответственно. Из-за ограниченности финансов были сложности с приобретением лекарств, назначенных врачом для неотложного лечения, в этих регионах (в той же последовательности) у 0,3%, 0,5%, 0,2% и 8,0% домохозяйств [4, Приложение 3].

Между тем, заболеваемость в арктических регионах выше, чем в среднем по России. В 2017 г. зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах почти в 2 раза выше среднероссийского значения (778,9 чел.),

соответственно, 1361 чел., 1224,4 чел., 1342,9 чел.. Выше заболеваемость была и в Мурманской области – 825,3 чел. на 1000 человек населения. При этом за год в Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах заболеваемость выросла на 3,7% и 4,1% [17, с. 373-374]. Для получения при необходимости высококачественной платной медицинской услуги в специализированных медицинских учреждениях, находящихся в других регионах, требуются дополнительные расходы, что при низкой материальной обеспеченности становится серьёзной проблемой.

Основные направления совершенствования механизма регулирования низких доходов от занятости

Стратегия развития Арктической зоны повышение доходов от занятости связывает с вовлечением в трудовой процесс трудоспособных безработных граждан на основе переобучения, государственной поддержки различных форм самозанятости населения и предпринимательства, среди коренных малочисленных народов. [26, п.10]. На социальное развитие и обеспечение стабильно высокого уровня занятости направлена национальная стратегия развития малого и среднего предпринимательства, которая рассматривает предпринимательство как основу для устойчивого повышения качества жизни населения, ставит задачу преодолеть неблагополучие современного предпринимательского сектора в динамике развития предпринимательства (сегодня отрицательная), в доле малых и средних предприятий в обороте предприятий по экономике в целом (снижается), в инновационной и инвестиционной активности (низкая), в уровне неформальной занятости (рост), в неравномерности распределения субъектов малого и среднего предпринимательства по регионам (высокая). Среди основных причин неблагополучия – ограниченный доступ к финансовым ресурсам для развития бизнеса [27, с.4-5].

Уровень доходов от занятости должен соответствовать определенным требованиям, которые определяются условиями жизнеобеспечения и воплощаются в социальных стандартах потребления. Известно, что экономическая и социальная целесообразность при выборе сферы трудовой деятельности будет «лишь в том случае, когда полученный доход, во-первых, обеспечивает приемлемое с точки зрения стандартов общества существование работника и членов его семьи..., во-вторых, стимулирует работника к эффективной деятельности. Это касается всех видов трудо-

вой деятельности, независимо от того, является ли она работой по найму или предпринимательством» [12, с. 40].

Высокая ограниченность по характеристикам потребления прожиточного минимума не позволяет рассматривать данный социальный стандарт потребления в качестве приемлемого социального критерия для оценки доходов от занятости. В Арктике требование к социальным критериям усиливается необходимостью учитывать потребности, связанные с возмещением дополнительных материальных и физиологических затрат в экстремальных природно-климатических условиях, что устанавливает Закон 4520-1 о государственных гарантиях и компенсациях. Это – минимальные требования. Они должны найти отражение в более высоком социальном стандарте потребления, выступающем в роли социального критерия низких доходов от занятости.

Разработки российских учёных, в частности, научной школы Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ), позволяют использовать в этих целях систему потребительских бюджетов, два из которых – прожиточный минимум и социально приемлемый (восстановительный) потребительский бюджет (СППБ) – по характеристикам потребления связаны с низким уровнем экономической обеспеченности населения [9, с. 35]. Назовем выделенную комбинацию **двухуровневой** или **двухмерной системой социальных критериев малообеспеченности**. Она настраивается на уровень экономической обеспеченности и особенности потребления разных категорий населения. Под малообеспеченностью в этих условиях понимается положение, когда имеется дефицит доходов относительно социально приемлемого (восстановительного) потребительского бюджета.

Методология определения социально приемлемого потребительского (восстановительного) бюджета предусматривает формирование потребительской корзины (продукты питания, непродовольственные товары и услуги), сбережений и обязательных платежей и сборов. В свою очередь потребительская корзина включает в себя продовольственные и непродовольственные товары и платные услуги.

Продуктовая корзина учитывает потребности домашнего питания и расходы на питание вне дома. *Набор непродовольственных товаров* включает товары индивидуального пользования и товары общесемейного пользования. Он учитывает потребности в одежде, обуви, товарах для домашнего обустройства, интеллектуального развития, досуга и отдыха, поддержания здоровья и в других социально значимых товарных позициях. *На-*

бор платных услуг формируется с учетом расходов на жилищно-коммунальные услуги; бытовое обслуживание; интеллектуальное и культурное развитие; охрану здоровья; транспорт; связь и другие услуги.

Сбережения не входят в потребительскую корзину. Они учитывают два типа задач собственного страхования – тактического плана (страхование от непредвиденных расходов) и стратегического плана (для потребностей, требующих значительных объемов денежных средств).

Расчеты разработанного автором социально приемлемого (восстановительного) потребительского бюджета для мужчины трудоспособного возраста (СППБтр) применительно к условиям Ямало-Ненецкого автономного округа показали, что стоимость такого потребительского бюджета в ценах 2016 г. составила 55008 руб., что в 3,33 раза выше величины прожиточного минимума, установленной в размере 16498 руб. в среднем в месяц для трудоспособного населения.

Оценка начисленной заработной платы работников Ямало-Ненецкого автономного округа с применением двухмерной системы социальных критериев малообеспеченности и использованием данных Росстата о распределении работников по 10%-ым группам в зависимости от начисленной заработной платы за апрель 2019 г. [18] позволила установить:

- у 30% работников (первые три дециля) заработная плата была низкой, она не достигала величины СППБтр: покупательная способность среднегрупповой заработной платы составила от 0,45 до 0,87 наборов СППБтр.;

- у 10% работников (4-ый дециль) заработная плата была в пограничном состоянии: покупательная способность была равна 1,04 наборов СППБтр.;

- у 80% работников (1-8 децили) заработная плата не позволяла работнику обеспечить потребление на уровне СППБтр., если на содержании находился хотя бы один ребенок.

Системы оплаты труда играют важную мотивационную роль для работающих. Они обеспечивают стабильность в трудовых отношениях. Для работающих должна быть понятной система оплаты труда. Неудовлетворенность уровнем заработной платы является основной причиной трудовой миграции. Основные направления совершенствования механизма регулирования низких трудовых доходов определяются действующим порядком формирования заработной платы.

Принципы и порядок формирования заработной платы устанавливаются Трудовым кодек-

сом Российской Федерации. В соответствии с его положениями действующая арктическая система оплаты труда включает в себя вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты, стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты). Тарифная ставка, оклад (должностной оклад) представляют собой фиксированный размер оплаты труда работника без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат. Работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях устанавливаются государственные гарантии и компенсации; для получения гарантий и компенсаций учитываются трудовой стаж и районный коэффициент в заработной плате [29, статьи 129, 313, 314, 316].

Каждая из трех основных составляющих арктической заработной платы – тарифный заработок, северные начисления по районному коэффициенту и за трудовой стаж – обладает собственным потенциалом для того, чтобы за счет принятия конкретных мер усилить роль трудовых доходов в обеспечении жизнедеятельности. С учетом действующего порядка при расчете заработной платы приоритет имеет тарифный заработок как базовая составляющая, к которой применяются начисления по районному коэффициенту и северной надбавке за трудовой стаж.

В основе тарифного заработка лежит минимальный размер оплаты труда (МРОТ), который включается в систему основных государственных гарантий по оплате труда работников [29, статья 130]. Трудовым кодексом предусматривается: величина МРОТ устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации и не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения; месячная заработная плата работника, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже минимального размера оплаты труда; в субъекте Российской Федерации региональным соглашением о минимальной заработной плате может устанавливаться региональный размер минимальной заработной платы [29, статьи 133 и 133.1].

Начисляемые северные выплаты по районному коэффициенту и процентной надбавке не могут включаться в состав МРОТ. Конституционный суд Российской Федерации постановил, что повышенная оплата труда работников направлена не только на возмещение им дополнительных

материальных и физиологических затрат в связи с работой в особых климатических условиях, но и на выравнивание уровня жизни населения в этих регионах, с тем чтобы в полной мере осуществить предназначение социального государства путем создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [14].

В субъектах федерации получили распространение региональные трехсторонние соглашения о минимальной заработной плате. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе минимальный уровень заработной платы регулирует Региональное трехстороннее соглашение «О минимальной заработной плате в Ямало-Ненецком автономном округе», подписанное 27 декабря 2017 г. полномочными представителями профсоюзов, работодателей и исполнительных органов государственной власти Ямало-Ненецкого автономного округа. Оно устанавливает дополнительные гарантии в системе социального партнерства. В 2019 г. базовая минимальная заработная плата равна федеральному МРОТ при условии, что работник полностью выполнил трудовые обязанности. Выплата минимальной заработной платы осуществляется с применением к ней районного коэффициента и процентной надбавки к заработной плате за стаж работы, но не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в Ямало-Ненецком автономном округе за II квартал предыдущего года [16].

Таким образом, действующий порядок начисления арктической заработной платы обуславливает принятие мер для повышения МРОТ как первое направление совершенствования механизма регулирования низких доходов, а усиление госгарантий как второе направление.

Исходя из того, что в решении вопроса должна лежать потребительская наполняемость социальных критериев, для совершенствования механизма регулирования низких доходов в арктических регионах на основе тарифного заработка и районного коэффициента могут быть предложены следующие действия:

- установить для федерального МРОТ альтернативный формат – арктический региональный базовый. Назовем его МРОТ-А. В целях сохранения преемственности порядок определения арктического регионального уровня МРОТ-А может быть принят аналогичным федеральному, т.е. в размере ПМ трудоспособного населения за 2-ой квартал предыдущего года, установленный на территории региона. В отличие от федерального МРОТ это будет социальный критерий, адаптированный к характеристикам потребления конкретных регионов. В зависимости от приня-

тых систем оплаты труда МРОТ через систему коэффициентов будет увязываться со сложностью труда и квалификацией работников и определять тарифную часть заработной платы, которая выполняет стимулирующую роль. Для арктических регионов система повышающих коэффициентов, отражающих сложность труда, на наш взгляд, должна быть более высокой, чем для регионов с нормальными условиями труда. Ее разработка и применение позволят повысить роль тарифной части заработной платы в арктических районах.

- повысить действующий районный коэффициент до уровня, определяемого соотношением СППБ и ПМ трудоспособного населения. Для Ямало-Ненецкого автономного округа это означает повышение районного коэффициента с 1,5 (гарантированного для всего населения) до 3,33, исходя из разработанной модели СППБ и ее стоимостной оценки. Две составляющие заработной платы – тарифный заработок и начисления по районному коэффициенту – в совокупности должны быть вне зависимости от северного стажа не меньше уровня СППБ для каждого работника при условии его полной занятости.

Дополнением к заработной плате будут начисления за северный трудовой стаж. Это – дополнительная стимулирующая составляющая заработной платы. По действующему порядку размер таких начислений зависит от размера тарифного заработка и процентной надбавки, которая носит дифференцированный характер. Для усиления стимулирующего эффекта целесообразно пересмотреть процентную шкалу таких начислений в сторону их увеличения.

Важную роль в регулировании низких доходов от занятости играет государственная налоговая политика. Экстремальные природно-климатические условия диктуют особые требования к налоговому регулированию предпринимательской деятельности на территории Арктической зоны, что связано с повышенными на фоне промышленно развитых российских регионов издержками – энергетическими, транспортными и т.д. Для решения этой задачи российская система налогообложения позволяет разрабатывать гибкие подходы с использованием действующих налогов. Для развития бизнеса в условиях Арктики его повышенные затраты на выплату тарифной части заработной платы и северных надбавок целесообразно компенсировать установлением более низких ставок налогов (на добычу полезных ископаемых, НДС, на прибыль и др.). Компенсации должны играть ключевую роль при снижении налоговых ставок и выступать как неотъемлемый атрибут гарантированной государством

поддержки арктического предпринимательства, не являясь, по сути, льготой. Это отвечает задачам государственной стратегии развития малого и среднего бизнеса, которая предусматривает развитие национальной гарантийной системы поддержки предпринимательства, повышение гарантийной емкости такой системы поддержки, субсидирования затрат субъектов малого и среднего предпринимательства [27, с. 6-7, 17-18, 47].

Арктические регионы имеют достаточный экономический ресурс для того, чтобы решить проблему низких доходов от занятости, повысить их стимулирующий эффект и гарантированно обеспечить социальную защищенность на территории макрорегиона. Данные Росстата показывают, что во всех арктических субъектах Российской Федерации валовой региональный продукт на душу населения стабильно превышает общероссийский уровень показателя. В 2017 г. в Ненецком автономном округе разрыв составил более 12 раз, в Ямало-Ненецком – почти 9 раз, в Чукотском – 2,7 раз, в Мурманской области – в 1,2 раза [10]. Арктическая зона России, во-первых, является донором и национальной и мировой экономики, и, во-вторых, Арктика фактически дотирует российскую систему социального обеспечения, не имея задолженностей перед основными государственными внебюджетными фондами (пенсионным и социального страхования) [23].

Заключение

Слабая политика доходов и недостаточная государственная поддержка не совместимы со стратегическими задачами развития макрорегиона. Политика доходов будет эффективной, если ее инструменты будут иметь научное обоснование, прозрачность и приемлемую степень экономической защищенности работающих граждан и членов их семей.

Первоочередной задачей должно стать решение проблемы низких трудовых доходов за счет совершенствования механизма их регулирования. В условиях действия единственного официально закрепленного социального критерия, ориентированного на бедность, применяемые меры не смогут кардинально улучшить уровень жизни населения арктических районов России. Весомый социальный эффект может обеспечить переход от прожиточного минимума к двухмерной системе социальных критериев малообеспеченности, дополнительно включающей социально приемлемый (восстановительный) потребительский бюджет, а также разработки адаптированных к условиям Арктики систем оплаты труда и налогообложения бизнеса.

Предлагаемый подход к созданию арктических систем оплаты труда и налогообложения бизнеса будет содействовать созданию качественно новых социальных ориентиров в арктической политике доходов, которые на более высоком уровне позволят гарантированно сближаться доходам от занятости в крупных хозяйственных структурах и в предпринимательском секторе. Это позволит существенно повысить привлекательность арктического рынка труда, оказывающего значительное влияние на социально-экономическое развитие Арктики.

Необходимо разработать и закрепить в законодательном порядке арктический механизм

регулирования низких доходов. При этом Арктическая зона могла бы выступить как стартовая площадка для введения в российскую практику двухмерной системы социальных критериев малообеспеченности. Это в полной мере отвечает национальным целям и задачам, обозначенным в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07 мая 2018 г. №204 и предусматривающим рост реальных доходов населения как фактор повышения уровня и качества жизни населения страны [30].

Список литературы

1. Арктика. Величие проекта / В.А.Штыров, Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://va-shtyrov.ru/pub/arktika-velichie-proekta> (дата обращения: 23.06.2019)
2. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации (ред. от 05.06.2019).
3. Доля работников организаций с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения (по данным выборочных обследований организаций, без субъектов малого предпринимательства, за апрель) / Росстат [Электронный ресурс] URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (дата обращения: 13.10.2019).
4. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2018 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств): стат. бюлл./Росстат, 2019 [Электронный ресурс] URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/9416e1004017ce639c45fec7692f4691 (дата обращения: 05.09.2019).
5. Закон Российской Федерации "О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях" от 19 февраля 1993 года N 4520-1.
6. Как будут выплачиваться северные надбавки в 2017 году // «Деловая жизнь», bs-life.ru [Электронный ресурс] URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/severnie-nadbavki2015> (дата обращения: 23.07.2019).
7. Крояло И.В. Социальное измерение государственной арктической политики России // Российский Север: модернизация и развитие, 2017 [Электронный ресурс] URL: <http://rosnord.ru/strategy/standpoint/77-sotsialnoe-izmerenie-gosudarstvennoj-arkticheskoy-politiki-rossii> (дата обращения: 11.07.2019).
8. Матвиенко назвала канадскую модель расселения неподходящей для России / Деловая газета «Взгляд», 31_10_2019 [Электронный ресурс] URL: https://news.rambler.ru/other/43089948/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.11.2019).
9. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2018 год / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, И.Б. Колмаков, Е.В. Одинцова, Е.А. Черных. Москва: ООО «Фабрика Offsetной Печати», 2019. 98 с.
10. Национальные счета России в 2014-2018 годах (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), Приложение №6 [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087050375 (дата обращения: 05.10.2019)

References

1. Arktika. Velichie proekta / V.A.Shtyrov, Oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs] URL: <https://va-shtyrov.ru/pub/arktika-velichie-proekta> (data obrashcheniya: 23.06.2019)
2. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Social'no-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii», utverzhdennoye postanovleniye Pravitel'stva Rossijskoj Federacii (red. ot 05.06.2019)
3. Dolya rabotnikov organizacij s nachislennoj zarabotnoj platoj nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma trudospobnogo naseleniya (po dannym vyborochnyh obsledovanij organizacij, bez sub"ektov malogo predprinimatel'stva, za aprel') / Rosstat [Elektronnyj resurs] URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (data obrashcheniya: 13.10.2019)
4. Dohody, raskhody i potreblenie domashnih hozyajstv v 2018 godu (po itogam vyborochnogo obsledovaniya byudzhetoj domashnih hozyajstv): stat. byull./Rosstat, 2019 [Elektronnyj resurs] URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/9416e1004017ce639c45fec7692f4691 (data obrashcheniya: 05.09.2019)
5. Zakon Rossijskoj Federacii "O gosudarstvennyh garantiyah i kompensacijah dlya lic, rabotayushchih i prozhivayushchih v rajonah Krajnego Severa i priравnennyh k nim mestnostyah" ot 19 fevralya 1993 goda N 4520-1
6. Kak budut vyplachivat'sya severnye nadbavki v 2017 godu // «Delovaya zhizn'», bs-life.ru [Elektronnyj resurs] URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/severnie-nadbavki2015> (data obrashcheniya: 23.07.2019)
7. Kroyalo I.V. Social'noe izmerenie gosudarstvennoj arkticheskoy politiki Rossii // Rossijskij Sever: modernizaciya i razvitie, 2017 [Elektronnyj resurs] URL: <http://rosnord.ru/strategy/standpoint/77-sotsialnoe-izmerenie-gosudarstvennoj-arkticheskoy-politiki-rossii> (data obrashcheniya: 11.07.2019)
8. Matvienko nazvala kanadskuyu model' rasseleniya nepodhodnyashchej dlya Rossii / Delovaya gazeta «Vzglyad», 31_10_2019 [Elektronnyj resurs] URL: https://news.rambler.ru/other/43089948/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (data obrashcheniya: 12.11.2019)
9. Monitoring dohodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii – 2018 god / V.N.Bobkov, A.A.Gulyugina, I.B.Kolmakov, E.V.Odinцова, E.A.Chernyh. – Moskva: ООО «Fabrika Offsetnoj Pechati», 2019. – 98 s.
10. Nacional'nye scheta Rossii v 2014-2018 godah (informaciya v razreze sub"ektov Rossijskoj Federacii), Prilozhenie №6 [Elektronnyj resurs] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087050375 (data obrashcheniya: 05.10.2019)
11. Pervuhin A.L. O formirovanii zainteresovannosti molodezhi v rabote na Severe / Pyatyj Mezhdunarodnyj

- УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ • №4 (214) 2019 • 132 • 36–46

Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

26. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года", утвержденная Президентом Российской Федерации 8 февраля 2013 г.

27. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 N1083-р (ред. от 30.03.2018).

28. Структура денежных доходов по источникам формирования (процент, значение показателя за год) / ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс] URL: <https://fedstat.ru/indicator/31501> (дата обращения: 07.09.2019).

29. Трудовой кодекс Российской Федерации (ред. от 02.08.2019).

30. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07 мая 2018 г. №204.

31. Arctic 2015 and Beyond. A Strategy for U.S. Leadership in the High North. POLICY BRIEF Center for a New American Security (CNAS). Washington, D.C., December 2014/ - 13 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnas.org/reports?area=arctic-region> (дата обращения: 12.06.2019)

27. Strategiya razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda, utverzhdannaya Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 02.06.2016 N1083-r (red. ot 30.03.2018)

28. Struktura denezhnyh dohodov po istochnikam formirovaniya (procent, znachenie pokazatelya za god) / EMISS. Gosudarstvennaya statistika [Elektronnyj resurs] URL: <https://fedstat.ru/indicator/31501> (data obrashcheniya: 07.09.2019)

29. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii (red. ot 02.08.2019)

30. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» ot 07 maya 2018 g. №204.

31. Arctic 2015 and Beyond. A Strategy for U.S. Leadership in the High North. POLICY BRIEF Center for a New American Security (CNAS). Washington, D.C., December 2014/ - 13 p. [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.cnas.org/reports?area=arctic-region> (data obrashcheniya: 12.06.2019)

Влияние урбанизации на благоустройство жилищного фонда в Российской Федерации

Influence of Urbanization on Improvement of Housing Fund in the Russiyskaya Federatsiya

Получено 06.10.2019

Одобрено 11.11.2019

Опубликовано 09.12.2019

УДК: 365.46

DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10081

ПОЛУЯНОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бизнеса и проектных технологий Донского казачьего государственного института пищевых технологий и бизнеса (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
Email: PoluyanovV@rambler.ru

ПОЛУЯНОВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат экономических наук, заместитель генерального директора – директор Южного IT-парка Акционерного общества «Региональная корпорация развития»
Email: Poluyanov@south-itpark.ru

POLUYANOV, VLADIMIR PETROVITCH

Doctor of Economics, Professor, Professor at the Business and Design Technologies Chair, Don Cossack State Institute of Food Technologies and Business (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State University of Technology and Management K.G. Razumovskiy (First Cossack University)»
Email: PoluyanovVP@rambler.ru

POLUYANOV, YEVGENIY VLADIMIROVITCH

PhD in Economics, Deputy Director General-Director of the South IT-Park of the «Regional corporation of development» JSC
Email: Poluyanov@south-itpark.ru

Аннотация

Объект. Жилищный фонд. **Предмет.** Благоустройство жилищного фонда.

Цель. Выявить зависимость степени благоустройства жилья от уровня урбанизации.

Основные положения статьи. Качество услуг, предоставляемых населению жилищно-коммунальной сферой, оказывает существенное влияние на качество жизни населения. Поэтому мониторинг результативности проводимых реформ как в экономике в целом, так и в жилищно-коммунальном хозяйстве Российской Федерации может осуществляться по показателям динамики качества жизни населения. При этом важной задачей является выявление факторов, влияющих на показатели качества жизни населения с целью обеспечения соответствующих условий для достижения намеченных целей. В данной работе обосновано решение задачи оценки факторов, влияющих на показатели уровня благоустройства жилищного фонда Российской Федерации. В качестве одного из таких факторов использован удельный вес городского населения.

В качестве рабочей выдвинута гипотеза о зависимости показателей благоустройства жилищного фонда от уровня урбанизации Федеральных округов. В процессе исследования была поставлена задача – проверить данную гипотезу и, в случае её подтверждения, оценить уровень и направление выявленной связи.

В качестве показателей благоустройства в работе использованы официальные статистические данные за 2017 г. по Федеральным округам Российской Федерации и данные по удельному весу городского населения.

В работе предложен алгоритм решения данной задачи, включающий процедуры ранжирования Федеральных округов по уровню благоустройства жилищного фонда, а также по показателю удельного веса городского населения. В дальнейшем производится сравнение полученных результатов ранжирования с помощью одного из статистических критериев, в качестве которого предложено использовать коэффициент корреляции рангов Спирмена.

Сформулирована постановка задачи многомерного ранжирования Федеральных округов по показателям благоустройства жилищного фонда. Поскольку в данном случае для ранжирования используются векторы одинакового размера, то для этого использован метод многомерной средней.

Для проверки выдвинутой гипотезы рассчитан коэффициент корреляции рангов Спирмена, значение которого указывает на наличие сильной статистической связи. Проверка статистической значимости коэффициента показало, что выявленная связь не является случайной.

Abstract

The Object of the Study. Housing. **The Subject of the Study.** Housing improvement.

The Purpose of the Study is to reveal the dependence of the degree of housing improvement on the level of urbanization.

The Main Provisions of the Article. The quality of services provided to the population by the housing and communal services sector has a significant impact on the quality of life of the population. Therefore, monitoring the effectiveness of the reforms carried out both in the economy as a whole and in the housing and communal services of the Russiyskaya Federatsiya can be carried out by indicators of the dynamics of the quality of life of the population. At the same time, an important task is to identify factors that affect the indicators of the quality of life of the population in order to ensure appropriate conditions for achieving the goals. This work substantiates the solution of the problem of assessing factors affecting indicators of the level of improvement of the housing stock of the Russiyskaya Federatsiya. As one of such factors, the proportion of the urban population is used.

A hypothesis of the dependence of the indicators of improvement of the housing stock on the level of urbanization of the Federal Okrugs has been put forward as a working one. In the process of the study, the task was set - to check this hypothesis and, if confirmed, to assess the level and direction of the identified relationship.

As indicators of improvement in the work, we used official statistical data for 2017 for the Federal Okrugs of the Russiyskaya Federatsiya and data on the proportion of the urban population.

The authors propose an algorithm for solving that problem, including ranking procedures of the Federal Okrugs by the level of improvement of the housing stock, as well as by the proportion of the urban population. Subsequently, the comparison of the obtained ranking results is performed using one of the statistical criteria, the Spearman rank correlation coefficient being proposed as such.

The statement of the problem of multidimensional ranking of the Federal Okrugs by indicators of improvement of the housing stock has been formulated. Since in this case vectors of the same size are used for ranking, the multidimensional average method is used for that.

To test the hypothesis put forward, the Spearman rank correlation coefficient was calculated, the value of which indicates the presence of a strong statistical relationship. Checking the statistical significance of the coefficient showed that the identified relationship is not random.

The analysis of statistical data has allowed us to conclude that

Проведённый анализ статистических данных позволил сделать вывод о наличии сильной статистической связи между интегральным уровнем благоустройства жилищного фонда и уровнем урбанизации регионов.

there is a strong statistical relationship between the integral level of improving housing and the level of urbanization of regions.

Ключевые слова: качество жизни, качество жилищно-коммунальных услуг, жилищные условия, благоустройство жилья.

Keywords: quality of life; quality of housing and communal services; housing conditions; improving of housing.

Введение

Качество и содержание услуг, предоставляемых предприятиями жилищно-коммунального хозяйства, оказывает существенное влияние на уровень жизни населения. Проведение жилищно-коммунальной реформы, повышение качества услуг, обеспечение эффективного функционирования поставщиков жилищно-коммунальных услуг в условиях современной конкурентной экономики требует решения целого комплекса теоретических и прикладных задач. Среди них – выявление факторов, влияющих на показатели качества жизни населения с целью обеспечения соответствующих условий для достижения намеченных целей. В данном случае поставлена задача оценки факторов, влияющих на показатели уровня благоустройства жилищного фонда Российской Федерации. В качестве одного из таких факторов выбран удельный вес городского населения.

Анализ публикаций

Одним из показателей качества жизни населения является благоустройство жилищного фонда.

В работе Айзиновой И.М. [1] указано на то, что в современных экономических условиях Российской Федерации показатель качества жилищного фонда становится одним из центральных показателей, определяющих качество жизни населения. В связи с этим автор определены пути повышения уровня благоустройства жилищного фонда. При этом автор особое внимание уделяет проблемам водоснабжения.

Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. [3] указывают на нерешенность вопросов стандартизации требований по благоустройству жилых помещений и предлагают разработку модели идентификации жилья разной площади, качества и благоустройства. По их мнению, следует установить стандарты четырех категорий: наиболее низкой, низкой, средней и высокой. К примеру, стандарт, определяющий четвертый (высокий) уровень жилищной обеспеченности, по их мнению, должен предусматривать наличие не менее одной комнаты на каждого члена домохозяйства, при этом на каждого человека должно приходиться не менее 60 кв. м. площади жилых помещений, оборудованных телефоном, централизованным

горячим и холодным водоснабжением и водоотведением. Кроме того, авторы цитируемой публикации уверены, что параметры благоустройства должны определяться соответствующим стандартом на жилье.

Гришанов В.И. на основе изучения статистического материала выявил тенденцию роста расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг и дифференциацию темпов этого роста по регионам Российской Федерации [4]. Шнейдерман И.М. и Гришанов В.И. [19] отмечают дифференциацию доступности услуг не только по регионам, но и по конкретным местам проживания, типам местности (городская или сельская), доходам и другим факторам. В качестве показателя доступности жилищно-коммунальных услуг Гришанов В.И. [4] использовал удельный вес соответствующих расходов в совокупном доходе.

Доступность услуг Гришанов В.И. рассматривает с двух сторон [5] – в плане физического наличия услуг и в плане их стоимости. В региональном аспекте им выделено 4 группы регионов по доступности водопровода. Такая дифференциация объясняется степенью экономического развития региона. Гришанов В.И. предложил систему показателей, с помощью которой возможно оценивать доступность для населения жилищно-коммунальных услуг. Она включает 4 блока [5], отражающих надежность и безопасность, отклонения от санитарно-гигиенических норм, социальную и экономическую эффективность. Вопросы обеспечения условий устойчивого функционирования предприятий коммунальной инфраструктуры, их экономической эффективности, подробно рассмотрены в работах [8-14]. Социальная эффективность проанализирована в работе [6]. В этом случае социально значимая проблема, по мнению Гришанова В.И. и Шнейдермана И.М., состоит в оптимальном тарифообразовании, при котором в максимальной степени удовлетворяются противоположные интересы и поставщика, и потребителя услуг. Это можно достичь по таким направлениям, как охват населения программой субсидирования, а также внедрением ресурсо- и энергосберегающих технологий в отрасль.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л. [7] обращают внимание на тот факт, что показатели обеспеченности жильём и его благоустройства сильно отличаются в городской и сельской местности. В связи с этим необходимо соответствующим образом учитывать как данный факт, так и влияние на него процессов урбанизации в нашей стране.

Современные статистические показатели Российской Федерации в этом отношении представлены показателями удельного веса общей площади жилищного фонда, оборудованного водопроводом, канализацией, отоплением, ванной, газом, горячим водоснабжением, напольными электроплитами [15].

Селютина Н.А. в своей работе [16] доказала, что количество показателей, используемых в данном случае официальными статистическими органами Российской Федерации, вполне можно сократить до четырех: «общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя; удельный вес общей площади, оборудованной канализацией; удельный вес общей площади, оборудованной газом или напольными электроплитами; общая площадь ввода в действие жилых домов на 1000 человек населения» [16].

Аналогичный подход к оценке качества жилищных условий на основе агрегированных показателей, сформированных на основании официальных статистических данных, использован в работе Чистик О.Ф. [17].

Шеремет Н.Г и Коротков А.В. [18] изучали поведение потребителей на рынке жилья с точки зрения запросов потребителей в уровне благоустройства жилья. Как указано в работе, авторам удалось сформировать систему статистических показателей, всесторонне характеризующих уровень дохода, характеристики семьи и состояние жилищного фонда с соответствующими потребностями населения в жилье определенного уровня качества и благоустройства [18].

Цель настоящей работы – выявить зависимость степени благоустройства жилья от уровня урбанизации.

В качестве рабочей гипотезы выдвинута гипотеза о зависимости показателей благоустройства жилищного фонда от уровня урбанизации Федеральных округов. В процессе исследования необходимо проверить данную гипотезу и, в случае ее подтверждения, – оценить уровень и направления выявленной связи.

Исходные данные. В качестве показателей благоустройства в работе использованы официальные статистические данные за 2017 г., приведенные в [15]. Используются соответствующие данные по Федеральным округам Российской Федерации (приведены в табл. 1.) и данные по удельному весу городского населения (соответствующая колонка в табл. 3).

Таблица 1

Удельный вес общей площади жилищного фонда, оборудованного объектами благоустройства в 2017 г. в Российской Федерации

Table 1

The proportion of the total area of the housing stock equipped with well-being facilities in 2017 in the Russian Federation

Федеральный округ	водопроводом	водоотведение (канализацией)	отоплением	ванной (душем)	газом	горячим водоснабжением	напольными электроплитами
Российская Федерация	82,4	77,6	85,9	69,9	66,5	69,2	22,7
Центральный	84,8	81,6	88,8	76,5	70,3	74,6	22,8
Северо-Западный	82,9	80,7	82,9	75,1	59,7	74,7	26,5
Южный	81,9	76,9	83,0	65,7	84,4	66,1	4,3
Северо-Кавказский	83,0	74,6	85,1	68,0	91,2	65,4	3,6
Приволжский	83,5	76,9	90,8	66,1	84,3	67,7	9,6
Уральский	82,8	79,7	84,9	72,6	53,1	71,5	33,7
Сибирский	76,4	69,2	78,5	59,5	28,7	60,4	51,6
Дальневосточный	75,8	74,1	81,4	70,1	26,8	62,1	42,8

Источник: данные Росстата [15].

Таблица 2

Матрица нормированных значений

Table 2

Normalized Matrix

Федеральный округ	водопроводом	водоотведение (канализацией)	отоплением	ванной (душем)	газом	горячим водоснабжением	напольными электроплитами
ЦФО	1,029	1,052	1,034	1,094	1,057	1,078	1,004
СЗФО	1,006	1,040	0,965	1,074	0,898	1,079	1,167
ЮФО	0,994	0,991	0,966	0,940	1,269	0,955	0,189
СКФО	1,007	0,961	0,991	0,973	1,371	0,945	0,159
ПФО	1,013	0,991	1,057	0,946	1,268	0,978	0,423
УФО	1,005	1,027	0,988	1,039	0,798	1,033	1,485
СФО	0,927	0,892	0,914	0,851	0,432	0,873	2,273
ДФО	0,920	0,955	0,948	1,003	0,403	0,897	1,885

Таблица 3

Коэффициент корреляции рангов Спирмена

Table 3

Spearman Rank Correlation Coefficient

Федеральный округ	Среднее	Ранг	Удельный вес городского населения	Ранг	d	d2
ЦФО	1,050	2	82,2	2	0	0
СЗФО	1,033	3	84,4	1	2	4
ЮФО	0,901	8	62,6	7	1	1
СКФО	0,915	7	49,8	8	-1	1
ПФО	0,954	6	71,9	6	0	0
УФО	1,054	1	81,4	3	-2	4
СФО	1,023	4	73,1	5	-1	1
ДФО	1,002	5	75,8	4	1	1
Сумма	X	x	x	x	x	12

Методология решения. Решение данной задачи предлагается по следующему алгоритму:

1. Ранжировать Федеральные округа по уровню благоустройства жилищного фонда.

2. Ранжировать Федеральные округа по показателю удельного веса городского населения.

3. Сравнить результаты ранжирования с помощью одного из статистических критериев, в качестве которого предлагается использовать коэффициент корреляции рангов Спирмена.

Сформулируем постановку задачи многомерного ранжирования Федеральных округов по

показателям благоустройства жилищного фонда. Пусть дано множество m объектов (в данном случае Федеральных округов), подлежащих ранжированию. Каждый объект характеризуется n показателями. Иными словами, имеется множество векторов, подлежащих ранжированию [2; 20; 21]:

$$I_1 = \begin{pmatrix} x_{11} \\ x_{12} \\ \dots \\ x_{1n} \end{pmatrix}; I_2 = \begin{pmatrix} x_{21} \\ x_{22} \\ \dots \\ x_{2n} \end{pmatrix}; \dots; I_m = \begin{pmatrix} x_{m1} \\ x_{m2} \\ \dots \\ x_{mn} \end{pmatrix} \quad (1)$$

Поскольку в данном случае для ранжирования используются векторы одинакового размера, то в публикациях рекомендуется использовать для этого метод многомерной средней (см., например, [2; 20; 21]).

Алгоритм ранжирования следующий [2]:

1. Характеристики объектов сводятся в матрицу размерностью $m \times n$, где m – количество объектов, n – количество показателей, характеризующих каждый объект.

2. По каждому столбцу матрицы вычисляется среднее значение:

$$\bar{x}_j = \frac{1}{k} \sum_{i=1}^k x_{ij} \quad (2)$$

3. Из исходной матрицы строится матрица нормированных значений, каждый элемент которой вычисляется по формуле:

$$y_{ij} = \frac{x_{ij}}{\bar{x}_j} \quad (3)$$

4. По матрице нормированных значений находится среднее значение показателей по каждому объекту:

$$\bar{y}_i = \frac{\sum_{j=1}^n y_{ij}}{n} \quad (4)$$

5. По значениям $\bar{y}_i$ производится ранжирование объектов.

Матрица нормированных значений приведена в табл. 2, а результаты ранжирования Федеральных округов – в колонках 2 и 3 табл. 3.

В табл. 3 приведены исходные данные и результаты ранжирования Федеральных округов по показателю удельного веса городского населения.

Для проверки гипотезы рассчитан коэффициент корреляции рангов Спирмена по следующей формуле:

$$\rho = 1 - \frac{6 \sum_{j=1}^n d_j^2}{n^3 - n} \quad (5)$$

где:

ρ – коэффициент корреляции рангов (коэффициент детерминации),

n – число наблюдений,

d^2 – квадрат разности рангов.

Соответствующие исходные данные для его расчета приведены в табл. 3.

$$\rho = 1 - \frac{6 \cdot 12}{8^3 - 8} = 0,857$$

Полученное значение указывает на наличие сильной статистической связи, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

Для проверки значимости этого коэффициента рассчитывается стандартная ошибка:

$$\sigma_\rho = \sqrt{\frac{1 - \rho^2}{n - 2}}, \quad (6)$$

где

$$\sigma_\rho = \sqrt{\frac{1 - 0,857^2}{8 - 2}} = 0,21 \quad (7)$$

n – число наблюдений,

σ^2 – квадрат коэффициента корреляции рангов (коэффициент детерминации).

Статистика t при этом имеет вид:

$$t = \frac{\rho}{\sigma_\rho}, \quad (8)$$

где ρ – проверяемый коэффициент рангов.

При этом t должно оказаться более 3, чтобы с достаточной уверенностью можно было бы сказать, что связь не случайна.

$$t = \frac{0,857}{0,21} = 4,08 \quad (9)$$

Полученное значение (4,08) указывает на высокую статистическую достоверность полученного результата.

Заключение

Таким образом, анализ статистических данных показывает на наличие сильной статистической связи между интегральным уровнем благоустройства жилищного фонда и уровнем урбанизации регионов. По-существу, это означает, либо тот факт, что в современных экономических условиях углубляются различия в качестве жизни в различных типах местности проживания, либо несовершенство современной системы государственной статистики. В любом случае, полученные выводы говорят о необходимости более взвешенной и обоснованной государственной политики в данной сфере.

Благодарность

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – проект 18-010-00806/19 «Уровень жизни населения административно-территориальных образований: выявление, исследование, анализ и оценка значимости определяющих факторов (для последующей оптимизации в условиях ограниченных ресурсов)».

Список литературы

1. Айзинова И.М. Благоустройство жилищного фонда и проблемы водоснабжения российских регионов // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2014. Т. 12. С. 297-325.
2. Близуруков М.Г. Количественные методы анализа многомерных величин: учеб. пособие / М.Г. Близуруков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.
3. Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Одинова Е.В. Социальная структура российского общества по уровню жилищной обеспеченности: критериальная и количественная идентификация // Уровень жизни населения регионов России. 2018. №2 (208). С. 8–23.
4. Гришианов В.И. Доступность жилищно-коммунальных услуг для населения различных регионов России / Управленческие науки в современном мире. 2016. Т. 2. № 2. С. 136-140.
5. Гришианов В.И. Проблемы доступности жилищно-коммунальных удобств для населения // Россия и современный мир. 2013. № 3 (80). С. 136-143.
6. Гришианов В.И., Шнейдерман И.М. Социальная эффективность сферы жилищно-коммунального обслуживания // Уровень жизни населения регионов России. 2015. №1. С.194-201.
7. Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Российская урбанизация и жилье горожан // Демоскоп Weekly. 2015. №645-646. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0645/demoscope645.pdf>. (Дата доступа: 24.09.2019).
8. Полуянов В.П. Проблемы рыночного реформирования водопроводно-канализационного хозяйства Украины // Актуальні проблеми економіки. 2004. № 3. С. 31-37.
9. Полуянов В.П. Світова практика державно-приватного партнерства в інфраструктурному забезпеченні комунального господарства // Економіка України. 2012. № 9. С. 78-85.
10. Полуянов В.П., Куликов С.Г. Проблемы формирования тарифной политики предприятий теплоснабжения // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2008. № 35. С. 229-235.
11. Полуянов В.П., Полуянова Е.И. Концессии в теплоснабжении и водоснабжении: за и против // Вестник экономической науки Украины. 2013. № 1 (23). С. 137-147.
12. Полуянов В.П., Полуянова Е.И. Особенности влияния налогообложения коммунальных предприятий на формирование тарифов // Муниципальная экономика. 2016. № 4 (68). С. 70-74.
13. Полуянов В.П., Полуянова Е.И. Оценка финансового состояния крупнейших поставщиков услуг водоснабжения // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право Сборник научных трудов. 2017. С. 142-145.
14. Полуянов В.П., Савенко А.Ю. Формирование институциональных основ развития рынка жилищно-коммунальных услуг в Украине: тарифная политика // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2007. № 31-2. С. 129-134.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.
16. Селютин Н.А. Об оценке обеспеченности населения качественным жильем (на примере регионов Центрального федерального округа) // Вопросы статистики. 2014. №1. С. 74-81.

References

1. Ajzinova I.M. Blagoustrojstvo zhlischchnogo fonda i problemy vodosnabzheniya rossijskih regionov // Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN. 2014. T. 12. S. 297-325.
2. Blizorukov M. G. Kolichestvennye metody analiza mnogomernyh velichin: ucheb. posobie / M. G. Blizorukov. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009.
3. Bobkov V.N., Kolmakov I.B., Odincova E.V. Social'naya struktura rossijskogo obshchestva po urovnyu zhlischchnoj obespechennosti: kriterial'naya i kolichestvennaya identifikaciya // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2018. №2 (208). S. 8–23.
4. Grishanov V.I. Dostupnost' zhlischchno-kommunal'nyh uslug dlya naseleniya razlichnyh regionov Rossii / Upravlencheskie nauki v sovremennom mire. 2016. T. 2. № 2. S. 136-140.
5. Grishanov V.I. Problemy dostupnosti zhlischchno-kommunal'nyh udobstv dlya naseleniya // Rossiya i so-vremennyy mir. 2013. № 3 (80). S. 136-143.
6. Grishanov V.I., SHnejderman I.M. Social'naya effektivnost' sfery zhlischchno-kommunal'nogo obslu-zhivaniya // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2015. №1. S.194-201.
7. Mahrova A.G., Kirillov P.L. Rossijskaya urbanizaciya i zhil'e gorozhan // Demoskop Weekly. 2015. №645-646. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0645/demoscope645.pdf>. - (Data dostupa: 24.08.2019).
8. Poluyanov V.P. Problemy rynochnogo reformirovaniya vodoprovodno-kanalizacionnogo hozyajstva Ukrainy // Aktual'ni problemi ekonomiki. 2004. № 3. S. 31-37.
9. Poluyanov V.P. Svitova praktika derzhavno-privatnogo partnerstva v infrastruktturnomu zabezpechenni komunal'nogo gospodarstva // Ekonomika Ukrainy. 2012. № 9. S. 78-85.
10. Poluyanov V.P., Kulikov S.G. Problemy formirovaniya tarifnoj politiki predpriyatij teplosnabzheniya // Nauchnye trudy Doneckogo nacional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: ekonomicheskaya. 2008. № 35. S. 229-235.
11. Poluyanov V.P., Poluyanova E.I. Koncessii v teplosnabzhenii i vodosnab-zhenii: za i protiv // Vestnik ekonomicheskoy nauki Ukrainy. 2013. № 1 (23). S. 137-147.
12. Poluyanov V.P., Poluyanova E.I. Osobennosti vliyaniya nalogooblozheniya kommunal'nyh predpriyatij na formirovanie tarifov // Municipal'naya ekonomika. 2016. № 4 (68). S. 70-74.
13. Poluyanov V.P., Poluyanova E.I. Ocenka finansovogo sostoyaniya krupnejshih postavshchikov uslug vodosnabzheniya // Upravlenie v usloviyah global'nyh mirovyh transformacij: ekonomika, politika, pravo Sbornik nauchnyh trudov. 2017. S. 142-145.
14. Poluyanov V.P., Savenko A.YU. Formirovanie institucional'nyh osnov razvitiya rynku zhlischchno-kommunal'nyh uslug v Ukraine: tarifnaya politika // Nauchnye trudy Doneckogo nacional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: ekonomicheskaya. 2007. № 31-2. S. 129-134.
15. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2018. 1162 s.
16. Selyutina N.A. Ob ocenke obespechennosti naseleniya kachestvennym zhil'em (na primere regionov Central'nogo federal'nogo okruga) // Voprosy statistiki. 2014. №1. S. 74-81.
17. Chistik O.F. Statisticheskoe izuchenie zhlischchnykh uslovij naseleniya Rossijskoj Federacii // Vestnik Samarskogo

17. Чистик О.Ф. Статистическое изучение жилищных условий населения Российской Федерации // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. №10(120). С. 71-79.
18. Шеремет Н.Г., Коротков А.В. Экономико-статистический анализ рынка жилья // Молодой ученый. 2016. №5(109). С. 446-452.
19. Шнейдерман И.М., Гришанов В.И. Дифференциация расходов домохозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг / Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Ответ.ред. О.А. Александрова. М.: ООО «Фабрика офсетной печати», 2018. С. 107-109.
20. Ronald E. Walpole, Raymond H. Myers at al. Probability and Statistics for Scientists and Engineers / Ronald E. Walpole, Raymond H. Myers, Sharon L. Myers, Keying Ye. – London: Pearson Education, Inc., 2007. – 823 p.
21. Sternstein Martin. Mathematics Statistics. – New York: Barron's Educational series, Inc., 1996. – 285 pp.
- gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2014. №10(120). С. 71-79.
18. SHeremet N.G., Korotkov A.V. Ekonomiko-statisticheskij analiz rynka zhil'ya // Molodoj uchenyj. 2016. №5(109). С. 446-452.
19. SHnejderman I.M., Grishanov V.I. Differenciaciya raskhodov domohozyajstv na oplatu zhilishchno-kommunal'nyh uslug / Dohody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendencii i perspektivy. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Otvet.red. O.A. Aleksandrova. – М.: ООО «Fabrika ofsetnoj pechati», 2018. С. 107-109.
- Ronald E. Walpole, Raymond H. Myers at al. Probability and Statistics for Scientists and Engineers / Ronald E. Walpole, Raymond H. Myers, Sharon L. Myers, Keying Ye. – London: Pearson Education, Inc., 2007. – 823 p.
20. Sternstein Martin. Matematics Statistics. – New York: Barron's Educational series, Inc., 1996. – 285 pp.

Финансово грамотное поведение россиян: факторы формирования

Financially Competent Behaviour of Russian People: Factors of Forming

Получено 25.10.2019

Одобрено 14.11.2019

Опубликовано 09.12.2019

УДК: 330

DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10082

АЛИКПЕРОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА

кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник ИСЭПН РАН
Email: natalie_danilina@mail.ru

ВИНОГРАДОВА КРИСТИНА ВАЛЕРЬЕВНА

научный сотрудник ИСЭПН РАН
Email: ms.kris100@mail.ru

ALIKPEROVA NATAL'YA VALER'YEVNA

PhD in Economics, Associate Professor, Financial uUniversity under the Government of the Russiyskaya Federatsiya, Leading Research Worker at the ISESP RAS

VINOGRADOVA KRISTINA VALER'YEVNA

Research Worker at the ISESP RAS
Email: ms.kris100@mail.ru

Аннотация

Объект. Финансово грамотное поведение.

Предмет. Факторы формирования финансово грамотного поведения.

Цель. Выявление факторов, влияющих на формирование финансово грамотного поведения на основе результатов эмпирических исследований уровня финансовой грамотности населения России, результатов экспертного опроса в рамках НИР «Институционализация финансовой грамотности населения России».

Основные положения статьи. Формирование финансово грамотного поведения является не только предпосылкой для эффективного функционирования и развития всей финансовой системы России, но и выступает фактором материального благополучия граждан, сглаживающим элементом дифференциации в доходах.

Изменения в экономических отношениях, усложнение финансового рынка, его структуры и продуктов, а также переход на цифровые рельсы привели население к необходимости вырабатывать навыки формирования финансово грамотных стратегий. Для реализации таких стратегий необходимо наличие ресурсной и интеллектуальной базы у населения, а также возможности для формирования эффективной экосистемы взаимодействия всех участников финансовых отношений. В ходе проведенного исследования были выявлены основные тенденции в финансовом поведении россиян в современных условиях, факторы, влияющие на выбор тех или иных стратегий финансового поведения, а также условия для трансформации данных стратегий в новые формы финансово грамотного поведения. Среди основных можно отметить низкий уровень финансовой грамотности россиян, причем данная тенденция прослеживается из года в год, что обусловлено не только психологическими и культурными аспектами поведения (присущие россиянам страх, неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне, ленность, стереотипность мышления, а также перекалывание ответственности на третьих лиц), но и усложнением финансового рынка в целом, ошибочным представлением сути тех или иных понятий и, как следствие, выстраивание финансовых стратегий в соответствии с этим пониманием, распространением набирающего оборота феномена – мисселнга, а также может косвенно свидетельствовать о малоэффективности действующей системы повышения финансовой грамотности россиян. Согласно анализу вторичных данных, данных государственной статистики доверие населения к финансовым институтам, уровень доходов также влияют на формирование финансово грамотных стратегий, что подтверждают и данные экспертного опроса, проведенного в рамках НИР «Институционализация финансовой грамотности населения России».

Ключевые слова: финансово грамотное поведение; финансовое поведение населения; финансовая грамотность; население; доходы; финансовый рынок.

Abstract

The Object of the Study. Financially competent behaviour.

The Subject of the Study. Factors of forming financially competent behaviour.

The Purpose of the Study. Identification of factors influencing the formation of financial literacy behaviour based on the results of empirical studies of the level of financial literacy of the Russian population, the results of an expert survey in the framework of research «Institutionalization of financial literacy of the Russian population».

The main Provisions of the Article. The formation of financially competent behavior is not only a prerequisite for the effective functioning and development of the entire financial system of Russia, but also acts as a factor of material well-being of citizens, a smoothing element of differentiation in income. Changes in economic relations, the complexity of the financial market, its structure and products, as well as the transition to digital rails have led the population to the need of developing skills in the formation of financially competent strategies. To implement such strategies, it is necessary to have a resource and intellectual base among the population, as well as opportunities for the formation of an effective ecosystem of interaction between all participants in financial relations. The study identified the main trends in the financial behavior of Russians in modern conditions, factors affecting the choice of certain strategies of financial behavior, as well as conditions for the transformation of these strategies into new forms of financially literate behavior. Among the main we can note the low level of financial literacy of Russians, if anything, this trend can be traced from year to year, due not only to psychological and cultural aspects of behavior (inherent in Russians fear, uncertainty and insecurity, laziness, stereotyping, and shifting responsibility to third parties), but with the increasing complexity of the financial market as a whole, erroneous conception of the essence of certain concepts, and as a result, the alignment of financial strategies in accordance with this interpretation, the spread of the phenomenon gaining momentum – misseling, and may also indirectly indicate the inefficiency of the current system of improving financial literacy of Russians. According to the analysis of secondary data, government statistics public confidence in financial institutions, income level also influence on forming financial literacy strategies, which is confirmed by the data of the expert survey conducted within the project «Institutionalization of financial literacy of the Russian population».

Keywords: financial literacy behaviour; financial behaviour of the population; financial literacy; population; income; a financial market.

Введение

Повышение финансовой грамотности населения России, а, следовательно, и трансформация финансового поведения россиян является одной из важнейших задач для государства на сегодняшний день, о чем свидетельствует разработанная Правительством РФ совместно с другими социальными институтами программа повышения финансовой грамотности населения. Формирование финансово грамотного поведения является не только предпосылкой для эффективного функционирования и развития всей финансовой системы России, но и выступает фактором материального благополучия граждан, сглаживающим элементом дифференциации в доходах.

Изменения в экономических отношениях, усложнение финансового рынка, его структуры и продуктов, а также переход на цифровые рельсы привели население к необходимости вырабатывать навыки формирования финансово грамотных стратегий [1, С. 120]. Для реализации таких стратегий необходимо наличие ресурсной и интеллектуальной базы у населения, а также возможностей для формирования эффективной экосистемы взаимодействия всех участников финансовых отношений.

Финансовое поведение населения изучается различными общественными науками, среди которых экономическая теория, экономическая социология, поведенческая экономика, имеющими собственные подходы к изучению данной проблемы.

Первым экономистом, положившим представление о человеческой сущности и природе экономического поведения в основу теоретической системы, был А. Смит, который выделил несколько свойств человека, влияющих на хозяйственную деятельность. Оппонентами классической школы были представители исторической школы, которые считали мотивом поведения человека внешние факторы.

Мифы о рациональном экономическом поведении развенчал Дж.М. Кейнс, важным отличием теории которого является опровержение классической концепции рационального поведения экономических агентов. Дж.М. Кейнс считал мало реалистичной модель «экономического человека», чьи действия абсолютно рациональны, основаны на логических расчётах и владении полной информацией как о настоящем, так и о будущем состоянии экономики.

Дж.М. Кейнс использовал идеи, выдвинутые экономистами стокгольмской школы и Ф. Найтом, согласно которым, действия людей основаны на их представлениях о будущей экономической конъюнктуре. Эти представления являются весь-

ма несовершенными, поэтому и поведение людей далеко от рационального идеала. В этой связи Дж.М. Кейнс указывал на важность иррациональных основ поведения, которые он назвал «животным чутьём» (animal spirits). С его точки зрения, участники рынка в своих действиях скорее руководствуются инстинктом, азартом, оптимизмом или пессимизмом, чем рациональным расчётом.

Дж.М. Кейнс является также и основоположником теории сбережений, рассматривавший потребительские расходы и сбережения как функцию от дохода [6]. Он выдвинул «основной психологический закон», согласно которому, с ростом доходов индивид склонен все меньшую часть этого дохода потреблять. Следовательно, с ростом доходов потребление растёт в меньшей степени, чем доход. Следовательно, с ростом доходов, по мнению Кейнса, увеличиваются сбережения, которые могут (по экономическим законам – должны) трансформироваться в инвестиции. Однако, как утверждает учёный, не существует механизма, который автоматически превращает все сбережения в инвестиции. В этом пункте своей теории он развивает идеи, высказанные английским экономистом Деннисом Холмом Робертсоном, который в своей книге «Банковская политика и уровень цен» (1926) [10] указывал на отсутствие в экономике этого механизма. А если сбережения не превращаются автоматически в инвестиции и при этом доля сбережений с ростом доходов увеличивается, то все большая часть этого дохода выпадает из эффективного спроса, что является актуальной проблемой и для современной России.

Психологические установки личности, выраженные в желании или нежелании снижать свои расходы при сокращении общего уровня доходов, а также принимать решение: сберегать или потреблять – изучены американским учёным Дж. Катоней и изложены в его работе «Сберегать или тратить?» [14]. Учёный проводил различие между тремя типами сбережений, выделяя контрактные, целевые и остаточные сбережения.

Гипотеза жизненного цикла (ГЖЦ), а также связанная с этой идеей теория формирования индивидуальных и национальных накоплений сосредоточена в работах Ф. Модильяни [7] – лауреата Нобелевской премии 1985 г. «за анализ финансовых рынков и поведения людей в отношении сбережений». Речь идёт о различных мотивах и формах сбережений, связанных с жизненным циклом человека, который предполагает целый спектр целей накоплений.

Американский учёный-экономист Дж. Дьюзенберри (1918-2009) в своей книге «Доход, сбере-

жения и теория поведения потребителя», опубликованной в 1949 г., выдвинул и обосновал теорию относительного дохода [3]. Сущность этой теории заключается в том, что потребление индивида и (или) домохозяйства является функцией как относительного дохода данного индивида или домохозяйства в сравнении с доходами других, так и уровня собственного дохода непосредственно предшествующих периодов времени.

С экономико-социологической точки зрения различия в сбережениях определяются не только их величиной или формами вложения денежных средств. По аналогии с тем, как В. Зелизер определяла множественность денег, можно говорить и о множественности сбережений [4].

Среди зарубежных исследований следует выделить теорию рациональных ожиданий, разработанную Дж. Мутом в 1961 г. [13] и дополненную Р. Лукасом в середине 1970-х гг. [15] (в 1995 г. Р. Лукасу за это была присвоена Нобелевская премия по экономике). Положения теории, относящиеся к поведению индивидов на основе экономических ожиданий, заключаются в том, что хозяйственные агенты должны гибко реагировать на изменение рыночной конъюнктуры, в соответствии с принципами оптимизации, ориентируясь на реальные экономические результаты, а также в том, что кризисы – результат ошибок экономических субъектов из-за некачественной экономической информации, которая мешает им правильно оценить ситуацию и разработать реальные прогнозы.

Теория рациональных ожиданий используется при изучении финансового, и, в частности, инвестиционного и сберегательного поведения, на стыке экономической науки и психологии. Нобелевские лауреаты по экономике Дж. Акерлоф (в 2001 г. за анализ рынков с несимметричной информацией) [2] и Р. Шиллер (в 2013 г. за эмпирический анализ цен на активы) [8] посвятили свои научные труды поведенческой экономике, объясняя мотивы индивидов для принятия решений психологическими особенностями мышления.

Д. Канеман (в 2002 г. лауреат Нобелевской премии по экономике за применение психологической методики в экономической науке, в особенности, при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределённости) анализировал факторы, определяющие различные суждения и реакции индивидов в их финансовом поведении, в том числе на основе имеющегося предшествующего опыта, знаний, экономических ожиданий и прогнозов [5].

В свою очередь, вопросам повышения финансовой грамотности населения посвящены ра-

боты Mitchell O.S., Lusardi A. [12, 11], Arrondel L., Debbich M., Savignac F. [9].

Однако, несмотря на значительный вклад зарубежных учёных в теорию финансового поведения населения, в российских условиях зачастую в ограниченных случаях можно применять их результаты исследований. Связано это: во-первых, с различиями в особенностях менталитета (в основе национальной идентичности лежит своеобразная, присущая конкретной нации культурная традиция (набор детерминированных культурными архетипами культурных паттернов). Эта традиция может как способствовать, так и препятствовать обретению индивидами моделей поведения, оцениваемых как финансово грамотные (например, склонности к долгосрочному финансовому планированию, к преумножению имеющихся средств с помощью финансовых инструментов и т.д.) россиян и населения зарубежных стран; во-вторых, с объективными характерными чертами, присущими российской финансовой системе и финансовым рынкам. Так, например, в отличие от развитых стран, в России основу (от 80 до 85% объёма) финансовых рынков занимают банки и только оставшиеся 15-20% составляет фондовый рынок. Тогда как, например, в США и Западной Европе это соотношение примерно 50 на 50 (данные БКС Брокер). Население России, соответственно, осуществляет либо консервативные инвестиционные стратегии, либо не осуществляет их вовсе, в силу отсутствия возможностей и опыта участия, например, в биржевой деятельности на рынке акций и облигаций.

В связи с этим представляется необходимым изучение (мониторинг и анализ) особенностей и факторов формирования финансово грамотного поведения россиян для приращения теоретических основ, а также возможности формулирования практических выводов.

Основная часть

В 2016 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала результаты международного сравнительного исследования финансовой грамотности. Исследование было проведено в 30 странах, 17 из которых являются членами ОЭСР. Согласно результатам исследования, средняя оценка финансовой грамотности по всем странам – 13,2 баллов из максимальных 21. В странах-участниках ОЭСР средний показатель – 13,7 баллов. Россия получила 12,2 балла (25-е место) (таблица 1).

Итоговый рейтинг складывался из оценки финансовых знаний (максимум 7 баллов), оценки поведения (максимум 9 баллов) и из оценки уста-

новок (максимум 5 баллов). Финансовые знания, установки и финансовое поведение оценивались набором соответствующих вопросов.

Так, финансовые знания оценивались с помощью теста, включавшего задания на финансовую арифметику и на понимание ключевых финансовых терминов (инфляция, финансовые риски,

диверсификация и т.п.). В России смогли верно ответить на вопрос об изменении стоимости денег 65% респондентов, о проценте выплат по кредиту – 88%, по вопросу о риске – 78%, по вопросу о значении инфляции – 67%, по расчёту простых процентов – 48%, по расчёту сложных процентов – 46%, по диверсификации – 41%.

Таблица 1

Финансовые знания, поведение, установки (средний показатель, в баллах)

Table 1

Financial Knowledge, Behaviour, Attitude (average, points)

	Оценка знаний	Оценка поведения	Оценка установок	Общая оценка
Франция	14,9	4,9	6,7	3,2
Финляндия	14,8	5,2	6,3	3,3
Норвегия	14,6	5,2	5,8	3,6
Канада	14,6	4,9	6,2	3,5
Гонконг, Китай	14,4	5,8	6,0	2,7
Новая Зеландия	14,4	5,0	5,7	3,7
Корея	14,4	5,4	5,7	3,2
Бельгия	14,3	4,9	6,2	3,2
Австрия	14,2	4,9	6,0	3,3
Португалия	14,0	4,8	5,9	3,4
Среднее по странам ОЭСР	13,7	4,9	5,4	3,4
Литва	13,5	4,7	5,5	3,2
Голландия	13,4	4,9	5,2	3,3
Эстония	13,4	5,3	4,9	3,2
Латвия	13,3	5,1	5,3	3,0
Среднее по всем странам	13,2	4,6	5,4	3,3
Великобритания	13,1	4,2	5,6	3,3
Британские Виргинские острова	13,0	3,6	6,2	3,3
Таиланд	12,8	3,9	5,8	3,1
Албания	12,7	4,2	5,2	3,4
Иордания	12,6	4,3	5,7	2,6
Чехия	12,6	4,4	5,0	3,1
Турция	12,5	4,6	4,8	3,1
Венгрия	12,4	4,7	4,3	3,5
Грузия	12,4	4,6	5,0	2,8
Малайзия	12,3	3,6	5,7	3,0
Россия	12,2	4,1	5,1	2,9
Бразилия	12,1	4,3	4,6	2,9
Хорватия	12,0	4,3	4,8	3,0
Белоруссия	11,7	3,8	5,0	2,9
Польша	11,6	4,4	4,4	2,8

*В рамках исследования было опрошено 51 650 взрослых от 18 до 79 лет. Анкета, содержащая одинаковые для всех стран вопросы, была переведена на 30 языков. Опросы проведены в 2014-2015 гг. Опрос в России проведен НАФИ в 2015 г. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. <https://nafi.ru/analytics/rossiya-zanimaet-25-e-mesto-po-urovnyu-finansovoy-gramotnosti-v-mire/>

Финансовое поведение изучалось по четырём параметрам: планирование личного или семейного бюджета, способность к обдуманному покупкам, своевременная оплата счетов и поддержка положительного платёжного баланса. Данный показатель по странам ОЭСР был немного больше половины (54%), по России – 44%.

В странах ОЭСР ведут семейный бюджет 57% респондентов, но имеют долгосрочные цели и стараются их достигать 51% респондентов, в России ведут семейный бюджет 50%, а имеют долгосрочные цели и стараются их достигать 46%. В странах ОЭСР 60% опрошенных активно сберегают деньги, в России эта доля составляет 55% опрошенных. Следует также отметить, что 36% участников опроса в России за последний год (от даты опроса) не могли свести концы с концами, 24% респондентов приходилось занимать деньги, чтобы покрыть расходы.

Если говорить про финансовые установки, то в них вошли три утверждения, отражающие отношение людей к деньгам и планированию будущего: стремление жить сегодняшним днём, баланс трат и сбережений и понимание функции денег в частной жизни.

В среднем 50% взрослых среди всех стран-участниц опроса набрали минимальный уровень по финансовым установкам (55% в странах ОЭСР). В России – 40%.

В целом, можно сказать, что исследование выявило достаточно низкий уровень финансовой грамотности населения по всем странам. В России же наиболее слабыми сторонами граждан оказались: расчёт сложного процента, понимание необходимости диверсификации, отсутствие планирования семейного бюджета и долгосрочного финансового планирования.

Интересным можно отметить тот факт, что сами россияне также замечают за собой недостаток финансовых знаний и навыков. Почти половина россиян отметили, что хотели бы повысить уровень своей финансовой грамотности. Граждане не всегда хорошо понимают те или иные аспекты работы с финансовыми организациями и их продуктами. Об этом свидетельствуют результаты исследования, проведённого Аналитическим центром НАФИ совместно с Российским Микрофинансовым Центром и Фондом Citi в январе-феврале 2018 г.

Только половина россиян (52%) хорошо понимают параметры финансовых продуктов, а вот 81% представителей финансовых организаций считают, что параметры финансовых продуктов и услуг ясны для пользователей (рис. 1).

Консультации сотрудников финансовых организаций понятны для 67% клиентов, но в абсолютном большинстве финансовые организации полагают, что консультации максимально

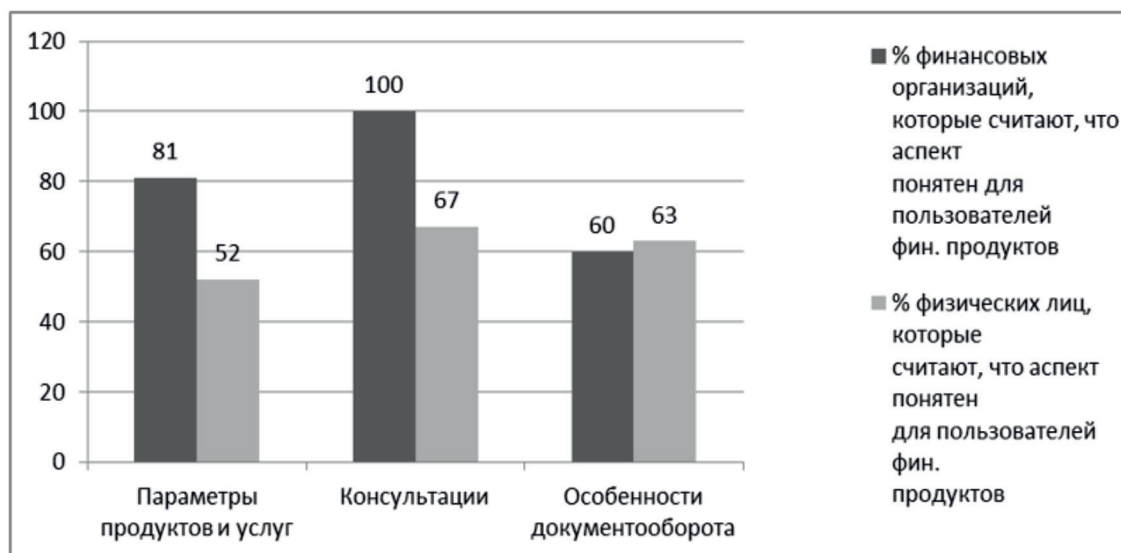

Рисунок 1. Оценка уровня знаний россиян о параметрах финансовых продуктов
Picture 1. Assessment of the Level of Knowledge of Russians about the Parameters of Financial Products

*Источник: Аналитический центр НАФИ.

/URL: <https://nafi.ru/analytics/44-rossiyan-ispytyvayut-potrebnost-v-povyshenii-finansovoy-gramotnosti/> (дата обращения 22.10.2019 г.).

*Данные представлены в целом по России, январь-февраль 2018 г.

понятны и доступны для потребителей (100%). Особенности документооборота понятны 60% пользователям финансовых услуг, сотрудники финансовых организаций дали примерно такой же ответ (63%).

Представители финансовых организаций и физические лица разошлись в оценке того, насколько те или иные навыки и знания свойственны пользователям финансовых продуктов. Так, 53% представителей финансовых организаций считают, что клиенты способны искать и находить необходимую финансовую информацию, хотя среди россиян так считают только 41%. Большинство (70%) представителей организаций полагают, что клиенты выполняют свои обязанности налогоплательщика, тогда как среди физических лиц так думают только 50%. Не более 18% сотрудников организаций считают, что клиенты планируют свою жизнь на пенсии, хотя среди физических лиц этот показатель достигает 33%.

Отвечая на вопрос о том, по каким темам существует потребность в повышении уровня знаний и навыков в финансовой сфере, россияне выделили – распознавание финансового мошенничества (39%), изучение прав потребителей (29%), оценка рисков на рынке финансовых услуг (29%) (рис. 2).

Со знанием экономического содержания терминов «инфляция», «процентная ставка», «сложный процент», «денежная иллюзия», «диверсификация риска», «основная цель страхования» у россиян также сопряжено с трудностями в понимании. Согласно рисунку 3 можно заметить, что финансовая грамотность в 2017 г. заметно снизилась по сравнению с предыдущими годами. Так, понимание содержания термина «диверсификация рисков» с 57,8% снизилось до 31,4%, термина «процентная ставка» – с 53,5% до 42,4%, представление о том, что такое «сложный процент» имеет также тенденцию к снижению – с 28,5% до 20,7%,

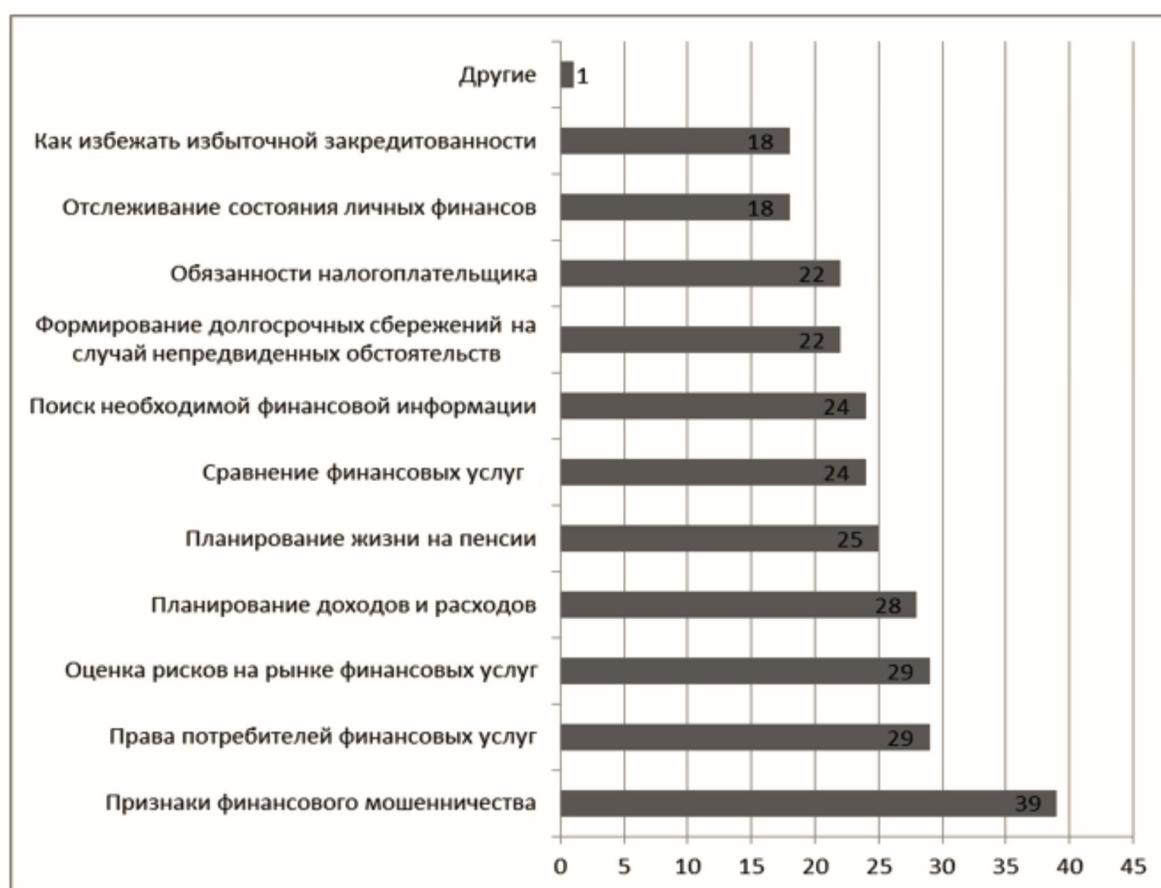

Рисунок 2. Доля физических лиц, отметивших тему как приоритетную
Picture 2. Percentage of Individuals Who Mark a Topic as a Priority

*Источник: Аналитический центр НАФИ.

/URL: https://naf.ru/upload/spss/Survey_results_financial_literacy.pdf/ (дата обращения 22.10.2019г.)

*Данные представлены в целом по России, январь-февраль 2018 г.

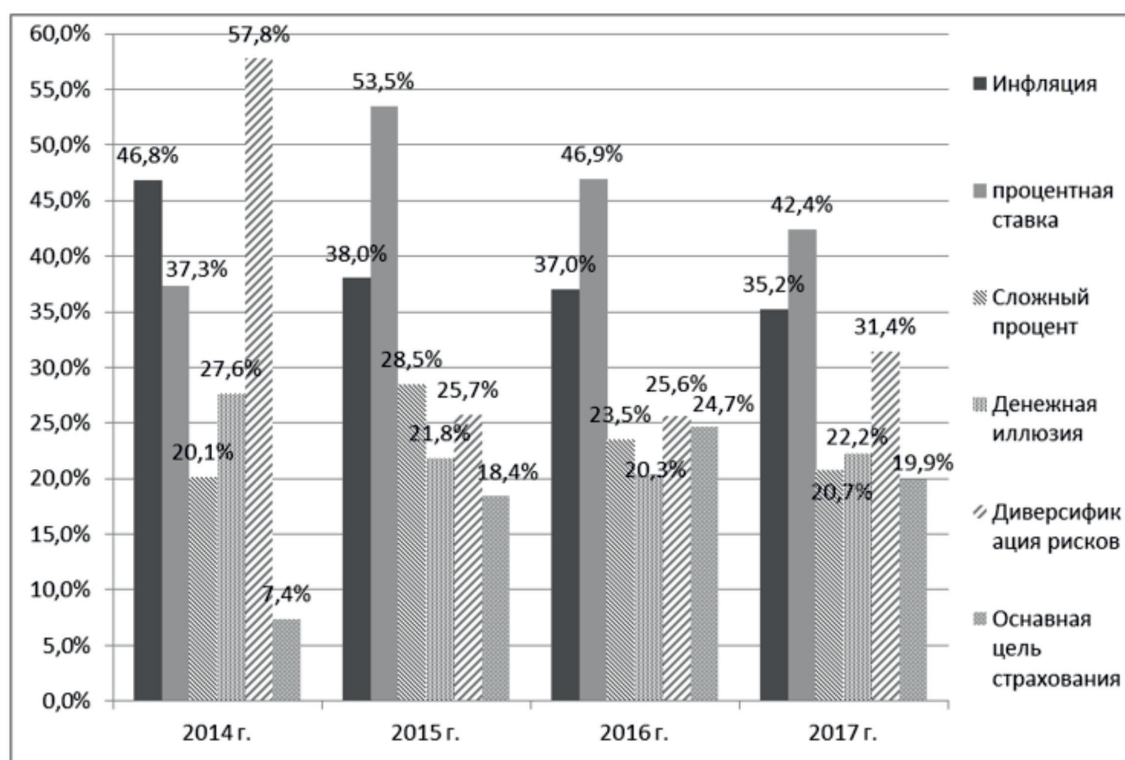

Рисунок 3. Понимание экономического содержания терминов «инфляция», «процентная ставка», «сложный процент», «денежная иллюзия», «диверсификация риска», «основная цель страхования»

Picture 3. Understanding the Economic Content of the Terms “Inflation”, “Interest Rate”, “Compound Interest”, “Monetary Illusion”, “Risk Diversification”, “Main Purpose of Insurance”

*Источник: Центральный Банк Российской Федерации «Индикаторы финансовой доступности» /URL:https://www.cbr.ru/finmarket/development/development_affor/indicators/ (дата обращения 22.10.2019 г.)

*Данные представлены в целом по России, обследование с 2014 по 2017 г.

Таблица 2

Распределение на вопрос «Как часто перед приобретением той или иной финансовой услуги Вы сравниваете условия её предоставления в различных компаниях?», в % от всех опрошенных

Table 2

Distribution to the Question «How Often Do You Compare the Terms of the Provision in Various Companies before Purchasing a Financial Service?» (percent of respondents)

	2009	2010	2011	2013	2015	2016	2017	2018
Всегда	32	30	29	31	39	32	27	36
Иногда	21	20	29	32	29	29	26	24
Редко	10	13	16	19	12	16	19	20
Никогда	14	16	18	16	13	11	18	14
Затрудняюсь ответить	23	21	8	2	7	12	10	6

*Источник: репрезентативный всероссийский опрос НАФИ проведен в сентябре 2018 г. Опрошено 1 600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России. /URL: upload/Survey_results_financial...2018.docx (дата обращения 22.10.2019 г.)

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя финансово грамотным человеком?» в % от всех опрошенных

Table 3

Distribution of answers to the question «Do you consider yourself a financially competent person?» (percent of respondents)

	2009	2010	2011	2012	2013	2015	2016	2017	2018
Отличные/хорошие знания и навыки	15	25	20	17	13	20	24	12	17
Удовлетворительные знания и навыки	50	44	44	41	38	46	51	50	47
Неудовлетворительные/знаний и навыков нет	35	31	36	43	49	34	25	38	36

*Источник: репрезентативный всероссийский опрос НАФИ проведен в сентябре 2018 г. Опрошено 1 600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России. /URL: [upload/Survey_results_financial...2018.docx](#) (дата обращения 22.10.2019 г.)

понимание «инфляции» с 46,8% до 35,2%, термина «денежная иллюзия» – с 27,6% до 22,2%, значение понимания целей страхования также заметно сократилось – с 24,7% до 19,9% (рис. 3).

Такая тенденция может быть связана с усложнением финансового рынка в целом, ошибочным представлением сути тех или иных понятий, и как следствие, выстраивание финансовых стратегий в соответствии с этим пониманием, распространением набирающего оборота феномена – мисселинга, а также косвенно свидетельствовать о малоэффективности действующей системы повышения финансовой грамотности россиян.

Кроме того, россияне перед приобретением той или иной финансовой услуги достаточно редко сравнивают условия ее предоставления в различных компаниях (чуть больше трети от общего числа

опрошенных), а за девять лет тенденция в лучшую сторону поменялась лишь на несколько процентов, что свидетельствует о медленной трансформации качественного уровня финансовых знаний и финансовой осведомленности (таблица 2).

Начиная с 2009 г. в среднем лишь пятая часть опрошенных оценивает свои финансовые знания и навыки как «отличные», «четвёрку» своим знаниям и умениям применять эти знания в области финансового рынка ставят почти половина респондентов, треть оценивает их как «неудовлетворительные» (таблица 3).

Однако, со временем россияне стали более внимательно относиться к своим доходам и расходам. Так, с 2015 г. постепенно снижается доля тех, кто не ведет учет потраченных и поступивших денежных средств (таблица 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Ведёте ли Вы или кто-то из Вашей семьи учёт доходов и расходов?», в % от всех опрошенных

Table 4

Distribution of Answers to the Question «Do You or Someone from Your Family Keep Records of Income and Expenses?» (percent of respondents)

	2009	2010	2011	2013	2015	2016	2017	2018
Да, учёт ведётся, фиксируются все поступления и все расходы	11	11	11	12	7	9	21	20
Да, учёт ведётся, но не все поступления и расходы фиксируются	13	15	14	19	13	16	21	18
Нет, учёт не ведётся, но в целом известно, сколько денег поступило и сколько было потрачено за месяц	59	57	59	53	58	56	41	48
Нет, учёт не ведётся, и неизвестно, сколько денег поступило и сколько было потрачено за месяц	14	12	14	15	22	16	14	12
Затрудняюсь ответить	3	4	2	2	0	3	3	2

*Источник: репрезентативный всероссийский опрос НАФИ проведен в сентябре 2018 г. Опрошено 1 600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России. /URL: [upload/Survey_results_financial...2018.docx](#) (дата обращения 22.10.2019 г.)

Ещё одним показателем, косвенно характеризующим наличие финансовых знаний, а также мотивацию к их повышению, является уровень недоверия граждан к финансовым институтам. Согласно статистике Центрального Банка Российской Федерации, уровень недоверия граждан продолжает быть достаточно высоким и набирать тенденцию к дальнейшему увеличению пессимистических настроений.

После неплохого старта к повышению доверия к банковским услугам среди населения (уровень недоверия с 24,1% снизился до 8,1%), но в результате массового отзыва лицензий в 2016 и 2017 годах уровень недоверия граждан вновь стал повышаться (с 8,1% до 18,3%) (рис. 4).

Недоверие к финансовому сектору ограничивает вовлеченность в освоение новых знаний, новых финансовых продуктов и услуг, рисков и возможностей, и, как следствие, трансформацию финансовых стратегий в более эффективные формы.

Говорит о невысоком доверии россиян к финансовым организациям и тенденция занимать деньги у друзей или родственников, в случае экстренной необходимости, треть граждан готова достать из укромных мест свои сбережения и использовать для срочных нужд, примерно столько же готовы попросить в долг у работодателя или заработать необходимую сумму самостоятельно

(рис. 5). И только в самом конце рейтинга источников экстренного финансирования находятся кредиты в финансовых организациях и займы в частных неофициальных организациях.

Как показывают российские и зарубежные исследования, информация о финансовых инструментах, позволяющих сохранить и приумножить финансы, востребуется населением тогда, когда оно располагает средствами – то есть, когда складываются объективные условия для проявления финансовой активности (в противном случае, когда домохозяйства сталкиваются с дефицитом средств, им, обычно, не до обучения финансовой грамотности). Кроме того, исследования говорят о том, что для закрепления знаний в области финансовой грамотности требуется повторяемость действий (финансовых операций).

Изменения в экономических ожиданиях населения влияют на выбор той или иной стратегии финансового поведения, которые, в свою очередь, являются мотиватором или демотиватором повышения финансовой грамотности населения. Так, если у населения нет уверенности в своём финансовом положении, в том числе и в перспективе, граждане не видят благоприятных условий для сбережения, то теоретические знания о конъюнктуре рынка, без возможности применить эти знания на практике, будут мало востребованы населением.

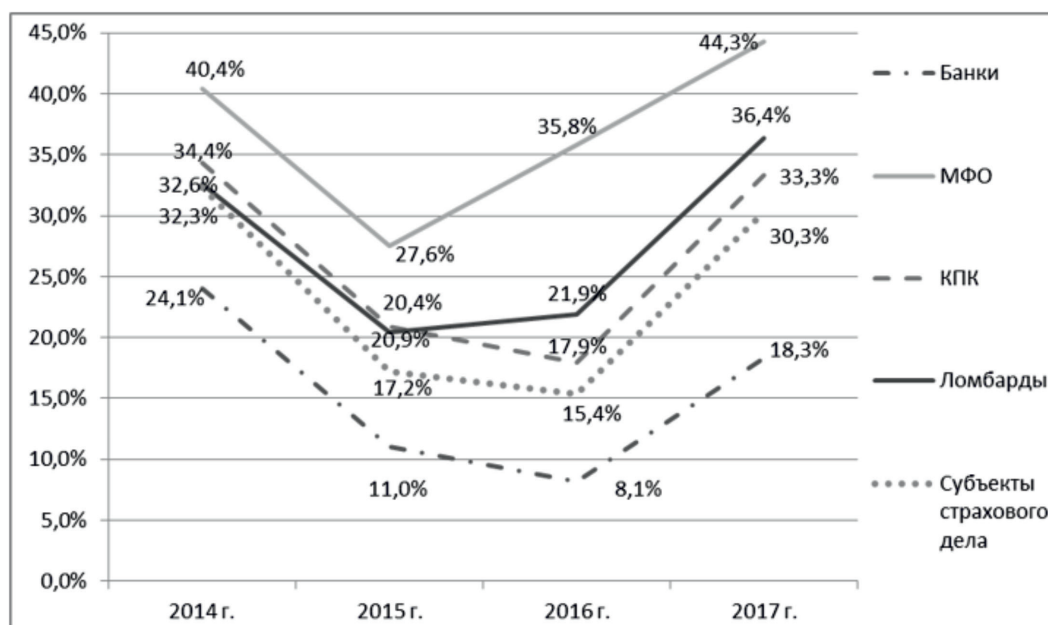

Рисунок 4. Уровень недоверия к финансовым организациям в России
Picture 4. Level of Distrust of Financial Institutions in Russia

*Источник: Центральный Банк Российской Федерации «Индикаторы финансовой доступности» /URL: https://www.cbr.ru/finmarket/development/development_affor/indicators/ (дата обращения 22.10.2019 г.)

*Данные представлены в целом по России, обследование с 2014 по 2017 гг.

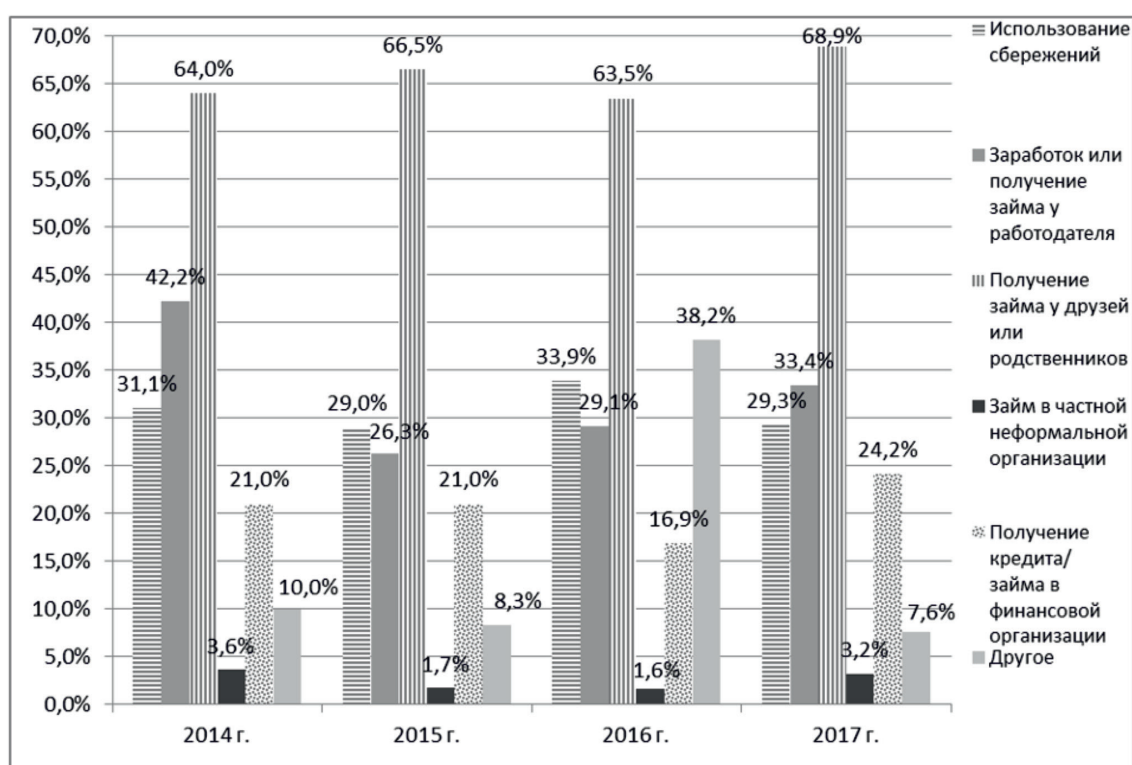

Рисунок 5. Основные источники экстренного финансирования
Picture 5. The Main Sources of Emergency Financing

*Источник: Центральный Банк Российской Федерации «Индикаторы финансовой доступности» /URL: https://www.cbr.ru/finmarket/development/development_affor/indicators/ (дата обращения 22.10.2019 г.)

*Данные представлены в целом по России, обследование с 2014 по 2017 гг.

Для оценки настроений экономического ожидания населения в России регулярные опросы проводятся Росстатом с 1998 г. ежеквартально с охватом 5,0 тыс. человек в возрасте 16 лет и старше, проживающих в частных домохозяйствах, во всех субъектах Российской Федерации. Обследование включает вопросы о субъективном мнении респондента о личном материальном положении и ожидаемом его изменении в ближайший год, о ситуации на рынках товаров (услуг) и сбережений. Частные индексы рассчитываются на основе сведения баланса оценок населения по соответствующему вопросу анкеты.

В целом, мнение населения о своём материальном положении носит депрессивный характер, а индекс текущего личного материального положения на протяжении 20-ти лет имеет отрицательное значение (рис. 6).

Так, после дефолта в 1998 г., когда люди потеряли все свои сбережения, индекс текущего личного материального положения был на рекордной отрицательной отметке -40. Постепенно ситуация начинает стабилизироваться и в 2000 г. индекс достигает отметки -29, улучшение наблюдается и в 2002 году (-22) и в 2005 г. (-19).

Кризис 2008-2009 гг. не оказал сильного влияния на оценку респондентов их материального положения, так в 2008 г. индекс текущего личного материального положения равнялся -12, а в 2010 г. индекс снизился до -14. В 2012 и 2014 гг. мы видим вновь улучшение – индекс достигает отметки -11 и -7, соответственно, но уже в 2015 г. население начинает ощущать последствия кризиса, начавшегося в 2014 г., и индекс вновь снижается до -10, а в 2016 г. до -13. Несмотря на кризис 2017 - 2018 гг., индекс текущего личного материального положения в этот период вырос до отметки -9, стоит отметить, что в сравнении с предыдущими годами, это весьма неплохой показатель, отражающий снижение депрессии населения (лучше ситуация была только в 2014 г., когда индекс достиг отметки -7).

Субъективные оценки населением своего материального положения коррелируют с реальной динамикой располагаемых денежных доходов (рис. 7).

Для более детального анализа предпосылок необходимости повышения финансовой грамотности обратимся к структуре использования денежных доходов населением (Таблица 5).

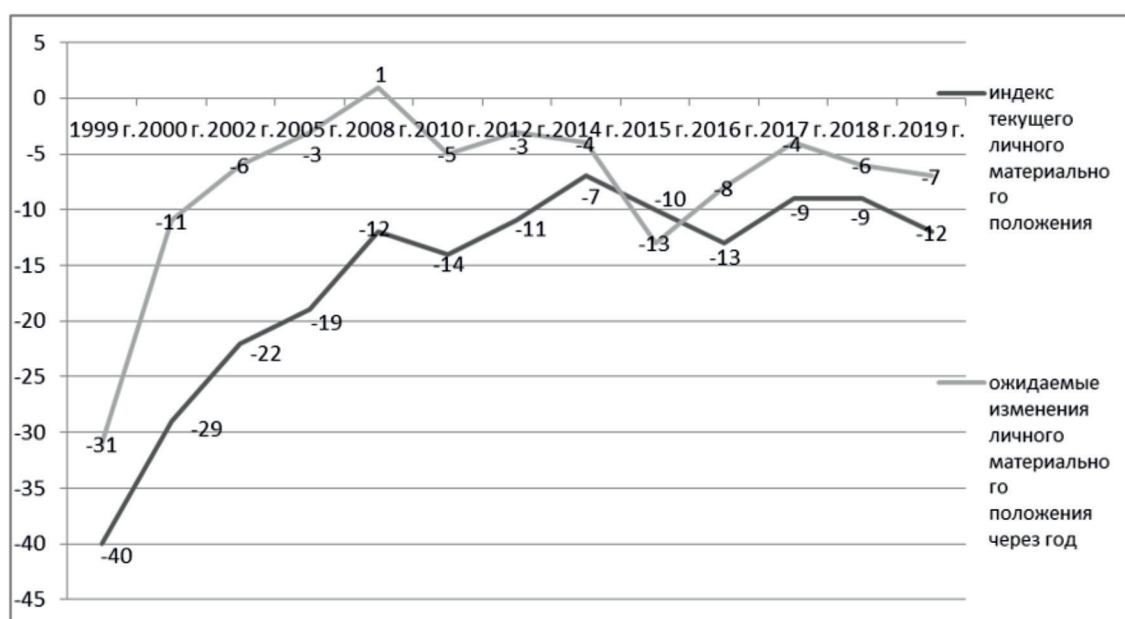

Рисунок 6. Динамика изменения мнения населения о личном материальном положении по годам
Picture 6. Dynamics of Changes in the Opinion of the Population about Personal Financial Situation by Years

*Источник: Федеральная служба государственной статистики / URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 22.10.2019 г.)

*Данные представлены в целом по России, обследование с 1999 по 2019 гг.

Рисунок 7. Уровень и динамика реальных располагаемых денежных доходов населения по России за 2018 – 1 кв. 2019 гг.

Picture 7. The Level and Dynamics of Real Disposable Cash Incomes of the Population in Russiya for 2018 – 1st quarter of 2019

*Источник: Федеральная служба государственной статистики / URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 14.11.2019 г.)

*Данные представлены в целом по России, обследование с 2018 г. по 1 кв. 2019 г.

Таблица 5

Структура использования денежных доходов населением РФ, %

Table 5

The Structure of the Use of Cash Income by the Population of the Rossiyskaya Federatsiya (percent)

Направление расходов	Год									
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Покупка товаров и оплата услуг	74,1	69,8	69,6	73,5	74,2	73,6	75,3	71	73	74,9
Оплата обязательных платежей и взносов	12,3	10,5	9,7	10,3	11,1	11,7	11,8	10,9	11,2	11,8
Сбережения, всего	5,4	14	14,8	10,4	9,9	9,8	6,9	14,3	11,1	8,1
– сбережения во вкладах и ц/б	0,1	4,5	7,9	5,3	6,2	6,3	0,8	6,5	5,3	4,8
– "прочие" сбережения	5,3	9,5	6,9	5,1	3,7	3,5	6,1	7,8	5,8	3,3
Покупка валюты	7,9	5,4	3,6	4,2	4,8	4,2	5,8	4,2	4	3,7
Изменение денег на руках у населения	0,3	0,4	2,3	1,6	0	0,7	0,2	-0,4	0,7	1,5
Примечание: "прочие" сбережения включают изменение средств на счетах ИП, изменение задолженности по кредитам, расходы на приобретение недвижимости и покупку населением скота и птицы.										

*Источник: Федеральная служба государственной статистики / URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения 22.10.2019 г.)

*Данные представлены в целом по России, обследование с 2008 по 2017 гг.

Большую часть своего денежного дохода население тратит на покупку товаров и оплату услуг, оставшиеся средства распределяются между оплатой обязательных платежей и взносов, сбережений, покупкой валюты и деньгами «на руках».

Стоит отметить, что на протяжении всех девяти лет, соотношение доли этих показателя меняется незначительно (от 1% до 6%). Такая динамика свидетельствует о том, что у населения нет возможности формировать сбережения и, как следствие, нет необходимости совершенствовать свои знания о финансовых продуктах и инструментах, поскольку почти весь денежный доход население тратит на товары и услуги.

Можно предположить, что население нерационально использует свои доходы из-за чего и не имеет возможности откладывать и преумножать свой капитал за счёт операций на финансовых рынках. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы обратимся к структуре расходов на потребление домашних хозяйств, данные были получены Федеральной службой государственной статистики в 2018 г. Объем выборки составил 48,5 тыс. домохозяйств, каждое из обследуемых домашних хозяйств в течение двух недель вело дневниковые записи, которые представляли собой подробный ежедневный

учёт всех денежных расходов: на покупку продуктов питания, непродовольственных товаров, оплату услуг, уплату налогов, штрафов, различных сборов и т.д.

Как видно из графика одну треть своих доходов население тратит на домашнее питание, далее расходы идут на транспорт и жилищно-коммунальные услуги (16,6% и 11,1% соответственно). На одежду и обувь тратится 7,9% от общего бюджета, на организацию отдыха и культурные мероприятия 7,7%, на другие товары и услуги 6,9%. Далее в рейтинге трат идут предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом (5,3%), затем здравоохранение и связь (3,7% и 3,2% соответственно), 3,5% тратится на гостиницы, кафе и рестораны, 3,0% на алкогольные напитки и табачные изделия, 0,8% тратится на образование (рис. 8).

Подводя итог, можно сказать, что 73,5% общих расходов тратится на действительно необходимые нужды домохозяйств: домашнее питание, одежда, транспорт, связь, здравоохранение, образование, ЖКХ.

В исследовании, проведенное годом ранее, вошли вопросы, касающиеся оценки домохозяйствами своего финансового положения. Обследование охватило 48,5 тыс. домохозяйств (рис. 9).

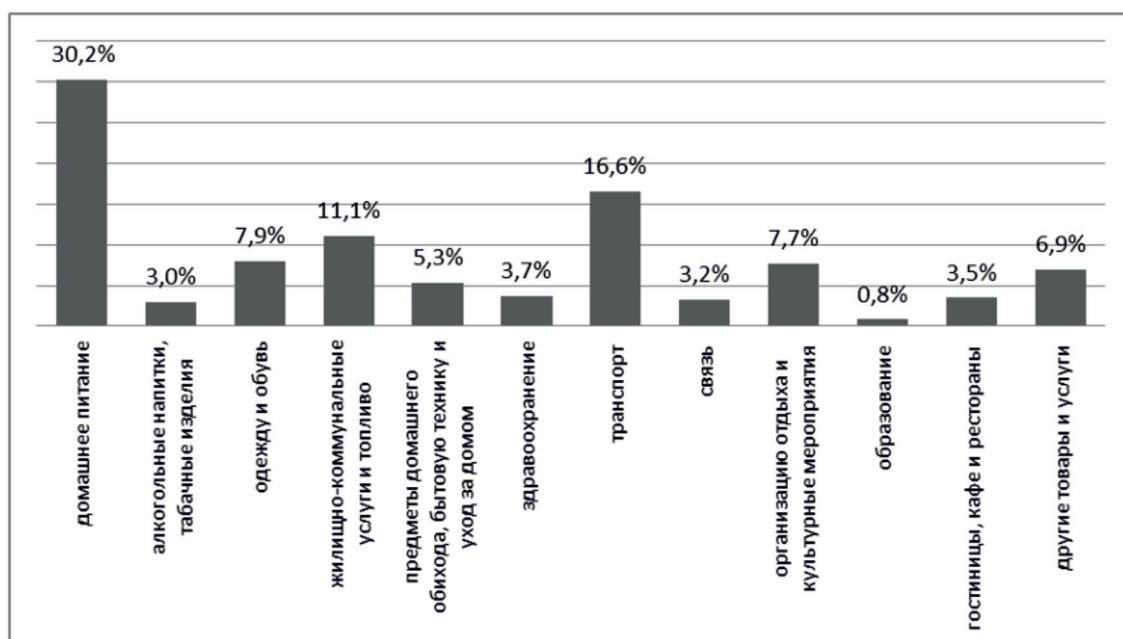

Рисунок 8. Структура расходов на потребление домашних хозяйств, %
Picture 8. The Structure of Expenditures on Household Consumption (percent)

*Источник: Федеральная служба государственной статистики /URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (дата обращения 14.11.2019 г.)

*Данные представлены в целом по России, обследование в 2018 г.

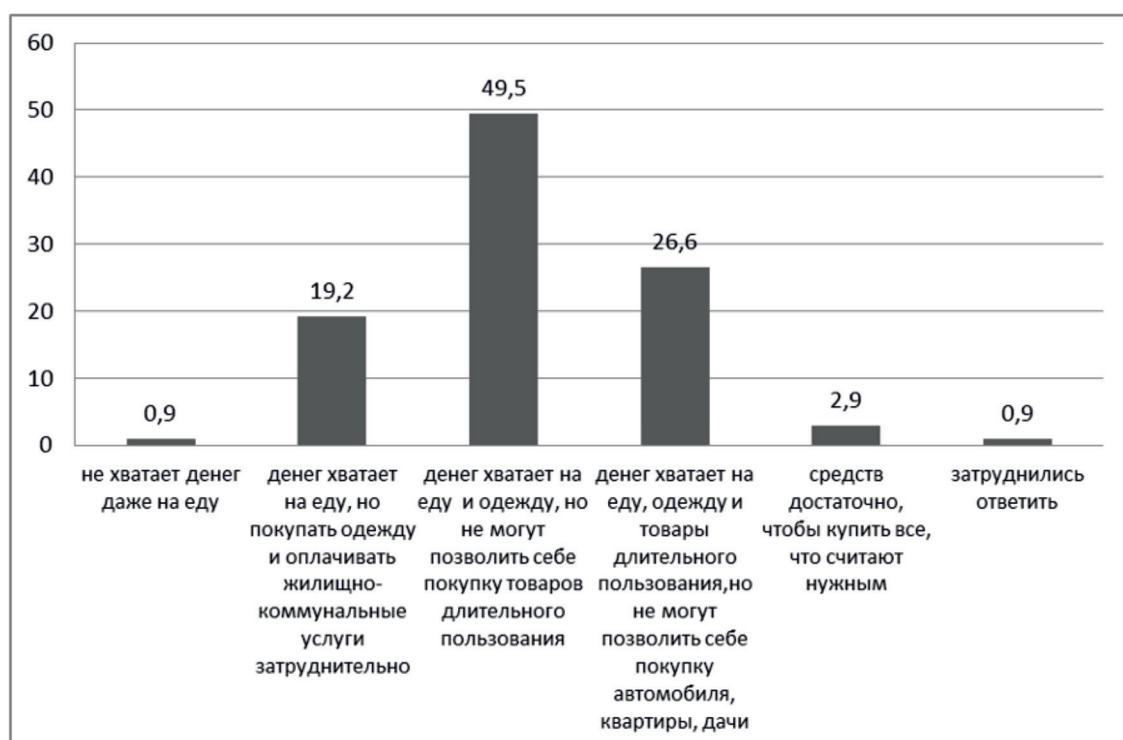

Рисунок 9. Оценка домохозяйствами своего финансового положения, %
Picture 9. Households Assess of their Financial Situation (percent)

*Источник: Федеральная служба государственной статистики/URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (дата обращения 22.10.2019 г.)

*Данные представлены в целом по России, обследование в 2017 г.

Обследование показало, что только 2,9% респондентов могут позволить себе купить все, что считают нужным. Затруднились дать ответ 0,9% респондентов. Остальные домохозяйства, ввиду своих доходов, вынуждены ограничивать свои потребности. К среднедоходной группе отнесли себя 26,6% респондентов, у данной категории средств хватает на еду, покупку новой одежды и приобретение товаров длительного пользования, но покупка автомобиля, дачи или квартиры вызывает затруднения. Доход 69,9 % респондентов (69,6%) не всегда позволяет удовлетворить набор потребностей, необходимый для комфортного проживания. Чуть меньше половины респондентов (49,5%) могут выделить средства на питание и одежду; но не на приобретение товаров длительного пользования, 19,2% денежных средств хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги – затруднительно. Не хватает средств даже на питание у 0,9% респондентов.

В условиях, когда большая часть населения имеет низкий уровень жизни, сложно говорить о формировании грамотных моделей финансового поведения, поскольку невозможно управлять тем, чего нет. Также можно предположить, что различные программы повышения финансовой грамот-

ности и информация о новых продуктах на финансовом рынке не пользуются спросом по той же причине – из-за недостатка средств, в отношении которых, можно было бы применить приобретённые знания.

Данный факт подтверждают и результаты экспертного опроса, проведённого летом 2019 г. в рамках НИР «Институционализация финансовой грамотности населения России» по заказу Правительства РФ (экспертный опрос методом анкетирования, n=140 экспертов).

На вопросы: «Какие факторы наиболее позитивно влияют на финансовое поведение россиян?» 41,9% экспертов ответили – «достойный уровень дохода, уверенность в завтрашнем дне» (ближайшие преследователи: «доступность информации» – 20,6%; «образование граждан» – 18,4%, «финансовая стабильность» – 16,2%);

«Какие факторы оказывают наиболее негативное влияние на финансовое поведение россиян?» 31,6% экспертов – «низкий уровень доходов» (следующий – «нестабильность экономики, финансовой системы» – 27,2%).

Близкие по смыслу негативные факторы «отсутствие защиты прав потребителей» и «недоверие к государственным и финансовым институтам» в сумме назвали 23,5% экспертов.

Таблица 6

Прирост (уменьшение) сбережений во вкладах, ценных бумагах и наличных деньгах по России, %

Table 6

Growth (Decrease) in Savings, Deposits, Securities and Cash in Russiya (percent)

Года	Прирост (уменьшение) сбережений во вкладах, ценных бумагах и наличных деньгах, всего	в том числе				
		Сбережения во вкладах и ценных бумагах	из них			Прирост (уменьшение) наличных денег
			прирост (уменьшение) средств в кредитных организациях	изменение средств на счетах индивидуальных предпринимателей	приобретение государственных и др. ценных бумаг	
2011	100,0	86,6	41,1	43,5	2,1	13,4
2012	100,0	99,9	45,9	44,7	9,3	0,1
2013	100,0	93,6	43,4	39,2	10,9	6,4
2014	100,0	96,9	-12,5	81,6	27,8	3,1
2015	100,0	104,3	53,1	35,0	16,2	-4,3
2016	100,0	92,4	45,3	31,1	15,9	7,6
2017	100,0	84,4	46,5	26,4	11,5	15,6

*Источник: Баланс денежных доходов и расходов населения, Федеральной службы государственной статистики / <https://www.gks.ru>

*Данные представлены в целом по России, обследования с 2011 по 2017 гг.

Сберегательные стратегии россиян, которые также являются отражением уровня финансовой грамотности, трансформируются в течение последних лет. Так, согласно данным таблицы 6, россияне все больше отдают предпочтение хранению денег в наличной форме.

Сбережения во вкладах и ценных бумагах, в том числе и на счетах индивидуальных предпринимателей транслируют тенденцию к падению за последние 3 года, что также может косвенно говорить о недоверии к финансовой системе.

Что касается структуры вкладов (депозитов) физических лиц в рублях по срокам привлечения, следует отметить достаточно короткий горизонт планирования в отношении определения своих сбережений, преимущество отдаётся в пользу вкладов до 1 года и от 1 года до 3 лет. Примечательно, что вклады со сроком от 1 года до 3 лет за последние 5 лет претерпели существенное снижение в своей привлекательности для граждан.

Финансовое поведение граждан в отношении использования депозитов как форм сбережений характеризуется как «осторожное», отсекающее попытки планировать на долгосрочную перспективу.

Заключение

Понятие финансовой грамотности давно вышло за пределы политических, географических и социально-экономических границ. Эффективное развитие национальных экономик и мировой экономической системы в значительной мере за-

висит от вкладов, которые делают в них отдельные люди и группы, образующие сложную сеть взаимосвязанных и взаимозависимых отношений. Но в России пока ещё очень низкий процент информированности населения, как о правах потребителей финансовых услуг и их защите, так и о возможностях самостоятельных действий на финансовых рынках.

На микроуровне недостаток знаний в финансовой области может привести к нерациональному и совершенно неграмотному распределению собственных средств, к росту кредитной задолженности. На макроуровне низкая финансовая грамотность замедляет процессы развития финансовых рынков, подрывает доверие к финансовым институтам, обуславливает дополнительную нагрузку на бюджеты всех уровней, приводит к снижению темпов экономического роста. Следовательно, финансовым институтам, органам государственной власти необходимо осознать важность трансформации финансовой грамотности, создание доверительной среды, которая позволит создать баланс между адекватным контролем безопасности и приемлемым риском особенно с учетом применения новейших технологий, а гражданам стоит задуматься о собственной материальной ответственности, финансовой осведомленности для трансформации финансовых стратегий, что положительным образом повлияет как на собственное материальное благополучие, так и на экономику страны в целом.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ГЗ-ПИ2 «Институционализация финансовой грамотности населения Российской Федерации» в Финансовом университете при Правительстве РФ.

Список литературы

1. Аликперова Н.В. Финансовые стратегии россиян: риски и барьеры // Народонаселение. 2019. № 2. (120-132).
2. Акерлоф Дж. Поведенческая макроэкономика и макроэкономическое поведение. // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 томах. Т.5. Кн.2. М.: Мысль, 2005. (444-483).
3. Дьюзенберри Дж. Доход, сбережения и теория потребительского поведения. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского Университета, 2015. (128).
4. Зелизер В. Создание множественных денег // Экономическая социология. 2002. Т. 3. №4 (Сентябрь). www.ecsoc.msses.ru. (58-72).
5. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. М.: АСТ, 2014. (653).
6. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег // Кейнс Дж. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. (260-329).
7. Модильяни Ф. Жизненный цикл, личные сбережения и богатство нации // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 томах. Т.5. Кн.1. М.: Мысль,

References

1. Alikperova N.V. Finansovye strategii rossiyan: riski i bar'ery // Narodonaselenie. 2019. № 2. (120-132).
2. Akerlof Dzh. Povedencheskaya makroekonomika i makroekonomicheskoe povedenie. // Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. V 5 tomakh. T.5. Kn.2. M.: Mysl', 2005. (444-483).
3. D'yuzenberri Dzh. Dokhod, sberezheniya i teoriya potrebitel'skogo povedeniya. N'yu-Iork: Izdatel'stvo Oksfordskogo Universiteta, 2015. (128).
4. Zelizer V. Sozdanie mnozhestvennykh deneg // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2002. T. 3. №4 (Sentyabr'). www.ecsoc.msses.ru. (58-72).
5. Kaneman D. Dumai medlenno, reshai bystro. M.: AST, 2014. (653).
6. Keins Dzh. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg // Keins Dzh. Izbrannye proizvedeniya. M.: Ekonomika, 1993. (260-329).
7. Modil'yan F. Zhiznennyi tsikl, lichnye sberezheniya i bogatstvo natsii // Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. V 5 tomakh. T.5. Kn.1. M.: Mysl', 2004. (529-560).

2004. (529-560).

8. Шиллер Р., Акерлоф Дж. Spiritus Animalis: или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. / Пер. с англ. Д. Прияткина; под науч. ред. А. Суворова; вступ. ст. С. Гуриева. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. (273).

9. Arrondel L., Debbich M., Savignac F. Financial Literacy and Financial Planning in France. Numeracy, 2013, Vol. 6, Iss. 2, Article 8.

10. Banking Policy and the Price Level, by D.H. Robertson (P.S. King & Son, Ltd, 1926), p.103.

11. Lusardi A., Mitchell O.S. Financial Literacy and Retirement Preparedness: Evidence and Implications for Financial Education Programs. Business Economics, January 2007, pp.35-44.

12. Mitchell O.S., Lusardi A. Financial Literacy and Economic Outcomes: Evidence and Policy Implications. GFLEC Working Paper 2015-1, January 7, 2015.

13. Muth John F. «Rational Expectations and the Theory of Price Movements» Source: Econometrica, Vol. 29, No. 3 (Jul., 1961), pp. 315-335 <https://www.fep.up.pt/docentes/pcosme/S-E-1/Eco-29-3-315.pdf>

14. To Spend or to Save? In Katona, G. Psychological economics. New York: Elsevier, 1975.

15. Vroey M. De and Malgrange P. The History of Macroeconomics from Keynes's General Theory to the Present <https://sites.uclouvain.be/econ/DPIRES/2011028.pdf>

8. Shiller R., Akerlof Dzh. Spiritus Animalis: ili Kak chelovecheskaya psikhologiya upravlyaet ekonomikoi i pochemu eto vazhno dlya mirovogo kapitalizma. / Per. s angl. D. Priyatkina; pod nach. red. A. Suvorova; vstup. st. S. Gurieva. M.: ООО «Yunaited Press», 2010. (273).

9. Arrondel L., Debbich M., Savignac F. Financial Literacy and Financial Planning in France. Numeracy, 2013, Vol. 6, Iss. 2, Article 8.

10. Banking Policy and the Price Level, by D.H. Robertson (P.S. King & Son, Ltd, 1926), p.103.

11. Lusardi A., Mitchell O.S. Financial Literacy and Retirement Preparedness: Evidence and Implications for Financial Education Programs. Business Economics, January 2007, pp.35-44.

12. Mitchell O.S., Lusardi A. Financial Literacy and Economic Outcomes: Evidence and Policy Implications. GFLEC Working Paper 2015-1, January 7, 2015.

13. Muth John F. «Rational Expectations and the Theory of Price Movements» Source: Econometrica, Vol. 29, No. 3 (Jul., 1961), pp. 315-335 <https://www.fep.up.pt/docentes/pcosme/S-E-1/Eco-29-3-315.pdf>

14. To Spend or to Save? In Katona, G. Psychological economics. New York: Elsevier, 1975.

15. Vroey M. De and Malgrange P. The History of Macroeconomics from Keynes's General Theory to the Present <https://sites.uclouvain.be/econ/DPIRES/2011028.pdf>

Безусловный базовый доход: отношение общественного мнения и финансово-экономические аспекты внедрения

Unconditional Basic Income: Public Opinion Attitude and Financial and Economic Aspects of Implementation

Получено 29.10.2019

Одобрено 11.11.2019

Опубликовано 09.12.2019

УДК: 331 526

DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10083

ЧЕРНЫХ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА

к.э.н., старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН, Россия
Email: chernykh.ekaterina108@gmail.com

CHERNYKH EKATERINA ALEKSEEVNA

PhD in economics, senior research officer, Institute
of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy
of Sciences (ISESPRAS)
Email: chernykh.ekaterina108@gmail.com

Аннотация

Основные положения статьи. Статья посвящена исследованию влияния введения безусловного базового дохода (далее в тексте статьи БД) на уровень занятости населения, степень социальной защиты, качество жизни населения. В теоретической части статьи проанализированы результаты нескольких опросов общественного мнения за рубежом и в России; приведена возможная стоимость и экономические риски внедрения программ БД в разных странах, оценены с опорой на результаты имитационного моделирования зарубежных авторов возможности БД в области борьбы с бедностью и неравенством, отдельно рассмотрено его влияние на занятость; выделены и классифицированы положительные и отрицательные аспекты, противоречия и ограничения этого инструмента; систематизированы и проанализированы результаты крупнейших экспериментальных проектов на данный момент. Сделан вывод о сложности практического применения концепции БД в России. Сделан ряд практических рекомендаций, позволяющих предвидеть возникновение ряда проблем, связанных с введением безусловного базового дохода в нашей стране: выявлены проблемные поля, требующие дальнейшего исследования

Объектом исследования являются страны и отдельные социально-демографические группы населения

Предметом исследования являются финансовые и социально-экономические аспекты и последствия введения безусловного базового дохода в мире: отношение к БД различных социально-демографических групп, влияние БД на занятость, на социальную защиту населения и качество жизни.

Цель исследования. Проанализировать и изучить результаты проведенных опросов общественного мнения за рубежом и в России; проанализировать стоимость и риски внедрения программ БД, изучить результаты существующих имитационных экспериментов, систематизировать имеющуюся разрозненную информацию, проанализировать и обобщить результаты крупнейших экспериментальных проектов и на их основе дать практические рекомендации по возможностям внедрению БД в России.

Ключевые слова: безусловный базовый доход; занятость, безработица; предложение труда; программы социальной помощи; бедность; неравенство; качество жизни; налогообложение доходов.

Abstract

The Main Provisions of the Article. The article deals with studying the impact of introducing unconditional basic income (hereinafter in the text of the article DB) on the level of employment, the degree of social protection, and the quality of life of the population. The theoretical part of the article analyzes the results of several opinion polls abroad and in Russia; the possible cost and economic risks of introducing database programs in different countries are given, assessed based on the results of simulation modeling by foreign authors, database capabilities in the field of combating poverty and inequality, its effect on employment is separately considered; positive and negative aspects, contradictions and limitations of this tool are highlighted and classified; The results of the largest experimental projects at the moment are systematized and analyzed. The conclusion is drawn about the complexity of the practical application of the database concept in Russia. A number of practical recommendations have been made to predict the emergence of a number of problems associated with the introduction of unconditional basic income in our country: problems are identified that require further study

The Object of the Study are countries and individual socio-demographic groups

The Subject of the Study is the financial and socio-economic aspects and consequences of introducing unconditional basic income in the world: the attitude to the UBI of various socio-demographic groups, the impact of the UBI on employment, social protection of the population and quality of life.

The purpose of the Study is analyzing and study the results of opinion polls abroad and in Russia, analyzing the cost and risks of implementing UBI programs, studying the results of existing simulation experiments, systematizing the available disparate information, analyzing and summarizing the results of the largest experimental projects and, based on them, giving practical recommendations for implementing UBI in Russia.

Keywords: unconditional basic income; employment; unemployment; labor supply; social assistance programs; poverty; inequality; quality of life; income taxation.

Введение

Безусловный базовый доход в литературе имеет несколько синонимичных названий: безусловный основной доход, универсальный БД, безусловный гарантированный доход, социаль-

ные дивиденды, гарантированный годовой доход, гражданский доход. Похожим по смыслу понятием является отрицательный налог на прибыль. Безусловный доход – концепция, предполагающая регулярную выплату определённой суммы денег

каждому члену общества со стороны государства или другого института вне зависимости от уровня дохода и без необходимости выполнения работы. В 1986 году была создана международная экспертная сеть BIEN (Basic Income European Network, с 2004 года - Basic Income Earth Network), которая объединяет специалистов, занимающихся этой проблемой [17]. Организация появилась из европейского движения с целью пропагандировать БД как идею и практику государственной политики и сейчас включает более 20 стран.

Отношение общественного мнения к введению базового дохода

Первый опрос по теме БД, проводившийся в Европе в апреле 2016 года показал, что 64% жителей Евросоюза поддержали бы введение безусловного основного дохода. 35% осведомлены о БД, 23% говорят, что полностью понимают суть и задачи этой программы, 25% слышали о ней, 17% ничего не знают о БД. Перестанут работать после введения БД 4% граждан. Преимуществами БД люди считают то, что выплаты снижают тревогу о базовых финансовых потребностях (40 %) и помогают обеспечить всем равные возможности (31 %) [39].

Зимой 2017 года служба исследований hh.ru опросила 4987 российских работников (Опрос проводился Службой исследований HeadHunter с 29 января по 12 февраля 2017 года среди российских работников) [2] и выяснила, что только 18% хорошо знакомы с концепцией БД, а 58% узнали о концепции впервые. 62 % респондентов позитивно отнеслись к идее реализации БД в стране, против высказались 20% респондентов. В разрезе профессиональных областей, наибольшими долями респондентов, высказавшихся положительно (от 68 до 72%), характеризуются сферы HoReCa (туризм, гостиницы, рестораны), рабочий персонал и транспорт и логистика. Негативно высказавшиеся респонденты преобладают в сфере управления персоналом (26%), сфера строительства/недвижимости (25%) и медицина (24%). Наибольшая доля положительных ответов в Омской области – 73%, Свердловской области – 68% и Пермском крае – 67%. Отрицательное отношение к концепции БД чаще всего высказывали в Кемеровской, Ростовской и Свердловской областях – 25, 24 и 22% соответственно.

Ключевыми плюсами концепции респонденты назвали снижение числа преступлений, спровоцированных бедностью (50%), повышение уровня жизни на фоне снижения социального неравенства (47%) и более комфортный процесс получения образования (45%). Главными отрицательными факторами стали возможность мас-

сового нежелания работать (56%), рост потока иностранных мигрантов, рост инфляции и концентрация власти у государства.

Сравнивая европейский и российский опросы, можно заметить, что европейцы лучше осведомлены о самой концепции БД. Основным аргументом в пользу БД и для россиян, и для жителей Евросоюза является возможное снижение уровня бедности и социального неравенства. Практически одинаковое количество респондентов (3 и 4%) после введения БД откажутся работать.

Согласно итоговым результатам 8 раунда (2016/17) Европейского социального опроса [46], поддержка системы БД является самой сильной в странах с высоким неравенством (таких как Литва, Венгрия, Словения, Россия) и самой слабой в государствах с высоким уровнем благосостояния и сильной системой перераспределения (Норвегия, Швеция, Швейцария). Поддержка БД ниже в относительно более богатых странах Северной и Западной Европы и выше в менее богатых государствах Южной и Восточной Европы. Процент респондентов, которые решительно поддерживают введение схемы БД, варьируется от 33,9% (Норвегия) до 80,4% (Литва). Что касается Российской Федерации, то согласно данному опросу, ответы распределились следующим образом:

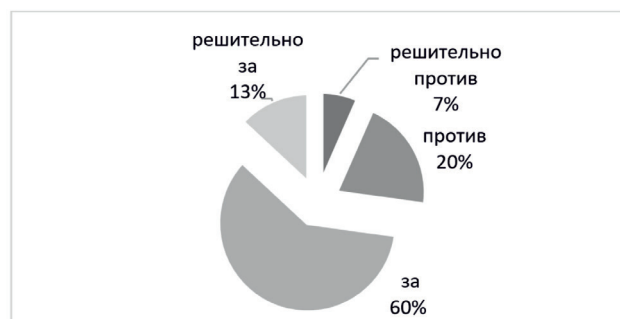

Рисунок 1. Отношение к базовому доходу в Российской Федерации (2016–2017 гг.)
Picture 1. Attitude to the basic income in the Russiyskaya Federatsiya (2016–2017)

Источник: построено автором на основе данных European Social Survey Dataset: ESS8-2016, ed.2.1 [23].

Цифры по РФ сопоставимы с результатами, полученными HeadHunter. Проведенный О.А. Кислицыной анализ социальных установок россиян показал, что более восприимчивы к идее БД молодые люди до 30 лет; люди, находящиеся на обучении; живущие в сельской местности; неуверенные в будущем материальном положении, а также лица, не имеющие проблем со здоровьем [8].

В опросе Ipsos MORI [43], проведенном в августе 2017 г. Институтом политических исследований Университета Бата (1111 человек в возрасте 18–75 лет), БД был описан участникам как регулярный доход, выплачиваемый наличными каждому взрослому в Великобритании, независимо от статуса занятости и доходов из других источников. Выплата устанавливается на том уровне, который правительство Великобритании считает необходимым для удовлетворения основных потребностей (покупки продуктов питания и одежды, но не расходы на жилье) [8]. 49% всех граждан в возрасте 18–75 лет в Великобритании поддерживают введение БД на уровне, позволяющем удовлетворить основные потребности, а 26% выступает против. Однако если введение БД означает увеличение налогов или сокращение расходов на социальные пособия, то уровень поддержки населения снижается. Независимо от того, поддерживают респонденты или нет внедрение БД, 34% предпочли бы в основном финансировать его за счет увеличения налогов на богатство, а 28% – путем сокращения существующих пособий по социальному обеспечению [43, 8].

Анализ экспертов Европейского Социального Исследования (European Social Survey) [26] и исследование Politico Morning Consult в США [30] выявили, что БД с большей вероятностью поддерживают молодые люди, безработные, студенты и люди, проживающие в сельской местности.

Характеристики базового дохода

«Идеальный» безусловный БД имеет следующие пять характеристик [17]:

- периодичность: выплачивается через регулярные промежутки времени (например, каждый месяц), а не как одноразовое пособие;
- наличный: выплачивается наличными средствами, позволяя тем, кто его получает, самим решать, на что его тратить. Не выплачивается в натуральном выражении (в виде продуктов питания или услуг) или в виде ваучеров, предназначенных для конкретного использования;
- индивидуальность: выплачивается индивидуально, а не домохозяйствам;
- универсальность: выплачивается всем;
- безусловность: выплачивается независимо от наличия работы.

В своей работе «Много лиц универсального базового дохода» исследователи Юрген де Виспелер (исследователь из Университета Тампере) и Линдси Стиртон (профессор в Университете Сассекса) подробно рассматривают характеристики или «измерения» базового дохода [22].

Универсальность. В идеале БД должен охватывать все население страны, но возможны раз-

ные отклонения от базовой концепции. Есть идея «Квази-БД», отсекающего богатые слои населения. Соответственно встает вопрос, где именно провести границу между теми, кто имеет право на БД и теми, кто исключен из него?

Индивидуальность. Получатель БД – индивид, а не домохозяйство.

Обусловленность. В основе концепции лежит идея, что не должно быть никаких критериев для получения БД. В реальности возможны ситуации, когда индивид должен все-таки обладать определенными характеристиками для получения БД (условия *ex ante*). Также возможно наложение на получателя БД некоторых поведенческих ограничений (условия *ex post*). Условия могут быть скрытыми или подразумеваемыми, слабыми или сильными, «узкими» или «широкими».

Единообразие. Здесь также возможны исключения, связанные с условиями *ex ante* – регион проживания, возраст реципиента.

Частота и длительность. БД должен представлять собой «поток» (stream) средств, а не единовременную выплату (stock). Период выплат должен быть длительным, но не бесконечным, чтобы не поощрять безделье. Различные исследователи считают оптимальным пятилетний период, однако в большинство пилотных проектов срок не превышает 1,5–3 года.

Форма. В классической интерпретации выплаты должны быть в виде наличных денег. Однако различные другие формы – ваучеры на питание, на поездки, на образование, купоны на приобретение вещей – также рассматриваются.

Достаточность. БД должен удовлетворять базовые потребности человека. Есть варианты полного БД и частичного БД.

Основной вывод авторов, который мы поддерживаем – в мире еще не выработана оптимальная или «наилучшая» схема введения БД. Информации, полученной из пилотных проектов на сегодняшний день недостаточно для выработки однозначной и работающей модели внедрения БД. Для каждой страны или региона необходимо учитывать много параметров и особенностей. Мы считаем, что допустимым и оправданным является на этапе тестирования и эксперимента использование различных «неполных» или «условных» схем внедрения БД. Они позволяют, во-первых, смягчить последствия от отмены других социальных льгот (если это предусмотрено дизайном программы); во-вторых, переходные модели с частичным охватом позволяют исследователям и политикам смоделировать и получить статистически корректные результаты, т.к. есть контрольные группы (люди, не получающие БД).

Занятость и базовый доход

Положения экономики труда показывают, что с теоретической точки зрения введение БД будет оказывать отрицательное влияние на количество отработанных индивидом часов и на решение работать/не работать. Изменение нетрудового дохода меняет резервную заработную плату (минимальная заработная плата, при которой человек примет положительное решение о работе [6]) и соответственно оказывает влияние на принятие решения о работе. Увеличение нетрудового дохода повышает резервную заработную плату: так как досуг – нормальное благо, то увеличение общего дохода будет приводить к увеличению ценности досуга и повышать вероятность отрицательного решения об участии в рабочей силе. Изменение совокупного дохода будет также оказывать влияние на количество часов досуга и количество часов работы. При увеличении совокупного дохода объем предложения труда индивида снижается, при уменьшении – увеличивается, т. е. эффект дохода (изменение количества часов работы в ответ на изменение совокупного дохода при неизменных ставке заработной платы и предпочтениях [6]) в предложении труда имеет отрицательный знак. Эффект от реализации любой схемы социальных трансфертов заключается в том, чтобы увеличить или оставить неизменным уровень досуга, выбранный индивидом. Чем большим будет платёж, тем более вероятно, что индивид решит сократить свои трудовые усилия.

Эффект замещения связан с тем, сколько свободного времени индивид должен отдать ради большего дохода; иными словами, это финансовая отдача от труда, определенная наклоном бюджетного ограничения. Эффект замещения зависит от налогов на доходы от занятости, а также от того, в какой степени пособия, выплачиваемые неактивным и/или малообеспеченным лицам, сокращаются, когда человек поступает на работу или начинает зарабатывать больше денег (предельные эффективные налоговые ставки – *marginal effective tax rates*). Эффекты замещения и дохода при изменении налогов и льгот могут работать в противоположных направлениях.

Совокупная реакция рынка труда при введении БД будет неоднозначной: она варьируется в зависимости от специфики каждой схемы и предыдущей ситуации с социальными льготами, с которой они сравниваются; зависит от индивидуальных характеристик индивидов, степени их привязанности к рынку труда (т.е. позиция и предпочтения на переговорах); зависит от решений других членов домохозяйства.

БД считается одним из нескольких способов снижения высоких предельных эффективных налоговых ставок, характерных для классических систем социальной поддержки (с «тестом» на доходы), которые приводят к «ловушке бедности» и безработице. В этом смысле реализация базового дохода, не подлежащего изъятию, частично или полностью вместо поддержки, с проверкой на нуждаемость, будет иметь тенденцию к увеличению стимулов для неактивных лиц к выходу на оплачиваемую работу, поскольку при любой заработной плате будет существенный положительный эффект от любого количества отработанных часов.

Почти все попытки разработать возможные схемы БД включают значительное повышение ставок подоходного налога, а также устранение адресных пособий. Поэтому важно учитывать, в какой степени это повышение налогов может оказать неблагоприятное воздействие на предложение на рынке труда. Мегир и Филиппс [37] дают исчерпывающий обзор литературы по налогообложению и предложению рабочей силы, охватывающей как теоретические экономические модели, так и эмпирические эконометрические исследования. Теоретические данные о влиянии повышения налогов неоднозначны; хотя существует общее мнение, что эффект замещения имеет тенденцию превышать эффект дохода при изменении предельных ставок, этот эффект значительно различается для разных групп работников. Исходя из эмпирических данных, часы работы не сильно реагируют на финансовые стимулы, создаваемые налоговыми изменениями для мужчин, но они немного более «отзывчивы» для замужних женщин и одиноких матерей. Решение о том, выходить ли на оплачиваемую работу вообще или нет, весьма чувствительно к налогообложению и выплатам, особенно для женщин и матерей.

Из современных эмпирических исследований можно сделать вывод, что страны с наиболее высокими налогами на труд имеют наиболее высокий уровень занятости потому, что налоги идут на формирование фондов социальной помощи, которые стимулируют рост занятости, особенно среди женщин.

Если предположить, что БД функционирует как пособие или субсидия к заработной плате, и что работодатели имеют некоторую монополистическую власть над работниками, существует опасность, что БД усугубит проблему низкой заработной платы и субсидирует неэффективных работодателей и приведёт к распространению «плохих» рабочих мест [31]. Такие эффекты явля-

ются следствием смягчения высоких предельных эффективных налоговых ставок и бюрократических ловушек, описанных выше. В принципе, есть две явные причины ожидать снижения заработной платы: 1. При наличии субсидии (выплаты) работодатели могут предлагать более низкую заработную плату, а работники могут согласиться на нее. 2. Субсидия может увеличить предложение труда менее образованных людей, ищущих работу, и без увеличения спроса работодателей на таких работников это увеличение предложения, вероятно, приведет к снижению заработной платы.

Современный рынок труда очень сегрегирован: часть людей имеют достойные рабочие места, а другие вынуждены соревноваться за прекариальный и нестабильный труд. Уровень БД, являющийся слишком низким, чтобы позволить людям отказаться от работы, может привести к усилению прекариального статуса менее квалифицированных работников. Люк Мартинелли (исследователь в Институте методических исследований при Университете Бата, Великобритания) считает, что «недостаток возможностей для таких работников и их слабая позиция в переговорах с работодателем, может привести к тому, что БД понизит размер зарплат и ухудшит условия труда, так как найдутся люди, согласные на уменьшение уровня своей зарплаты из-за получения БД» [31]. Это может привести к росту занятости в неформальном секторе, частичной занятости с нестандартными условиями и отсутствием социальной защиты.

БД, который был достаточно высок, чтобы позволить людям отказаться от низкооплачиваемой или очень небезопасной работы, вероятно, уменьшил бы общее количество отработанных часов и количество предлагаемых рабочих мест. Ф. Ван Парийс (один из самых известных сторонников БД, один из основателей BIEN, бельгийский ученый и философ) [51, 52] считает, что БД действительно создает «потенциал для предложения и принятия низкооплачиваемых рабочих мест, которых в настоящее время не существует», что может привести к увеличению предложения рабочей силы и снижению заработной платы.

По данным Ван Парийс [51, 52], Грут и Ван дер Вин [48] БД приводит к «эффекту перестановки»: «все больше работников, занятых полный рабочий день, предпочитают работать неполный рабочий день, освобождая рабочие места для безработных, и в то же время эти безработные имеют больше стимулов для того, чтобы работать неполный рабочий день». Некоторым людям не хватает оплачиваемой работы, в то время как другие хотели бы делать меньше (например, для более эффективного сочетания обязанностей по работе

и уходу за детьми); БД помогает обеим группам достичь более оптимальных результатов.

Что касается данных по России, то согласно опросу Службы исследований HeadHunter в 2017 году, на вопрос об изменении отношения к работе в случае учреждения БД 51% респондентов выбрали вариант ответа «я буду изучать новое и развиваться», и лишь 3% предположили, что перестанут работать, а 13% (в основном линейные руководители) задумались бы о кардинальной смене профессии [2].

Возможности и угрозы введения базового дохода

Изучив теоретические аспекты, проанализировав большое количество зарубежных и российских публикаций, а также изучив статистические данные по уже проведенным пилотным и экспериментальным проектам введения БД, мы обобщили полученную информацию в таблице 1, противопоставив каждому аргументу «за» соответствующий аргумент «против».

Таким образом, можно сделать вывод, что у введения БД есть большое количество как возможностей, так и угроз. Практически на каждый аргумент «за», можно привести противоположный аргумент. Например, сторонники БД считают, что вопросы администрирования несущественны, современные технологии решат все вопросы, кроме того, управление БД не может быть более сложным, чем назначение адресной социальной помощи (см., например, [51, 52, 45]. Другие авторы (см., например, [21, 22] считают такие обоснования недостаточными, утверждая, что проблемы управления БД нетривиальны и что их решение может повлиять на политическую осуществимость и даже этичность предложения о БД.

Для принятия взвешенных решений и получения верной оценки необходимы математические расчеты, включающие в себя применение математического моделирования, в частности имитационного моделирования, а также анализа больших данных. Далее в статье мы проанализируем уже проведенные зарубежными авторами модельные расчеты, а также рассмотрим такие финансовые аспекты, связанные с введением БД, как сам размер выплаты и источники выплат.

Финансовые аспекты введения базового дохода: источники средств, размер и моделирование последствий

Источники выплат. Источниками финансирования БД могут являться различные виды налогов, в частности налоги на доходы и благосостояние; налоги на потребительские товары

Таблица 1

Доводы «за» и «против» введения базового дохода (составлено автором)

Table 1

Arguments «For» and «Against» the Introduction of Basic Income (Compiled by Author)

Аргументы «за»	Аргументы «против»
Решит, по крайней мере, проблему абсолютной бедности	Программы БД часто используют средства, предназначенные для бедных, для распространения среди всех слоев населения, что увеличивает уровень бедности и неравенства, а не уменьшает их
Повышение уровня жизни на фоне снижения социального и экономического неравенства. Помогает обеспечить людям равные возможности	Вместо сокращения общей численности людей, живущих в условиях бедности, БД изменит состав населения с низким доходом
Потенциально способствует экономическому росту: люди могут принять решение инвестировать в себя, чтобы зарабатывать больше, иметь интересные и хорошо оплачиваемые рабочие места	Негативно скажется на экономическом росте в силу нежелания людей работать
Получаемый доход позволит человеку быстро заполнить пробелы на нижних уровнях (еда, безопасное место для жизни и т.д.) и направить всю энергию на удовлетворение потребностей более высоких уровней	Заложенные генетически особенности делают большинство людей предрасположенными к тому или иному поведению (повышенная восприимчивость к алкоголю, удовольствиям, получаемым от еды, тяга к азартным или онлайн-играм, адриналиновая зависимость), поэтому БД спровоцирует риски для здоровья (потребление алкоголя, наркотиков)
Снизит затраты на администрирование социальных программ, так как не требует проверки на соответствие критериям предоставления помощи. Система имеет более низкую общую стоимость, чем текущие расходы на социальные пособия	Требует больших расходов в виде повышения налогов
Решит проблему технологической безработицы в результате цифровизации или хотя бы смягчит переход к автоматизации многих рабочих мест	Существенно уменьшает стимул трудиться, поощряет иждивенчество
Снижение сложности системы социальной поддержки. Вместо отдельных программ социальной помощи выплачивается один базовый платеж, который требует меньше документов и бюрократических процедур для проверки права на участие. Подробный разбор стоимости администрирования приведен, в частности в [21]	Система пойдет на пользу тем, кто имеет экономическую власть и хочет выиграть от ослабления существующей системы социальной защиты и регулирования рынка труда
Снижает уровень преступности (снижение числа преступлений, спровоцированных бедностью)	Станет причиной массового притока мигрантов и рост преступности
Освобождает людей, содержащихся на бесплатном социальном обеспечении, от патерналистского надзора государственных органов	Это уравниловка и патернализм, это противоречит современному подходу к тому, как должна быть устроена социальная жизнь
Расширение свободы выбора у получателей пособий - «монетизация льгот» в широком смысле.	Подразумевает радикальную реформу существующей системы социальной защиты, что вызывает страх неизвестности у людей
Позволит избавиться от «ловушки» благосостояния – выплаты не будут зависеть от каких-либо обстоятельств или условий предоставления.	Понизит размер зарплат и ухудшит условия труда, приводя к распространению «плохих» рабочих мест так как найдутся люди, согласные на уменьшение уровня своей зарплаты из-за получения БД
Решение проблемы асимметрии информации между государством и получателями пособий	Является менее экономически эффективным по сравнению с целевыми программами социального обеспечения, потому что многим людям недостает значительно большего, чем просто наличные деньги

Продолжение таблицы 1

Аргументы «за»	Аргументы «против»
Более комфортный процесс получения образования: позволяет людям продолжать обучение для получения профессии или повышения квалификации, снижение отсева из школ	Приводит к нехватке рабочей силы и навыков.
Расширение прав и возможностей женщин. Улучшение ситуации с домашним и семейным насилием за счет исчезновения вынужденных сожительства, на которые идут женщины с детьми ради выживания	Учитывая более слабую привязанность женщин к рынку труда, БД, выплачиваемый как мужчинам, так и женщинам, усилит существующие гендерные роли, усугубит проблемы, связанные с зависимостью, неравенством внутри семьи и неблагоприятным положением на рынке труда
Позволит людям заниматься тем, чем они хотят, а не тем, что требует рынок, перед людьми откроются новые возможности, и смогут заняться искусством, благотворительностью и волонтерством	Ленивые по своей природе люди станут бездельничать, проедая и пропивая выплаты
Способствует улучшению здоровья людей, расширив возможность получения медицинской помощи, улучшив санитарию, доступ к чистой воде, регулярному питанию. Соответственно снижает затраты на здравоохранение, потому что у людей станет больше возможностей следить за своим здоровьем. Уменьшает тревогу, стресс.	Не способствует излечению от наркомании, улучшению здоровья, не устраняет недостаток навыков или другие факторы, которые способствуют бедности
Децентрализация власти и создание возможностей для включения в этот процесс элементов муниципального самоуправления	Увеличит концентрацию власти у государства
Даст реальную демократическую свободу, право на достойную жизнь, право на свободу от рабского труда; обеспечивает экономическую свободу	Снимет с работодателей все обязательства по созданию и поддержанию рабочих мест и соблюдению каких-либо трудовых прав
Гарантирует доход для неработающих родителей и опекунов, расширяя их права, особенно права женщин, позволяет работающим родителям сокращать свое рабочее время, чтобы больше времени проводить с детьми	Система не может адекватно оценить сложный комплекс обстоятельств и потребностей, для которых предназначены системы социального обеспечения (например, инвалидность)
«Убирает принудительные аспекты наемного труда, ослабляя статус труда как объекта массовой купли-продажи, и таким образом трансформирует политические отношения между трудом и капиталом» [54]	Снижает занятость и общую производительность труда в обществе
Рост покупательной способности	Спровоцирует рост инфляции

(например, НДС); экологические налоги на загрязнение окружающей среды (например, налог на выбросы углерода); природная рента (налог на стоимость земли). Также источником средств могут стать отмена неактуальных при БД социальных программ (пособие по безработице, минимальная заработная плата и прочее); дивиденды от активов, находящихся в государственной собственности; открытая (публичная) государственная эмиссия. Специфическими источниками, предлагаемыми современными авторами, являются сеньораж - доход, получаемый от эмиссии

денег и присваиваемый эмитентом на праве собственности [см., например, 47]) и краудфандинг – коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций. Отдельным источником являются частные пожертвования от некоммерческих и коммерческих организаций.

Мы изучили предлагаемые уровни БД в Финляндии, Франции, Италии, Германии, Швейцарии, Великобритании и США [см., например, 4, 5,

7, 11, 14, 15, 16, 17, 24, 25, 26, 38] и пришли к выводу, что в этих странах либо уровень БД является низким (на него невозможно прожить в данной стране), либо стоимость его предоставления недопустимо высока.

По оценке исследователей, модель БД в Финляндии, согласно которой участникам предоставлялось 560 евро в месяц в течение двух лет, «невероятно дорога, поскольку она увеличила государственный дефицит примерно на 5% ВВП» [48]. По другим оценкам, предполагаемые затраты на внедрение БД в Великобритании в размере от 8,2 млрд фунтов стерлингов до 160 млрд фунтов стерлингов в год также слишком велики [28].

В Швейцарии предполагалось, что выплата составит 2500 швейцарских франков взрослым, а детям – 625 франков [16]. Правительство предупреждало о необходимости увеличения налогов и урезания социальных выплат для изыскания более 200 млрд. франков на выплаты гарантированного дохода. Также предполагалось, что на 55 млрд. франков сократятся социальные пособия [15], хотя часть из них трансформируются в форму БД.

Исследование в Ирландии показало, что для обеспечения уровня дохода, близкого к тому, который предоставляется текущей системой, и увеличивающегося в соответствии с ростом других доходов, для финансирования БД необходимы налоговые ставки порядка 60% или более, что негативно скажется на стимулировании труда и занятости [20].

Роберт Гринштейн [26] подсчитал затраты на БД для США. В стране более 300 миллионов американцев. Предположим, что БД равен 10000 долларов в год. Это будет стоить более 3 триллионов долларов в год. Цифра за один год составляет более трех четвертей всего годового федерального бюджета – и вдвое превышает весь бюджет, за исключением выплат по социальному обеспечению, медицинской помощи, обороне и выплате процентов. Это также близко к 100% всех налоговых поступлений, которые собирает федеральное правительство. Если БД дает каждому 5000 долларов в год, то это обеспечит доход, равный примерно двум пятым от черты бедности для отдельного человека и меньше черты бедности для семьи из 4 человек. Но это будет стоить столько же, сколько весь федеральный бюджет, за исключением выплат по социальному обеспечению, медицинской помощи, обороне и выплате процентов.

Во Франции БД будет стоить 871 миллиард евро, или 35% ВВП. Исследовательский центр французских социалистов Фонд Жана Жореса изучал возможность ежемесячного БД в размере

1000 евро и пришел к выводу, что для этого потребуются все текущие средства, расходуемые на социальные нужды – пенсии, пособия по безработице, социальная поддержка плюс текущий бюджет образования или здравоохранения [54].

Согласно исследованию Всемирного Банка 2018 года, результаты которого озвучил руководитель группы Глобальной практики по социальной защите и рынкам труда Руслан Емцов на Международной научно-практической конференции «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?» [10], преодоление разрыва бедности с помощью БД будет стоить от 3 до 21% ВВП страны, а достижение для всех прожиточного минимума обойдется от 8 до 50% ВВП. Во всех странах заметная доля малоимущих (10-50%) потеряют от замены существующей системы базовым доходом. В исследовании участвовали страны с очень разным уровнем развития, находящиеся на разных этапах эволюции систем социальной защиты: Мозамбик, Чили, Южная Африка, Индия, Россия, Казахстан.

Размер базового дохода. Примерный размер БД можно рассчитать на основе текущих затрат на программы соцзащиты (так в Швейцарии определили сумму в 2500 франков).

Ф. Ван Парийс считает оптимальным БД в размере 600 евро. Такая программа будет стоить примерно 6% ВВП в такой стране, как Бельгия, где уровень социальной поддержки и пособий достаточно высок [52]. Другие экономисты говорят о необходимости платить достаточно для материального существования и достойного участия в жизни общества, некоторые предлагают сумму между национальной чертой бедности и 60% среднего заработка, иногда называют сумму в \$1000 в месяц.

Л. Мартинелли считает, что «доступный БД неадекватный, а адекватный нам не по карману» [31]. Такого же мнения придерживаются ультра-левые исследователи Ник Срничек и Алекс Вильямс в своей книге «Изобретая будущее» [44]. Чтобы трансформировать политические отношения между трудом и капиталом «БД должен быть достаточно значительным, чтобы на него жить». Если размер выплаты недостаточно высок, чтобы позволить людям отказаться от работы, БД может понизить уровень зарплат и создать больше «плохих» рабочих мест прекариального типа [54].

Е. Гонтмахер говорит от БД «не на уровне среднего класса, но чтобы не беспокоиться о выживании в физиологическом смысле этого слова» [3].

Автор считает, что важным значением, которое надо принимать во внимание при установлении суммы возможного БД, является медианная

зарплата (сумма, ниже которой получает половина работающих). Отклонение медианы от средней зарплаты в России в 2019 году составило 27,9% (по регионам от 13 до 31%), что означает высокое неравенство. Например, в Швейцарии, где низкий уровень неравенства, медианная зарплата составляет порядка 90% от средней, 10% самых высокооплачиваемых работников зарабатывают в 2,6 раз больше 10% самых низкооплачиваемых. В России средняя зарплата 10% самых высокооплачиваемых работников в 13 раз превышает среднюю зарплату 10% самых низкооплачиваемых. Данные цифры, в частности, объясняют, почему на референдуме в 2016 году швейцарцы проголосовали против введения БД. В этой ситуации введение БД даст повышение благосостояния лишь относительно немногим очень бедным, которых придется субсидировать остальным швейцарцам.

Таким образом, в теоретических исследованиях и обоснованиях основным критерием установления БД является возможность для человека достойно прожить на эту сумму. Размер БД в пилотных проектах варьируется от прожиточного минимума или минимальной заработной платы до 60% средней зарплаты по стране. Отметим, что в пилотных проектах часто применялся «неполный» БД – он выступает как дополнительная выплата к имеющемуся доходу для улучшения материального благосостояния. Определение возможного размера БД для Российской Федерации должно идти рука об руку с обсуждением состава новой научно обоснованной потребительской корзины.

Имитационное моделирование введения базового дохода. Имитационное моделирование – это метод исследования, при котором изучаемая система заменяется моделью, с достаточной точностью описывающей реальную систему, с которой проводятся эксперименты с целью получения информации об этой системе. Есть класс объектов, для которых еще не разработаны аналитические модели. В этом случае аналитическая модель заменяется имитационной моделью – логико-математическим описанием объекта, которое может быть использовано для экспериментирования на компьютере в целях проектирования, анализа и оценки функционирования объекта.

Л. Мартинелли в трех исследованиях 2017 года [34, 35, 36] с помощью имитационного моделирования (microsimulation model, разработанная в Институте исследований государственной политики (IPPR)) построил и просчитал три возможных сценария внедрения БД (БД установлен на уровне налоговой льготы от подоходного налога с населения; БД установлен на уровне суще-

ствующих пособий; БД установлен на уровне существующих пособий с субсидиями инвалидов). Формат данной статьи не позволяет подробно изложить все условия, введенные допущения и параметры моделирования, поэтому изложим только результаты. Мартинелли пришел к выводу, что все 3 варианта приведут к значительному количеству людей и домашних хозяйств, материальное положение которых ухудшится, при этом потери больше для нижних трех квинтильных групп населения. В рамках каждой модели автор отдельно рассматривал эффекты и последствия для мужчин и женщин, для богатых и бедных домохозяйств, для разных типов семей (одиноким родители, семьи с пенсионерами, семьи, где работают оба партнера или только один партнер, семьи с детьми и без, семьи с инвалидами и др.) При этом, большинство людей сталкиваются с более слабыми стимулами к труду в рамках всех трех смоделированных схем.

Среди других самых известных работ по имитационному моделированию БД можно назвать работы С. Лэнсли и Х. Рид «Universal Basic Income: An idea whose time has come?» (2016) и «Basic Income for all: From desirability to feasibility» (2019), работу Э. Аткинсона и др. «Reducing poverty and inequality through tax-benefit reform and the minimum wage: the UK as a case-study» (2017), а также обобщающую работу М.Торпи «Static microsimulation research on Citizen's Basic Income for the UK: a personal summary and further reflections» (2019). Результаты этих работ, где авторы придерживаются несколько иной методологии, дают гораздо более оптимистичный взгляд на введение БД, в части сокращения неравенства и борьбы с бедностью, однако, авторы признают, чтобы платить всем взрослым британцам гарантированный доход, потребуется поднять шкалу налога на доходы [18, 32, 33, 49].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в мае 2017 года выпустила отчет «Основной доход как вариант политики: Техническая справочная записка, иллюстрирующая затраты и последствия распространения в отдельных странах». В отчете рассчитываются издержки на введение БД, выплачиваемого всем лицам, не достигшим пенсионного возраста в своей стране, и подробно рассматриваются финансовые последствия такой политики для Финляндии, Франции, Италии и Великобритании. ОЭСР приняла следующие базовые предположения: БД должен облагаться налогом (справедливый способ платить меньше богатым, чем бедным) и после уплаты налогов сумма должна быть равна гарантированному минимальному доходу в стране.

Существующие жилищные субсидии и государственные услуги (здравоохранение, образование, пособия, связанные с особыми потребностями и возрастом) сохранились в тех же объемах, а все налоговые льготы ликвидированы, чтобы финансировать БД.

Используя имитационный анализ (основанный на данных EUROMOD), авторы приходят к выводу, что БД, финансируемый на уровне текущих расходов, окажется намного ниже черты бедности. Соответственно, БД, достаточный для сокращения бедности, потребует существенного увеличения налогообложения. Даже в последнем случае эта политика не может существенно сократить бедность и может оставить многих людей в худшем положении по сравнению с существующими программами социального обеспечения. Исследования установили, что «вместо сокращения общей численности людей, живущих в условиях бедности, основной доход изменит состав населения с низким доходом» и, таким образом, «не станет эффективным инструментом сокращения масштабов бедности» [41]. Анализ показывает, что в большинстве стран с высоким уровнем дохода БД может фактически усилить бедность населения и сделать адресность более размытой. В трех из четырех стран (Финляндии, Франции, Италии и Великобритании) гипотетически возможный БД поднимет уровень бедности на 1%.

В Греции, Италии, Португалии и Испании социальные выплаты достаются 20% богатейшего населения, потому что малоимущие часто не знают о своих льготах в силу сложности систем пособий. В Италии, где около 80% людей в группах с низким доходом начнут получать БД вместо текущих пособий, он потребует меньше расходов, чем существующая система, создавая экономию, которая может быть использована для развития экономики. В Финляндии, согласно результатам ОЭСР, выгоды менее очевидны. Для введения БД потребуется двухпроцентный рост налога на прибыль, но уровень бедности незначительно вырастет. В Великобритании, где есть хорошо продуманная система социальных выплат, введение БД потребует повышения налогов на 25% и приведет к росту числа бедных на 50%.

Если использовать БД в качестве защиты от автоматизации рабочих мест, то это, видимо, работает только для неквалифицированных сотрудников. Во многих странах было бы политически нецелесообразно увеличивать налоги, чтобы финансировать низкий всеобщий доход.

Вице-председатель BIEN Карл Видерквист в своем блоге «Новости о базовом доходе» The Independentarian пишет, что в отчете допущена

распространенная ошибка: при расчете (предполагаемой) стоимости схем базового дохода общая стоимость перепутана с чистой стоимостью. Надо отметить, что действительно, модели не учитывают возможные изменения в уровне занятости, рабочем времени или заработке, которые могут возникнуть в результате установления БД, а также не учитывают какое-либо сокращение расходов из-за снижения административных расходов.

Экономист Майк Мангер из Duke University отметил, что в докладе ОЭСР не принимается во внимание одно из основных возможных преимуществ БД: повышение стимулов для бедных, которые хотят работать, в следствие отсутствия «порогового эффекта» при введении БД. Однако он соглашается, что доклад ОЭСР наглядно показывает, что финансирование в больших масштабах БД будет политически сложным, потому что кому-то придется за это платить [12].

Отметим, что в России еще не проводилось полномасштабное моделирование введения БД. Чтобы ответить на вопрос о возможности и целесообразности введения БД в конкретной стране недостаточно рассчитать абсолютные величины предполагаемых расходов. Любые расходы надо сравнивать с возможностями. Подробное изучение доходов, расходов, особенностей систем социальной защиты и налоговой нагрузки бюджетов разных стран не входит в сферу рассмотрения в данной статье, однако это очень важный аспект, требующий дальнейшего изучения в контексте обсуждения возможности введения БД в мире.

Пилотные и экспериментальные проекты.

В ряде стран реализованы пилотные программы по введению безусловного дохода. Среди стран, где прошли эксперименты по введению БД, можно назвать Германию, Италию, Нидерланды, Польшу, Россию, Финляндию, Канаду, США, Бразилию, Иран, Индию, Макао, Кению, Намибию, Уганду. В Италии с 2019 года реализовано введение БД как сочетание пособия для неимущих по безработице и выплат для неимущих. Размер т.н. «гражданского дохода» будет зависеть от количества человек в семье, их дохода, объема сбережений, наличия недвижимости и транспортных средств. Таким образом, «гражданский доход» не обладает всеми характеристиками БД – он имеет условия применения и ограничен по времени.

Правительство Финляндии в 2017-2018 гг. протестировало возможность замены части пособий для безработных на БД для всех граждан, но дальше программу не продолжили, хотя сильного отрицательного воздействия на занятость программа не оказала [14]. В Канаде правительство провинции Онтарио с лета 2017 г. начало

масштабный эксперимент, но закончило его раньше срока из-за отсутствия результата по мнению властей (хотя предыдущий эксперимент Minscome в 1974-1979 гг. показал хорошие результаты) [9, 55, 42]. В Нидерландах в нескольких муниципалитетах сейчас применяется самая развитая экспериментальная программа БД в Европе. Самой длительной по времени из уже реализованных является программа выплат в штате Аляска, обладающая чертами концепции БД. С 1982 года часть средств Постоянного Фонда Аляски, финансирующегося из нефтяных доходов (в него поступает 25% средств от продажи нефти), распределяются между всеми жителями штата в форме дивидендов [31, 53]. С 1968 по 1980 годы в США провели 4 крупных эксперимента по введению отрицательного подоходного налога (аналога БД), в ходе которых малообеспеченным жителям разного этнического происхождения в течение 3-5 лет под тщательным наблюдением и контролем платили деньги. В конце 2016 года по инициативе некоммерческих организаций, научных центров и частных лиц в США запустили проект Economic Security Project. В его рамках деньги будут давать 3000 людям в 2 штатах в течение 5 лет, тысяче человек будут давать \$1000 в месяц, а остальные получают \$50 в месяц – они станут контрольной группой [13]. Эксперименты в развивающихся странах показали хорошие результаты, несмотря на небольшой размер выплат. Самый длительный и проводимый по всем правилам выборочного обследования эксперимент идет в Кении. Некоммерческая организация «GiveDirectly» с 2016 года обеспечивает суммой, покрывающей базовые нужды, 20 000 человек, проживающих в 197 деревнях, и еще 100 деревень исследуются в качестве контрольной группы в течение 12 лет [28].

В России продвижением идеи БД занимается общественное движение «Основной доход Россия ЗАВТРА» и Благотворительный фонд «Координаты добра». В 2019 году начался стартовый проект «Основной доход – россиянам». Источником выплат являются частные пожертвования. В течение 3 месяцев 5 многодетных малоимущих семей из Бурятии получали по 6500 руб. в месяц, 4 человека из Подмосковья (пенсионеры и многодетный отец) получали по 5000 руб. в месяц [13].

Выводы

Поддержка населением базового дохода ниже в относительно более богатых странах с развитой системой социальной поддержки и выше в менее богатых государствах. Общественное мнение в России в целом позитивно относится к идее БД, его поддерживают примерно 60% населения, при

этом менее 20% знакомы с самой концепцией. Согласно исследованию Всемирного Банка 2018 года [10], оценки общественного мнения в регионах России показывают, что население склоняется к системе, основанной на заслугах, не поддерживает равенство и психологически не готово к таким серьезным реформам.

Исходя из мирового опыта, основным критерием установления БД, должна быть возможность для индивида достойно прожить на эту сумму, но, исходя из пилотных экспериментов, размер БД ближе к локальному прожиточному минимуму, также часто применяется «неполный» БД. Определение возможного размера БД для Российской Федерации должно идти рука об руку с обсуждением состава новой научно обоснованной потребительской корзины, также надо учитывать размер медианной зарплаты в стране и регионе.

Основными выводами проведенного разными авторами имитационного моделирования, является то, что БД, достаточный для сокращения абсолютной бедности, потребует существенно увеличения налогообложения. Исследования установили, что вместо сокращения общей численности людей, живущих в условиях бедности, БД изменит состав населения с низким доходом. Большинство людей столкнется с более слабыми стимулами к труду.

В целом, если причина неэффективности существующих систем социальной помощи кроется в методологии оценки нуждаемости, которая систематически исключает бедных, или в плохом администрировании, реализация подхода БД может частично преодолеть эти препятствия. Но если главная причина недостаточного охвата и эффективности заключается в недостатке ресурсов для адресных программ, БД может оттянуть на себя дополнительные средства и усугубить эти проблемы. На данный момент недостаточно исследований, чтобы ответить на вопрос, сможет ли введение БД укрепить социальную стабильность в обществе, изменить общественное мнение о роли государства и его социальной политике [см., например, 10].

Можно отметить, что все пилотные эксперименты фактически устанавливают условный (предназначенной для целевых категорий граждан), частичный (соизмеримый с национальным прожиточным минимумом) и ограниченный во времени БД, что было также ранее отмечено в [1]. Эти характеристики не соответствуют стандартным универсальным параметрам БД, рассмотренным нами во втором разделе статьи. Автор придерживается мнения, что в настоящий момент невозможно нигде в мире применить БД, полностью соответствующий теоретическим па-

раметрам концепции, дизайн концепции должен определяться конкретными условиями и ситуацией. По нашему мнению, на сегодняшний день в рамках существующих налоговых систем БД может существовать либо в форме локальных экспериментов (Кения, Намибия, Индия), либо при наличии больших рентных доходов (Аляска), или как совсем небольшая выплата. Если сумма значительна, как предполагалось в Швейцарии и было в Финляндии, то нужно ограничивать число получателей пособия.

Итоги пилотных экспериментов различаются в зависимости от страны (развивающаяся или развитая), охвата и позиции правительства. Основными результатами можно назвать улучшение материального и морального положения самых

малообеспеченных слоев населения, в ходе экспериментов не было отмечено сильного снижения трудовой активности. Заметим, что не все исследования удовлетворяют строгим современным требованиям к статистическим исследованиям с произвольным распределением объектов по контрольным группам.

Для оценки последствий введения БД в Российской Федерации наилучшим способом автору представляется проведение полноценного имитационного эксперимента с использованием данных Росстата, Фонда социального страхования РФ, данных RLMS и опросов ВЦИОМ. Также необходим полноценный анализ результатов, проходящих в настоящее время на территории Российской Федерации пилотных проектов.

Список литературы

1. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный БД: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества // Уровень жизни населения регионов России. 2019. №3(213). С. 8-26.
2. Более половины россиян высказались за минимальный гарантированный доход. <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2018/5a85a1ce9a79476afca9f8d5https://www.rbc.ru/economics/16/02/2018/5a85a1ce9a79476afca9f8d5> (Дата обращения 16 января 2019).
3. Гонтмахер Е.Ш. БД: пролог к социальной политике XXI века? Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 2. С. 156-177.
4. Елистратов В. 26 немцам в течение года платили по тысяче евро в месяц, чтобы проверить, будут ли они при этом работать. TJournal (Дата обращения 28 октября 2019)
5. Желтов М.В. Швейцария: идея бесплатного сыра не прошла. ИнтерИЗбирком (6 июня 2016). (Дата обращения 7 октября 2019).
6. Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения / Под ред. Р.П. Колосовой, Г.Г. Меликьяна: Учебно-методическое пособие: практикум. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2008. 458 с.
7. Италия будет платить беднякам 780 евро каждый месяц. https://lenta.ru/news/2018/09/27/basic_income/. (дата обращения 16 января 2019).
8. Кислицына О.А. Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 32-47.
9. Красильникова Ю. В Канаде сворачивают эксперимент с БОДом. <https://hightech.plus/2018/08/01/v-kanade-svorachivayut-eksperiment-s-bodom> (1 августа 2019).
10. Материалы Международной научно-практической конференции «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?» 14.11.2018 г. https://isp.hse.ru/data/2019/01/09/1143757431/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%91%D0%94_14-11-2018_%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0.pdf (дата обращения: 1 октября 2019).
11. Надикто О. Швейцарцы высказались против гарантированного дохода в \$2,5 тыс.. RBK (5 июня 2016). (Дата обращения 16 января 2019).
12. ОЭСР: безусловный БД — путь к бедности https://finance.rambler.ru/money/37103470/?utm_content=rfinance&utm_

References

1. Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odincova E.V. Bezuslovnyy BD: razmyshleniya o vozmozhnom vliyaniy na povyshenie urovnya i kachestva zhizni i ustojchivosti obshchestva // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. - 2019. - № 3(213). S. 8-26.
2. Bolee poloviny rossiyany vyskazalis' za minimal'nyy garantirovannyj dohod. <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2018/5a85a1ce9a79476afca9f8d5https://www.rbc.ru/economics/16/02/2018/5a85a1ce9a79476afca9f8d5> (Data obrashcheniya 16 yanvarya 2019).
3. Gontmaher E.SH. BD: prolog k social'noj politike XXI veka? Ekonomicheskaya politika. 2019. T. 14. № 2. S. 156-177.
4. Elistratov, V. 26 nemcam v techenie goda platili po tysyache evro v mesyac, chtoby proverit', budut li oni pri etom rabotat'. TJournal (Data obrashcheniya 28 oktyabrya 2019).
5. ZHeltov M. V. SHvejcariya: ideya besplatnogo syra ne proshla. InterIzbirkom (6 iyunya 2016). (Data obrashcheniya 7 oktyabrya 2019).
6. Zanyatost', rynek truda i social'no-trudovye otnosheniya / Pod red. R.P. Kolosovoj, G.G. Melik'yana: Uchebno-metodicheskoe posobie: praktikum. — M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU, TEIS, 2008. — 458 s.
7. Italiya budet platit' bednyakam 780 evro kazhdyy mesyac. https://lenta.ru/news/2018/09/27/basic_income/. (Data obrashcheniya 16 yanvarya 2019).
8. Kislicyna O.A. Vvedenie sistemy bezuslovnogo bazovogo dohoda: chto dumayut rossiyane? Kto «za», kto «protiv»? // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2019. № 3. S. 32-47.
9. Krasil'nikova YU. V Kanade svorachivayut eksperiment s BODom. <https://hightech.plus/2018/08/01/v-kanade-svorachivayut-eksperiment-s-bodom> (1 avgusta 2019).
10. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Bazovyj dohod: prolog k social'noj politike XXI veka?» 14.11.2018 g. https://isp.hse.ru/data/2019/01/09/1143757431/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%91%D0%94_14-11-2018_%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0.pdf (data obrashcheniya: 1 oktyabrya 2019).
11. Nadykto O. SHvejcarcy vyskazalis' protiv garantirovannogo dohoda v \$2,5 tys.. RBK (5 iyunya 2016). (Data obrashcheniya 16 yanvarya 2019).
12. OESR: bezuslovnyy BD — put' k bednosti https://finance.rambler.ru/money/37103470/?utm_content=rfinance&utm_

- rambler.ru/money/37103470/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 1 октября 2019).
13. Примеры текущих экспериментов основного дохода в мире <https://ubiru.org/basic-income-world/> (Дата обращения 23 октября 2019).
14. Финляндия будет выплачивать гражданам по 800 евро в месяц https://polit.ru/news/2015/11/03/finland_income/ (Дата обращения 16 января 2019).
15. Швейцария проведет референдум о выплате всем по 2500 франков. Русская служба Би-би-си (1 февраля 2016). (Дата обращения 16 января 2019).
16. Швейцарцы отказались от ежемесячных пособий. Корреспондент.net (5 июня 2016). <https://korrespondent.net/world/3693089-shveitsartsy-otkazalys-ot-ezhemesiachnykh-posobyi> (Дата обращения 16 января 2019).
17. Шевченко Л. В итальянском Ливорно введут безусловный БД для 200 беднейших семей. Reed (7 декабря 2016 года). (Дата обращения 30 апреля 2019).
18. Atkinson, Anthony B., Chrysa Leventi, Brian Nolan, Holly Sutherland, and Iva Tasseva (2017) Reducing poverty and inequality through tax-benefit reform and the minimum wage: the UK as a case-study. EUROMOD Working Paper EM 13/17. Colchester: Institute for Social and Economic Research, University of Essex. <https://www.euromod.ac.uk/sites/default/files/working-papers/em13-17.pdf>. (дата обращения: 18 октября 2019).
19. BIEN Basic Income Earth Network. <https://basicincome.org/basic-income/>, <https://basicincome.org/basic-income/history/> (Дата обращения 24 июля 2019).
20. Callan T., O'Donoghue C., O'Neill C. Analysis of Basic Income Schemes for Ireland // Policy Research Series. 1994. Paper N21. Dublin: The Economic and Social Research Institute. www.esri.ie/pubs/PRS21.pdf (дата обращения 1 октября 2019).
21. De Wispelaere Jurgen, Stirton Lindsay The administrative efficiency of basic income Policy & Politics vol 39 no 1 • 115–32 (2011) doi 10.1332/030557311X546352 (Дата обращения 23 октября 2019).
22. De Wispelaere Jurgen, Stirton Lindsay The Many Faces of Universal Basic Income 09 July 2004 <https://doi.org/10.1111/j.1467-923X.2004.00611.x> (дата обращения: 18 октября 2019).
23. European Social Survey Dataset <https://www.europeansocialsurvey.org/data> (дата обращения: 18 октября 2019).
24. Dutch Government authorizes social assistance experiments in five municipalities (англ.), BIEN (11 July 2017). (Дата обращения 8 августа 2019).
25. Finland Has Second Thoughts About Giving Free Money to Jobless People (англ.), The New York Times (24 апреля 2018). (Дата обращения 6 мая 2019).
26. Fitzgerald R., Bottoni G., Swift S. The future of welfare: basic income? // European Social Survey. Part of the Economic and Social Research Council (ESRC). Festival of Social Science. 2017. citizensincome.org/wp-content/uploads/2017/11/European-SocialSurvey-survey-on-Basic-Income.pdf (дата обращения 18 октября 2019).
27. Greenstein R. Commentary: Universal Basic Income May Sound Attractive But, If it Occurred, Would Likelier Increase Poverty Than Reduce it // Center on Budget and Policy Priorities (CBPP). 2017. 18 September. www.cbpp.org/poverty-and-opportunity/commentary-universal-basic-income-may-sound-attractive-but-if-it-occurred (дата обращения 1 октября 2019).
28. Here's how the experiment works <https://www.givedirectly.org/ubi-study/> (дата обращения 18 октября 2019).
29. Hinds D. Universal Basic Income // House of Commons Hansard. 2016. 14 September. hansard.parliament.uk/commons/2016-09-14/debates/1B16BDDC-5BB5-40AB-93E0-A78D0A39BF5B/UniversalBasicIncome (дата обращения 1 октября 2019).
30. Hoare P. US: New POLITICO/Morning Consult poll finds that 43% of Americans are in favour of a UBI // Basic income=read_more&utm_source=copylink (data obrashcheniya 1 oktyabrya 2019).
13. Primery tekushchih eksperimentov osnovnogo dohoda v mire <https://ubiru.org/basic-income-world/> (Data obrashcheniya 23 oktyabrya 2019).
14. Finlyandiya budet vyplachivat' grazhdanam po 800 evro v mesyac https://polit.ru/news/2015/11/03/finland_income/ (Data obrashcheniya 16 yanvarya 2019).
15. SHvejcariya provedet referendum o vyplate vsem po 2500 frankov. Russkaya sluzhba Bi-bi-si (1 fevralya 2016). (Data obrashcheniya 16 oktyabrya 2019).
16. SHvejcarcy otkazalis' ot ezhemesyachnykh posobij. Korrespondent.net (5 iyunya 2016). <https://korrespondent.net/world/3693089-shveitsartsy-otkazalys-ot-ezhemesiachnykh-posobyi> (Data obrashcheniya 16 yanvarya 2019).
17. SHEvchenko, L. V ital'yanskom Livorno vvedut bezuslovnyy BD dlya 200 bednejshih semej. Reed (7 dekabrya 2016 goda). (Data obrashcheniya 30 aprelya 2019).
18. Atkinson, Anthony B., Chrysa Leventi, Brian Nolan, Holly Sutherland, and Iva Tasseva (2017) Reducing poverty and inequality through tax-benefit reform and the minimum wage: the UK as a case-study. EUROMOD Working Paper EM 13/17. Colchester: Institute for Social and Economic Research, University of Essex. <https://www.euromod.ac.uk/sites/default/files/working-papers/em13-17.pdf>. (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
19. BIEN Basic Income Earth Network. <https://basicincome.org/basic-income/>, <https://basicincome.org/basic-income/history/> (Data obrashcheniya 24 iyulya 2019).
20. Callan T., O'Donoghue C., O'Neill C. Analysis of Basic Income Schemes for Ireland // Policy Research Series. 1994. Paper N21. Dublin: The Economic and Social Research Institute. www.esri.ie/pubs/PRS21.pdf (Data obrashcheniya 1 oktyabrya 2019).
21. De Wispelaere Jurgen, Stirton Lindsay The administrative efficiency of basic income Policy & Politics vol 39 no 1 • 115–32 (2011) doi 10.1332/030557311X546352 (Data obrashcheniya 23 oktyabrya 2019).
22. De Wispelaere Jurgen, Stirton Lindsay The Many Faces of Universal Basic Income 09 July 2004 <https://doi.org/10.1111/j.1467-923X.2004.00611.x> (дата обращения: 18 oktyabrya 2019).
23. European Social Survey Dataset <https://www.europeansocialsurvey.org/data> (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
24. Dutch Government authorizes social assistance experiments in five municipalities (англ.), BIEN (11 July 2017). (Data obrashcheniya 8 avgusta 2019).
25. Finland Has Second Thoughts About Giving Free Money to Jobless People, The New York Times (24 aprelya 2018). (Data obrashcheniya 6 maya 2019).
26. Fitzgerald R., Bottoni G., Swift S. The future of welfare: basic income? // European Social Survey. Part of the Economic and Social Research Council (ESRC). Festival of Social Science. 2017. citizensincome.org/wp-content/uploads/2017/11/European-SocialSurvey-survey-on-Basic-Income.pdf (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
27. Greenstein R. Commentary: Universal Basic Income May Sound Attractive But, If it Occurred, Would Likelier Increase Poverty Than Reduce it // Center on Budget and Policy Priorities (CBPP). 2017. 18 September. www.cbpp.org/poverty-and-opportunity/commentary-universal-basic-income-may-sound-attractive-but-if-it-occurred (Data obrashcheniya 1 oktyabrya 2019).
28. Here's how the experiment works <https://www.givedirectly.org/ubi-study/> (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
29. Hinds D. Universal Basic Income // House of Commons Hansard. 2016. 14 September. hansard.parliament.uk/commons/2016-09-14/debates/1B16BDDC-5BB5-40AB-93E0-A78D0A39BF5B/UniversalBasicIncome (Data obrashcheniya 1 oktyabrya 2019).
30. Hoare P. US: New POLITICO/Morning Consult poll finds that 43% of Americans are in favour of a UBI // Basic

- finds that 43% of Americans are in favour of a UBI // Basic Income Earth Network. 2017. 5 October. basicincome.org/news/2017/10/us-new-politicomorning-consult-poll-finds-43-americans-favour-ubi/ (дата обращения: 18 октября 2019).
31. Jones Damon, Marinescu Ioana. The labor market impacts of universal and permanent cash transfers: evidence from the Alaska permanent fund // National bureau of economic research. (дата обращения 18 октября 2019).
32. Lansley, Stewart, Howard Reed (2016) Universal Basic Income: An idea whose time has come? London: Compass. <http://www.compassonline.org.uk/publications/universal-basic-income-an-idea-whose-time-has-come/>. (дата обращения 18 октября 2019).
33. Lansley, Stewart and Howard Reed (2019) Basic Income for all: From desirability to feasibility. London: Compass. <http://www.compassonline.org.uk/basic-income-for-all/> (дата обращения 18 октября 2019).
34. Martinelli L. Exploring the Distributional and Work Incentive Effects of Plausible Illustrative Basic Income Schemes. IPR Institute for policy research. University of Bath, 2017. IPR Working Paper. <https://www.bath.ac.uk/ipr/publications/reports/work-incentive-effects-on-basic-income.html> (дата обращения 1 октября 2019).
35. Martinelli, L. The fiscal and distributional implications of alternative Universal Basic Income schemes in the UK. IPR Working Paper. Bath: Institute for Policy Research, University of Bath. <https://www.bath.ac.uk/publications/the-fiscal-and-distributional-implications-of-alternative-universal-basic-income-schemes-in-the-uk/attachments/basic-income-working-paper.pdf>. (дата обращения 18 октября 2019).
36. Martinelli, L. Assessing the case for a Universal Basic Income in the UK. IPR Working Paper. Bath: Institute for Policy Research, University of Bath. <https://www.bath.ac.uk/publications/assessing-the-case-for-a-universal-basic-income-in-the-uk/>. (дата обращения 18 октября 2019).
37. Meghir, C. Phillips, D. (2010). "Labour Supply and Taxes." in Adam et al. (eds.) (2010) Dimensions of Tax Design: The Mirrlees Review.
38. Mein Grundeinkommen. Сайт проекта «Mein Grundeinkommen». дата обращения (15 февраля 2019).
39. Nico Jaspers. What do Europeans think about basic income? BIEN (April 2016). (Дата обращения 16 января 2019).
40. Objectives and Political Chances. Amsterdam, Amsterdam University Press.
41. OECD Basic Income as a Policy Option: Technical Background Note Illustrating Cost and Distributional Implications for Selected Countries. Paris: OECD Publishing, 2017. www.oecd.org/els/soc/Basic-Income-Policy-Option-2017-Background-Technical-Note.pdf (дата обращения 18 октября 2019).
42. Ontario Basic Income Pilot (англ.). www.ontario.ca. (Дата обращения 8 августа 2019).
43. Smedley S. Half of UK adults would support universal basic income in principle // Ipsos MORI. 2017. 8 September. <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2017-09/omnibus-universal-basic-income-topline-2017.pdf> (дата обращения 18 октября 2019).
44. Srnicek Nick, Williams Alex/ Inventing the Future Postcapitalism and a World Without Work <https://www.versobooks.com/books/2315-inventing-the-future> (Дата обращения 16 января 2019).
45. Standing, Guy. Basic Income: And How We Can Make It Happen. Pelican Books. 2017. – p. 374.
46. The Past, Present and Future of European Welfare Attitudes. Topline Results from Round 8 (2016/17) of the European Social Survey (дата обращения 18 октября 2019).
47. Tideman Nicolaus and Ping Tsang Kwok. Seigniorage as a Source for a Basic Income Guarantee (англ.) // Basic Income Studies. — 2010. — Vol. 5, iss. 2. — P. 1—6.
48. Tiessalo R. Free Money Provokes Some Finns to Slam Basic Income as "Useless" // Bloomberg. 2017, 8 February. [www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-08/-useless-](http://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-08/-useless-income-earth-network)
- Income Earth Network. 2017. 5 October. basicincome.org/news/2017/10/us-new-politicomorning-consult-poll-finds-43-americans-favour-ubi/ (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
31. Jones Damon, Marinescu Ioana. The labor market impacts of universal and permanent cash transfers: evidence from the Alaska permanent fund // National bureau of economic research. (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
32. Lansley, Stewart, Howard Reed (2016) Universal Basic Income: An idea whose time has come? London: Compass. <http://www.compassonline.org.uk/publications/universal-basic-income-an-idea-whose-time-has-come/>. (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
33. Lansley, Stewart and Howard Reed (2019) Basic Income for all: From desirability to feasibility. London: Compass. <http://www.compassonline.org.uk/basic-income-for-all/> (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
34. Martinelli L. Exploring the Distributional and Work Incentive Effects of Plausible Illustrative Basic Income Schemes. IPR Institute for policy research. University of Bath, 2017. IPR Working Paper. <https://www.bath.ac.uk/ipr/publications/reports/work-incentive-effects-on-basic-income.html> (Data obrashcheniya 1 oktyabrya 2019).
35. Martinelli, L. The fiscal and distributional implications of alternative Universal Basic Income schemes in the UK. IPR Working Paper. Bath: Institute for Policy Research, University of Bath. <https://www.bath.ac.uk/publications/the-fiscal-and-distributional-implications-of-alternative-universal-basic-income-schemes-in-the-uk/attachments/basic-income-working-paper.pdf>. (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
36. Martinelli, L. Assessing the case for a Universal Basic Income in the UK. IPR Working Paper. Bath: Institute for Policy Research, University of Bath. <https://www.bath.ac.uk/publications/assessing-the-case-for-a-universal-basic-income-in-the-uk/>. (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019).
37. Meghir, C. Phillips, D. (2010). "Labour Supply and Taxes." in Adam et al. (eds.) (2010) Dimensions of Tax Design: The Mirrlees Review.
38. Mein Grundeinkommen. Сайт проекта «Mein Grundeinkommen». (Data obrashcheniya 15 fevralya 2019)
39. Nico Jaspers. What do Europeans think about basic income? (англ.). BIEN (April 2016). (Data obrashcheniya 16 oktyabrya 2019)
40. Objectives and Political Chances. Amsterdam, Amsterdam University Press.
41. OECD Basic Income as a Policy Option: Technical Background Note Illustrating Cost and Distributional Implications for Selected Countries. Paris: OECD Publishing, 2017. www.oecd.org/els/soc/Basic-Income-Policy-Option-2017-Background-Technical-Note.pdf (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019)
42. Ontario Basic Income Pilot (англ.). www.ontario.ca. (Data obrashcheniya 8 avgusta 2019)
43. Smedley S. Half of UK adults would support universal basic income in principle // Ipsos MORI. 2017. 8 September. <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2017-09/omnibus-universal-basic-income-topline-2017.pdf> (Data obrashcheniya 18 oktyabrya 2019)
44. Srnicek Nick, Williams Alex / Inventing the Future Postcapitalism and a World Without Work <https://www.versobooks.com/books/2315-inventing-the-future> (Data obrashcheniya 16 oktyabrya 2019)
45. Standing, Guy. Basic Income: And How We Can Make It Happen. Pelican Books. 2017. – p. 374.
46. The Past, Present and Future of European Welfare Attitudes. Topline Results from Round 8 (2016/17) of the European Social Survey (Data obrashcheniya 16 oktyabrya 2019)
47. Tideman Nicolaus and Ping Tsang Kwok. Seigniorage as a Source for a Basic Income Guarantee // Basic Income Studies. — 2010. — Vol. 5, iss. 2. — P. 1—6.
48. Tiessalo R. Free Money Provokes Some Finns to Slam Basic Income as "Useless" // Bloomberg. 2017, 8 February. [УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ • №4 \(214\) 2019 • 132 • 70–84](http://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-08/-useless-</p>
</div>
<div data-bbox=)

basic-income-trial-fails-test-at-biggest-finnish-union (дата обращения 1 октября 2019).

49. *Torry M.* Static microsimulation research on Citizen's Basic Income for the UK: a personal summary and further reflections EUROMOD Working Paper SeriesEM13/19 <https://www.iser.essex.ac.uk/research/publications/working-papers/euromod/em13-19>.

50. *Van Der Veen, R.-J. and Groot, L.* (2000). Basic Income on the Agenda: Policy.

51. *Van Parijs P.* A Basic Income for All (англ.). Boston Review (October 2000). (Дата обращения 16 января 2019).

52. *Van Parijs, Philippe and Vanderborght, Yannick* Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy, (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2017), 400 pp.

53. What Is the Alaska Permanent Fund? <https://web.archive.org/web/20120728225046/http://www.apfc.org/home/Content/aboutFund/aboutPermFund.cfm>. (Дата обращения 16 января 2019).

54. *Zamora Daniel.* The Case Against a Basic Income <https://www.jacobinmag.com/2017/12/universal-basic-income-inequality-work> (Дата обращения 16 октября 2019).

55. *Zi-Ann, Lum.* A Canadian City Once Eliminated Poverty And Nearly Everyone Forgot About It (англ.). The Huffington Post (23 December 2014). (Дата обращения 16 января 2019).

basic-income-trial-fails-test-at-biggest-finnish-union (Data obrashcheniya 1 oktyabrya 2019).

49. *Torry M.* Static microsimulation research on Citizen's Basic Income for the UK: a personal summary and further reflections EUROMOD Working Paper SeriesEM13/19 <https://www.iser.essex.ac.uk/research/publications/working-papers/euromod/em13-19>.

50. *Van Der Veen, R.-J. and Groot, L.* (2000). Basic Income on the Agenda: Policy.

51. *Van Parijs P.* A Basic Income for All (англ.). Boston Review (October 2000). (Data obrashcheniya 16 yanvarya 2019).

52. *Van Parijs, Philippe and Vanderborght, Yannick* Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy, (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2017), 400 pp.

53. What Is the Alaska Permanent Fund? <https://web.archive.org/web/20120728225046/http://www.apfc.org/home/Content/aboutFund/aboutPermFund.cfm>. (Data obrashcheniya 16 oktyabrya 2019).

54. *Zamora Daniel.* The Case Against a Basic Income <https://www.jacobinmag.com/2017/12/universal-basic-income-inequality-work> (Data obrashcheniya 16 oktyabrya 2019).

55. *Zi-Ann, Lum.* A Canadian City Once Eliminated Poverty And Nearly Everyone Forgot About It (англ.). The Huffington Post (23 December 2014). (Data obrashcheniya 16 yanvarya 2019).

Дифференциация оценок значимости мер помощи семьям с детьми

Differentiation of Assessments of Significance of Measures of Assistance to Families with Children

Получено 01.11.2019 Одобрено 21.11.2019 Опубликовано 09.12.2019 УДК: 364.222, 369.011.4 DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10084

ЕЛИЗАРОВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат экономических наук, доцент, научный руководитель и ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Email: elizarovvv@gmail.com

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

кандидат экономических наук, заведующий сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Email: archangelsky@yandex.ru

ДЖАНАЕВА НАТАЛЬЯ ГЕОРГИЕВНА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Email: njanaeva@gmail.com

YELIZAROV, VALERIY VLADOMIROVITCH

PhD in Economics, Scientific Head and Leading Research Worker at the Centre for Population Studies, Faculty of Economics, MV Lomonosov Moskva State University.
Email: elizarovvv@gmail.com

ARKHANGEL'SKIY, VLADIMIR NIKOLAYEVITCH

PhD in Economics, Head of the Sector of the Centre for Population Studies, Faculty of Economics, MV Lomonosov Moskva State University.
Email: archangelsky@yandex.ru

DZHANAYEVA, NATAL'YA GEORGIYEVNA

PhD in Economics, Senior Research Worker, Centre for Population Studies, Faculty of Economics, MV Lomonosov Moskva State University.
Email: njanaeva@gmail.com

Аннотация

Объект исследования – семьи с детьми.

Предмет исследования – значимость для семей с детьми различных мер поддержки.

Цель исследования. Изучение значимости мер помощи семьям с детьми в зависимости от уровня жизни и региональных различий полученных оценок.

Основные положения статьи. Проблема бедности семей с детьми сохраняет свою актуальность. Более того, ситуация в последние годы ухудшилась. Так, доля детей в возрасте до 7 лет, проживающих в домохозяйствах со среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума, увеличилась с 15,6% в 2012 г. до 28,0% в 2017 г. Рождение детей увеличивает для семьи риск бедности. Большинство семей заинтересованы в различных мерах поддержки, прежде всего экономических, финансовых. Но как семьи с детьми оценивают действующие меры и предлагаемые?

Значимость мер помощи семьям с детьми различается в зависимости от разных характеристик семьи, и прежде всего, от достигнутого уровня жизни. Эти различия могут рассматриваться как на уровне семей с разным доходом и разной оценкой уровня жизни, так и при межрегиональных сравнениях. Учёт этих различий важен для оценки результативности действующих мер и разработки предложений по расширению мер поддержки семей.

Одним из наиболее крупных, репрезентативных обследований, позволяющих осуществлять межрегиональные сравнения и содержащих информацию об оценке значимости мер помощи семьям с детьми, является микроперепись населения России 2015 года. В опросном листе микропереписи был вопрос об условиях, которые могли бы способствовать рождению желаемого числа детей. Предлагалось по пятибалльной шкале оценить возможную степень влияния различных мер помощи семьям с детьми, как действующих, так и тех, которые, возможно, могли бы быть введены в будущем. Из числа действующих мер наибольшую оценку получил федеральный материнский (семейный) капитал. Женщины, в среднем, по сравнению с мужчинами, немного выше оценили значимость почти всех мер. Полученные оценки различаются между субъектами России. Так, значимость материнского капитала оказалась выше в тех субъектах России, где ниже показатели уровня жизни и, прежде всего, среднедушевые доходы.

Для анализа влияния уровня жизни на оценку значимости мер помощи семьям с детьми были рассчитаны коэффициенты

Abstract

The Object of the Study – families with children.

The Subject of the Study is the importance for families with children of various support measures.

Purpose of the Study is studying of the significance of measures to help families with children, depending on the living standards and regional differences in the estimates.

The Main Provisions of the Article. The problem of poverty of families with children remains relevant. Moreover, the situation has deteriorated in recent years. Thus, the proportion of children under 7 living in households with per capita incomes below the subsistence level increased from 15.6% in 2012 to 28.0% in 2017. Having children increases the risk of poverty for the family. Most families are interested in various support measures, primarily economic, financial. But how do families with children evaluate existing measures and proposed ones?

The significance of assistance to families with children varies depending on different characteristics of the family, and above all, on the standard of living achieved. The differences can be considered both at the level of families with different incomes and different assessments of living standards as well as in inter-regional comparisons. Taking the differences into account is important for evaluating the effectiveness of existing measures and developing proposals for expanding family support measures.

One of the largest, representative surveys allowing for inter-regional comparisons and containing information on assessing the significance of measures to help families with children is the 2015 microcensus of the Russian population. In the microcensus questionnaire there was a question about conditions that could contribute to the birth of the desired number of children. It was proposed on a five-point scale to assess the possible degree of influence of various measures of assistance to families with children, both existing and those that could possibly be introduced in the future. Of the current measures, the highest rating was given to federal maternal (family) capital. Women, on average, compared with men, rated the significance of almost all measures slightly higher. The estimates obtained differ between the subjects of Russia. Thus, the importance of maternal capital turned out to be higher in those subjects of Russia where the indicators of living standards and, above all, per capita incomes are lower.

To analyze the impact of living standards on assessing the significance of measures to help families with children, correlation coefficients between assessing the significance of measures and available indicators of living standards (average per capita income,

корреляции между оценкой значимости мер и доступными индикаторами уровня жизни (среднедушевые денежные доходы, дефицит располагаемых ресурсов в малоимущих домохозяйствах, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума и др.).

В заключении рассмотрены новые меры поддержки семей с детьми, которых не было на момент опроса в 2015 г. Планируется и дальше развивать меры, снижающие бедность семей с детьми, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Нужны дополнительные выборочные исследования, которые ответят на вопросы: как уже принятые меры снижают бедность семей с детьми, что мешает реализовать действующие меры с большей результативностью, в развитии каких мер поддержки нуждаются семьи с разным числом детей.

Ключевые слова: семьи с детьми; бедность; уровень жизни семей с детьми; меры поддержки семей с детьми; значимость мер помощи семьям с детьми.

Введение

В Послании Президента Российской Федерации от 20 февраля 2019 г. среди ключевых задач названо сбережение народа и всемерная поддержка семей. Решение демографических проблем, как было отмечено в Послании, прямо связано с преодолением бедности. На это будут направлены значительные финансовые ресурсы. В Послании подчеркнуто: «Важно, чтобы рождение и воспитание детей не означало для семьи риска бедности, резкого снижения уровня благосостояния» [11].

Напомним, что в предвыборной статье кандидата в Президенты В.В. Путина в феврале 2012 г. также говорилось о том, что «...Абсолютно нетерпимо, когда рождение ребенка подводит семью к грани бедности. Полностью исключить такую ситуацию – национальная задача на предстоящие 3-4 года» [12]. С тех пор прошло не 3-4 года, а почти 8 лет, но проблема высокого риска бедности семей с детьми остается нерешенной.

Более того, ситуация не улучшилась, а ухудшилась. Так, доля детей в возрасте до 7 лет, проживающих в домохозяйствах со среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума, увеличилась с 15,6% в 2012 г. до 28,0% в 2017 г. (в процентах от общей численности детей в возрасте до 7 лет) [5]. По данным Детского фонда ООН (UNICEF) доля детей, проживающих в бедных семьях (от общего числа детей до 17 лет), в России выше, чем в Казахстане, Белоруссии и Молдове, но ниже, чем в Украине и республиках Средней Азии [17, с.23].

Бедность в России все больше стала проявляться именно в семьях с детьми. Так, доля малоимущих домохозяйств с детьми выросла с 62,2% в 2012 г. до 81,0% в 2017 г. (в процентах к

lack of available resources in low-income households, share of people with incomes below the subsistence level, etc.) were calculated.

In conclusion, new measures to support families with children that were not there at the time of the survey in 2015 have been considered. It is being planned to further develop measures to reduce the poverty of families with children, both at the federal and regional levels. Additional sample studies are needed to answer the questions: how the measures already taken reduce the poverty of families with children, which prevents the implementation of existing measures with greater effectiveness, what kind of support measures do families with different numbers of children need to develop.

Keywords: families with children; poverty; living standards of families with children; measures to support families with children; the importance of measures to help families with children.

общей численности малоимущих домохозяйств) [6]. Дефицит денежных доходов в малоимущих домохозяйствах с детьми возрос с 1738,5 рублей в месяц в 2012 г. (в среднем на члена домохозяйства) до 3175,5 рублей в 2017 г., а доля таких домохозяйств в общем объеме дефицита выросла с 71,8% в 2012 г. до 90,5% в 2017 г. [3]. Одна из причин – рост числа и доли третьих и следующих рождений в 2007-2018 гг. и, соответственно, увеличение числа домохозяйств с более чем двумя детьми, где бедность больше, чем у однопородных. Введенные с 2013 г. пособия при рождении третьего ребенка в регионах с низкой рождаемостью (в размере прожиточного минимума, от рождения до достижения возраста трех лет) не смогли в достаточной мере компенсировать рост расходов на детей.

В Послании-2019 было подчеркнуто, что среди тех, кто чаще всего сталкивается с бедностью, – многодетные, неполные семьи, семьи, где есть инвалиды. Но даже те из семей, которые официально не находятся за чертой бедности, могут испытывать серьезные материальные трудности и подчас вынуждены экономить на самом необходимом – одежде, лекарствах, даже на еде. «В решении проблемы бедности, и в развитии системы социальной поддержки важно дойти до каждой нуждающейся семьи, разобраться в ее проблемах» [11].

Вот почему для решения этих проблем важно исследовать как статистическую, так и причинно-следственную связь между различными характеристиками уровня жизни и тем, как разные семьи с детьми воспринимают меры социально-экономической поддержки. Значимы ли эти меры для них? Достаточно ли этих мер, и в каком направлении их следует развивать?

Возможности использования данных микропереписи населения – 2015 для оценки значимости мер помощи семьям с детьми

Значимость мер помощи семьям с детьми, вероятно, различается в зависимости от уровня жизни. Эти различия могут рассматриваться как на уровне семей с разным доходом и разной оценкой уровня жизни, так и при межрегиональных сравнениях.

В этом случае индикаторами уровня жизни семей в регионе могут быть: фактическое конечное потребление домашних хозяйств (на душу населения), среднедушевые денежные доходы, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, дефицит располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах (на одно домохозяйство и на одного члена домохозяйства).

В последние годы проведено несколько исследований, результаты которых позволяют оценить зависимость оценки мер помощи семьям с детьми от объективных или субъективных характеристик уровня жизни. В первую очередь следует выделить исследования, основанные на результатах опросов, проведенных по единой программе в различных регионах России и репрезентативных для населения страны. К их числу относится обследование «Готовность к переменам», проведенное в 2016 и 2018 гг. (около 6 тыс. респондентов), в рамках которого изучалась оценка значимости ряда мер помощи семьям с детьми в зависимости от различных параметров уровня жизни на межрегиональном и межсемейном уровнях [13].

Одним из наиболее крупных, репрезентативных обследований, позволяющих осуществлять межрегиональные сравнения и содержащих информацию об оценке значимости мер помощи семьям с детьми, является микроперепись населения России 2015 года.

В опросном листе микропереписи под номером 25 был вопрос **«Если Вы хотели бы иметь детей больше, чем собираетесь, то, в какой степени рождению желаемого числа детей могли бы способствовать следующие условия?»**. В этом вопросе предлагалось по пятибалльной шкале («1» – совсем не может повлиять, «5» – может повлиять очень сильно) оценить возможную степень влияния ряда мер помощи семьям с детьми, а также изменения личных обстоятельств и повышения уровня жизни семьи.

В число перечисленных в этом вопросе мер входят как действующие меры (федеральный материнский (семейный) капитал; региональный материнский (семейный) капитал; ежемесячная денежная выплата на третьего ребенка в раз-

мере прожиточного минимума; получение, без проблем, места для ребенка в детском саду, яслях; налоговые льготы работающим родителям; предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома; гибкий график работы (или неполный рабочий день / неделю или дистанционно, на дому); профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет), так и те, которые возможно могли бы быть введены когда-либо (ежемесячное денежное пособие (оплачиваемый отпуск) по уходу за ребенком до 3 лет (сейчас это пособие очень мало (базовый федеральный размер – 50 рублей и речь идет, по сути дела, о сохранении за женщиной места работы и включении этого периода в трудовой стаж); беспроцентная ссуда на покупку жилья площадью в размере социальной нормы при рождении второго или последующего ребенка) [10].

Основные результаты были представлены в Докладе Росстата «Об основных итогах федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года» [4].

Весьма подробный анализ полученных результатов уже был осуществлен О.Г. Исуповой. Она рассматривала дифференциацию оценки этих мер в зависимости от ряда социально-экономических (уровень образования, трудовой статус) и демографических (пол, возраст, число рожденных детей, желаемое число детей) характеристик, типа поселения проживания респондентов, отвечавших на этот вопрос в микропереписи населения 2015 года [7].

Анализ оценки значимости различных мер помощи семьям с детьми, по данным микропереписи населения 2015 г., для жителей северных регионов России был осуществлен в работе Шишкиной М.А. [15]. Особое внимание было уделено оценке меры, направленной на содействие в улучшении жилищных условий.

Оценка значимости различных мер, по данным микропереписи населения 2015 г., по Вологодской области в сравнении с общероссийскими показателями была осуществлена Короленко А.В. и Калачиковой О.Н. [9].

Значимость мер помощи семьям с детьми по данным микропереписи – 2015

По данным, взятым из базы микроданных микропереписи населения 2015 года, были рассчитаны оценки значимости разных мер поддержки семей с детьми, как действующих, так и предлагаемых. Предполагалось, что ответы респондентов

(как женщин, так и мужчин) помогут в подготовке предложений к плану мер на 2016-2020 гг. по реализации третьего этапа Концепции демографической политики на период до 2025 года. Оценки были сделаны по пятибалльной шкале.

Наиболее значимым, по ответам женщин, в целом по России, оказался **федеральный материнский (семейный) капитал** (4,53). На втором месте по значимости – возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы (4,51). Обе эти меры, по ответам женщин, оказались более значимыми с точки зрения возможного влияния на рождение желаемого числа детей, чем повышение уровня жизни семьи (4,48).

Похожая ситуация и по ответам мужчин. Наиболее значимой из предложенных в опросном листе мер, по их мнению, является получение **беспроцентной ссуды на покупку жилья** площадью в размере социальной нормы при рождении второго или последующего ребенка (4,48). Немного ниже и в равной мере (по 4,45) они оценили значимость федерального материнского (семейного) капитала и повышения уровня жизни семьи.

На четвертом месте, по ответам как женщин, так и мужчин – **региональный материнский (семейный) капитал** (соответственно, 4,46 и 4,38).

Пятое место по значимости, по ответам женщин, и шестое, по ответам мужчин, занимает **возможность получения ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет** (соответственно, 4,41 и 4,23).

Возможность без проблем получить **место для ребенка в детском саду, яслях**, наоборот, по среднему баллу оценки значимости у женщин заняла шестое место (4,32), а у мужчин – пятое (4,25).

На седьмом месте и у женщин, и у мужчин – возможность получения **ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка** (соответственно, 4,17 и 4,10).

Очень близкий средний балл оценки значимости **налоговых льгот** работающим родителям (4,08 у женщин и 4,07 у мужчин) и предоставления семьям с тремя и более детьми **земельных участков под строительство жилого дома** (соответственно, 4,05 и 4,08).

Женщины немного выше, в среднем, по сравнению с мужчинами, оценили значимость почти всех мер (кроме предоставления семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома).

Остальные две меры были оценены, в среднем, менее чем на 4 балла. Причем оценка их значимости у женщин существенно выше, чем у мужчин, что и неудивительно, ибо обе они, главным образом, адресованы женщинам – **возможность иметь гибкий график работы** (или неполный рабочий день / неделю или дистанционно, на дому) (3,96 у женщин и 3,62 у мужчин; женщины оценили значимость этой меры, с точки зрения способствования рождению желаемого числа детей, выше изменения личных обстоятельств (3,77), а мужчины – ниже (3,70)) и **возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации** в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет (3,65 у женщин и 3,46 у мужчин).

Оценка значимости мер помощи семьям с детьми существенно различается между субъектами Российской Федерации.

Больше, чем на 4,7 балла, в среднем, оценили значимость **федерального материнского (семейного) капитала** жительницы Омской (4,80), Белгородской (4,75) и Тульской (4,74) областей, республик Марий Эл (4,74), Хакасии (4,74), Мордовии (4,72) и Дагестана (4,71), Пермского края (4,70). С другой стороны, наиболее низкая, в среднем, оценка значимости этой меры у женщин Камчатского края (4,07), Тамбовской области (4,05), Ямало-Ненецкого автономного округа (3,94).

У мужчин наиболее высокая, в среднем, оценка значимости этой меры в республиках Хакасии (4,81), Марий Эл (4,75), Мордовии (4,73), Калмыкии (4,71) и Дагестане (4,66), Белгородской (4,68) и Омской (4,65) областях, Приморском крае (4,68), а самая низкая – в Ненецком (3,56) и Ямало-Ненецком (3,84) автономных округах, Камчатском крае (3,67), Магаданской (3,70) и Тамбовской (3,94) областях.

В регионах с более низкими величинами индикаторов уровня жизни имеет место более высокая оценка значимости федерального материнского (семейного) капитала.

Корреляция между оценкой значимости мер помощи семьям с детьми и индикаторами уровня жизни

Среди различных индикаторов уровня жизни в субъектах Российской Федерации наиболее тесная связь оценки значимости этой меры имеет место со **среднедушевыми денежными доходами** (в данном исследовании использовалась их величина в 2016 г.). Коэффициент корреляции между ними и оценкой значимости федерального материнского (семейного) капитала женщинами составляет -0,499, мужчинами – -0,557 (при бо-

лее высоких среднедушевых доходах ниже оценка значимости этой меры) (см. табл. 1).

Несколько ниже (но также весьма существенна) величина коэффициента корреляции между оценкой значимости федерального материнского (семейного) капитала и **величиной дефицита располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах** в расчете на одного члена домашнего хозяйства в 2016 г. Применительно к оценке значимости этой меры женщинами она составляет -0,428, мужчинами – -0,506. Если использовать показатель дефицита располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах в расчете не на человека, а на домашнее хозяйство, то коэффициент корреляции составляет, соответственно, -0,330 и -0,358.

Коэффициент корреляции оценки значимости федерального материнского (семейного) капитала с **величиной фактического конечного душевого потребления домашних хозяйств** в 2015 г. составляет -0,386 у женщин и -0,458 у мужчин.

Существенно слабее связь оценки значимости этой меры с **долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума** в 2016 г. В данном случае, в отличие от других используемых в данной работе региональных характеристик уровня жизни, связь, естественно, прямая – чем выше доля населения со столь низкими доходами, тем выше оценка значимости федерального материнского (семейного) капитала. Коэффициент корреляции с этой оценкой женщинами составляет 0,148, мужчинами – 0,216.

Обратим внимание, что все используемые в данном исследовании индикаторы уровня жизни теснее коррелируют с оценкой значимости федерального материнского (семейного) капитала мужчинами, а не женщинами.

Второй (после федерального материнского (семейного) капитала) мерой, среди содержащихся в перечне в опросном листе микропереписи населения 2015 года, по степени взаимосвязи оценки ее значимости с показателями уровня жизни регионов является **получение ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет**. В данном случае, скорее, можно говорить о потенциальной значимости этой меры, так как респонденты не могли знать, что эта мера будет реализована в будущем (с 2020 г., для семей с душевыми доходами до двух прожиточных минимумов). На момент обследования федеральная величина этого пособия очень мала (50 рублей) и, очевидно, не значима для семей.

Наиболее высоко оценили значимость пособия по уходу за ребенком до 3 лет участвовавшие

в микропереписи населения 2015 года жители Севастополя (4,80 у женщин и 4,78 у мужчин), Белгородской области (соответственно, 4,67 и 4,60), республик Мордовии (4,77 и 4,70), Хакасии (4,69 и 4,68), Марий Эл (4,62 и 4,64), Дагестан (4,64 и 4,54), Приморского края (4,63 и 4,60). Столь же высоко оценили значимость этой меры женщины Омской области (4,68).

С другой стороны, наименьшая оценка значимости этой меры у жителей Пензенской (3,46 у женщин и 3,23 у мужчин), Магаданской (соответственно, 3,77 и 3,23) и Костромской (3,79 и 3,78) областей, Ненецкого (3,82 и 2,88) и Ямало-Ненецкого (3,88 и 3,60) автономных округов. Столь же низкая оценка ее значимости у мужчин Камчатского (3,54) и Алтайского (3,75) краев, Липецкой (3,85) и Архангельской (3,86) областей.

Как и по федеральному материнскому (семейному) капиталу, наиболее высокая величина коэффициента корреляции оценки значимости ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет **со среднедушевыми денежными доходами** 2016 года. С оценкой значимости этой меры у женщин коэффициент корреляции составляет -0,366, у мужчин – -0,448 (см. табл. 1).

Немного меньше величина коэффициента корреляции с **величиной дефицита располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах** в расчете на одного человека в 2016 г. – -0,334 у женщин и -0,435 у мужчин. При использовании этого показателя в расчете не на человека, а на домашнее хозяйство коэффициент корреляции существенно меньше – соответственно, -0,222 и -0,299.

Несколько выше он между оценкой значимости этой меры и **душевым фактическим конечным потреблением домашних хозяйств** – -0,275 у женщин и -0,360 у мужчин.

Существенно слабее связь оценки значимости ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет с **долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума** – при оценке этой меры женщинами коэффициент корреляции составляет 0,077, мужчинами – 0,121.

Значимость **предоставления семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома** выше всего, по результатам микропереписи населения 2015 года, оценили жители республик Ингушетии (женщины – 4,68; мужчины – 4,73) и Дагестана (соответственно, 4,54 и 4,50), и Марий Эл (4,51 и 4,60), Калининградской области (4,68 и 4,51), а также женщины Республики Тывы (4,57) и мужчины

республик Алтай (4,54) и Адыгея (4,51) и Севастополя (4,52).

С другой стороны, менее всего значимость этой меры оценили жители Пензенской (женщины – 2,99; мужчины – 3,04) и Ивановской (соответственно, 3,39 и 3,40) областей, а также женщины Орловской области (3,45) и Алтайского края (3,45), мужчины Тамбовской области (3,45).

Взаимосвязь региональных различий в оценке значимости этой меры с **различиями в величине среднедушевых денежных доходов** (коэффициент корреляции с оценкой значимости этой меры женщинами составляет -0,135, мужчинами – -0,194) и фактического душевого конечного потребления домашних хозяйств (соответственно, -0,143 и -0,197 значительно слабее, чем по федеральному материнскому (семейному) капиталу и ежемесячному денежному пособию (предоставлению оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет (см. табл. 1).

Однако, связь региональных различий в величине **дефицита располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах** в 2016 г. (в расчете на домашнее хозяйство) с оценкой женщинами значимости предоставления семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома более существенна, чем с оценкой значимости пособия на ребенка до 3 лет. Более того, если с оценкой значимости двух рассмотренных выше мер связь, как показано выше, обратная, то в данном случае прямая. Коэффициент корреляции составляет 0,303. У мужчин коэффициент корреляции в данном случае меньше, чем у женщин, и меньше, чем по рассмотренным выше мерам (федеральный материнский (семейный) капитал и пособие до 3 лет ребенка). Но в отличие от этих мер, как и у женщин, связь между оценкой значимости предоставления семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома и величиной дефицита располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах в расчете на домашнее хозяйство прямая (коэффициент корреляции -0,230).

Отметим, что связь оценки значимости этой меры с величиной дефицита располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах в 2016 г. в расчете не на домашнее хозяйство, а на одного члена домашнего хозяйства значительно слабее (коэффициент корреляции составляет 0,117 у женщин и 0,032 у мужчин).

Еще выше коэффициент корреляции, отражающий связь **доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума** в 2016 г. с оценкой значимости предоставления семьям с тремя и более детьми земельных участков под

строительство жилого дома (у женщин – 0,389; у мужчин – 0,395). Это представляется весьма логичным, учитывая, что данная мера адресована семьям с тремя и более детьми, среди которых выше доля имеющих доходы ниже прожиточного минимума. Коэффициент корреляции между долей домохозяйств с тремя и более детьми (по данным микропереписи населения 2015 года) и долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. составляет 0,496. Почти столь же существенна связь непосредственно доли домохозяйств с тремя и более детьми с оценкой значимости этой меры (0,451 у женщин и 0,445 у мужчин).

Выше отмечалось, что оценки значимости различных мер помощи семьям с детьми у мужчин в большей степени коррелируют с характеристиками уровня жизни, чем эти оценки у женщин. Особенно существенно эти различия проявились в отношении **регионального материнского (семейного) капитала**.

Наиболее высоко оценили значимость этой меры жители Республики Хакасии (женщины – 4,76; мужчины – 4,78), г. Севастополя (соответственно, 4,83 и 4,82), а также женщины Белгородской (4,74) и Омской (4,74) областей. Наименьшая оценка значимости этой меры, по результатам микропереписи населения 2015 года, в Пензенской области (3,77 и 3,68), а также у женщин Республики Ингушетии (3,77) и мужчин Магаданской (3,73) и Тамбовской (3,78) областей, Камчатского края (3,61) и Ненецкого автономного округа (3,64).

У мужчин региональные различия в оценке значимости этой меры существенно связаны с **различиями в дефиците располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах** (в расчете на одного члена домохозяйства) в 2016 г. Коэффициент корреляции составляет -0,420 (см. табл. 1). Т.е. имеет место обратная связь: при большем дефиците располагаемых ресурсов более низкая оценка значимости этой меры.

У женщин эта связь проявилась в значительно меньшей степени (коэффициент корреляции – -0,180).

Немногим выше коэффициент корреляции у женщин в том случае, если используется показатель дефицита располагаемых ресурсов в расчете на домохозяйство, а не на члена домохозяйства (-0,192). У мужчин при такой смене показателя коэффициент корреляции становится существенно меньше (-0,344), но, все равно, остается более высоким, чем у женщин.

Столь же существенны гендерные различия в степени тесноты связи оценки значимости ре-

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между оценкой значимости мер помощи семьям с детьми и индикаторами уровня жизни

Table 1

Correlation Coefficients between the Assessment of the Importance of Measures of Assistance to Families with Children and Indicators of Living Standards

Если Вы хотели бы иметь детей больше, чем собирается, то в какой степени рождению желаемого числа детей могли бы способствовать следующие условия? (вопрос из опросного листа микропереписи населения 2015 года *)	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств в 2015 г. (руб.; на душу населения)		Среднедушевые денежные доходы в 2016 г. (руб.; в месяц)		Дефицит располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах в 2016 г. (рублей в месяц; на одно домашнее хозяйство)		Дефицит располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах в 2016 г. (рублей в месяц; на одного члена домашнего хозяйства)		Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. (%)	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Возможность получения ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет	-0,275	-0,360	-0,366	-0,448	-0,222	-0,299	-0,334	-0,435	0,077	0,121
Возможность получения федерального материнского (семейного) капитала	-0,386	-0,458	-0,499	-0,557	-0,330	-0,358	-0,428	-0,506	0,148	0,216
Возможность получения материнского (семейного) капитала, установленного в соответствующем регионе	-0,036	-0,269	-0,102	-0,350	-0,192	-0,344	-0,180	-0,420	-0,168	-0,034
Возможность получения ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка, установленного в соответствующем регионе	-0,096	-0,143	-0,125	-0,144	0,147	0,082	0,037	-0,047	0,196	0,191
Возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях	-0,056	-0,089	-0,081	-0,106	0,014	-0,031	-0,006	-0,044	0,109	0,088
Налоговые льготы работающим родителям	-0,117	-0,092	-0,210	-0,109	-0,203	-0,122	-0,204	-0,111	0,112	0,059
Предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома	-0,143	-0,197	-0,135	-0,194	0,303	0,230	0,117	0,032	0,389	0,395
Возможность иметь гибкий график работы (или неполный рабочий день/неделю или дистанционно, на дому)	-0,061	-0,087	-0,135	-0,081	-0,154	-0,020	-0,163	-0,062	0,063	0,114
Возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет	0,053	0,032	0,017	0,033	0,108	0,154	0,086	0,119	0,155	0,136
Изменение личных обстоятельств	-0,019	-0,132	-0,092	-0,220	-0,032	-0,042	-0,089	-0,118	0,126	0,228
Повышение уровня жизни семьи	-0,070	-0,179	-0,115	-0,240	-0,052	-0,101	-0,044	-0,132	0,044	0,137
Возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы	-0,110	-0,180	-0,151	-0,251	-0,075	-0,194	-0,110	-0,264	0,058	0,047

* условия перечислены в том же порядке, как в опросном листе микропереписи населения 2015 года

гионального материнского (семейного) капитала со **среднедушевыми денежными доходами** в 2016 г. (коэффициент корреляции составляет -0,350 у мужчин и -0,102 у женщин) и фактическим конечным потреблением домашних хозяйств в 2015 г. (коэффициент корреляции – соответственно, -0,269 и -0,036).

Связь с уровнем жизни оценки значимости других мер помощи семьям с детьми, которые упоминались в опросном листе микропереписи населения 2015 года, существенно слабее. Ни с одним из использовавшихся в исследовании индикаторов уровня жизни, ни у женщин, но и у мужчин коэффициент корреляции не превышает 0,26.

По результатам различных социологических исследований одним из важнейших факторов, влияющих на репродуктивное поведение, являются жилищные условия. Те или иные меры содействия семьям в улучшении жилищных условий оцениваются населением как потенциально одни из наиболее значимых с точки зрения возможного влияния на рождение большего числа детей [1, 16].

Среди условий, которые могли бы способствовать рождению желаемого числа детей, в опросном листе микропереписи населения 2015 года была представлена одна мера помощи семьям с детьми, относящаяся к жилищным условиям – **возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья** площадью в размере социальной нормы. Эта мера пока не существует и не планируется, поэтому речь, по сути дела, идет о том, могла бы эта мера способствовать рождению желаемого числа детей, если бы существовала.

Выше отмечалось, что, в целом по России, по ответам женщин эта мера заняла по значимости второе место (после федерального материнского (семейного) капитала), а по ответам мужчин – первое.

Респонденты высоко оценили «возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы». Наиболее высоко оценили значимость этой меры респонденты из республик Ингушетии (женщины – 4,79, мужчины – 4,71), Калмыкии (соответственно, 4,75 и 4,76), Карачаево-Черкесской (4,72 и 4,76), Мордовии (4,74 и 4,75) и Чувашской (4,73 и 4,70), Томской области (4,71 и 4,70) и Севастополя (по 4,81 женщины и мужчины), а также женщины республик Дагестана (4,70), Марий Эл (4,71) и Саха (Якутия) (4,72), Калининградской (4,70) и Омской (4,70) областей и мужчины Астраханской (4,74) и Сахалинской (4,70) областей. С

другой стороны, менее чем на 4 балла, в среднем, оценили ее значимость респонденты Пензенской области (женщины – 3,55, мужчины – 3,48) и Ямало-Ненецкого автономного округа (соответственно, 3,99 и 3,88), мужчины Камчатского края (3,90) и Ненецкого автономного округа (3,80).

Наиболее существенна связь оценки значимости этой меры со **среднедушевыми денежными доходами** в 2016 г. У женщин коэффициент корреляции составляет -0,151, у мужчин – -0,251. Т.е. в регионах с более низкими доходами населения значимость возможности при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы, при микропереписи населения 2015 года, была оценена несколько выше. У мужчин даже несколько выше коэффициент корреляции между оценкой значимости этой меры и дефицитом располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах в расчете на одного человека в 2016 г. (-0,264), но у женщин он ниже (-0,110).

Наименьшая степень связи оценки значимости этой меры с **долей населения, имевшего доходы ниже величины прожиточного минимума** в 2016 г. – коэффициент корреляции составляет 0,058 у женщин и 0,047 у мужчин.

То же, как отмечалось выше, имеет место с оценкой значимости возможности получения федерального материнского (семейного) капитала и возможностью получения ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет. Иная ситуация с оценкой значимости предоставления семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома. Здесь, наоборот, самый высокий коэффициент корреляции с долей населения с **доходами ниже величины прожиточного минимума** в 2016 г.

Наибольший коэффициент корреляции с этим индикатором уровня жизни и по оценке значимости возможности получения ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка, установленного в соответствующем регионе – 0,196 у женщин и 0,191 у мужчин (для сравнения, коэффициент корреляции со среднедушевыми денежными доходами составляет, соответственно, -0,125 и -0,144). Отметим, что, как и в отношении земельных участков, данная мера ориентирована на имеющих троих детей, а, как отмечалось выше, имеет место существенная связь между долей домохозяйств с тремя и более детьми и долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума.

Коэффициент корреляции между долей домохозяйств с тремя и более детьми (по данным микропереписи населения 2015 года) и оценкой значимости возможности получения ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка, установленного в соответствующем регионе, составляет 0,199 у женщин и 0,229 у мужчин.

Выше, по сравнению с другими регионами, оценили значимость этой меры респонденты из республик Марий Эл (женщины – 4,54; мужчины – 4,62) и Мордовии (по 4,53 женщины и мужчины), Приморского края (соответственно, 4,53 и 4,54), а также женщины из Республики Дагестан (4,52) и Калининградской области (4,57), мужчины из Севастополя (4,51). Наименьшая оценка значимости возможности получения ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка, установленного в соответствующем регионе, у участвовавших в микропереписи населения 2015 года жителей Алтайского края (женщины – 3,63; мужчины – 3,65), Ивановской (соответственно, 3,55 и 3,52), Липецкой (3,63 и 3,51) и Пензенской (3,14 и 3,00) областей, а также мужчин Камчатского края (3,58) и Магаданской области (3,64).

В отношении мер, по которым в качестве критерия их предоставления указывается наличие трех и более детей, более высокий, чем с другими индикаторами уровня жизни в регионах, коэффициент корреляции оценки их значимости с долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, логичен и объясним. А в отношении возможности профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет он, возможно, несколько неожиданен. Коэффициент корреляции между долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. и оценкой значимости этой меры составил 0,155 у женщин и 0,136 у мужчин. Это невысокая степень корреляции, но она выше, чем по другим использовавшимся в данном исследовании индикаторам уровня жизни. Близкое значение показателя у такого индикатора как дефицит располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах в 2016 г. (0,108 у женщин и 0,154 у мужчин).

Выше всего, по данным микропереписи населения 2015 года, оценили значимость возможности профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет женщины в Приморском крае (4,20), Калининградской (4,32) и Сахалинской (4,28) обла-

стях, Севастополе (4,20). Наименьшие, в среднем, оценки значимости этой меры у жительниц Орловской (2,77) и Пензенской (2,74) областей.

Если в отношении ряда мер отмечалась более высокая корреляция оценки их значимости мужчинами (по сравнению с женщинами) с различными индикаторами уровня жизни, то в отношении налоговых льгот работающим родителям, наоборот, у женщин выше степень корреляции оценки значимости этой меры с показателями уровня жизни. Оценка значимости этой меры, практически, в равной мере коррелирует со среднедушевыми денежными доходами в 2016 г. (-0,210 у женщин и -0,109 у мужчин), дефицитом располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах в 2016 г. в расчете на одно домашнее хозяйство (-0,203 у женщин и -0,122 у мужчин) и на одного члена домохозяйства (соответственно, -0,204 и -0,111).

Наиболее высоко оценили значимость налоговых льгот работающим родителям жители республик Коми (женщины – 4,43; мужчины – 4,40) и Марий Эл (по 4,46 у женщин и мужчин), Калининградской (женщины – 4,61; мужчины – 4,39) и Сахалинской (соответственно, 4,42 и 4,39) областей, Севастополя (4,52 и 4,59), а также мужчины республик Адыгея (4,42) и Ингушетия (4,48), Приморского края (4,50). С другой стороны, менее чем на 3,5 балла, в среднем, оценили значимость этой меры жители Пензенской области (женщины – 2,91; мужчины – 2,97) и женщины Ненецкого автономного округа (3,43).

Наряду с мерами помощи семьям с детьми, в опросном листе микропереписи населения 2015 года предлагалось оценить, **в какой степени рождению желаемого числа детей могло бы способствовать повышение уровня жизни семьи.**

Наиболее высокая оценка значимости этого условия для рождения желаемого числа детей, по результатам микропереписи населения 2015 года, у жителей республик Ингушетия (женщины – 4,83; мужчины – 4,85) и Мордовии (по 4,70 у женщин и мужчин), Хабаровского края (женщины – 4,70; мужчины – 4,74), Севастополя (соответственно, 4,83 и 4,80), у женщин Ивановской (4,70), Калининградской (4,70), Магаданской (4,74), Омской (4,74) и Сахалинской (4,71) областей.

Можно было бы предположить, что региональные различия в оценке значимости этого фактора существенно связаны с региональной дифференциацией уровня жизни населения. Однако коэффициент корреляции в данном случае оказался ниже, чем с большинством рассмотренных выше мер помощи семьям с детьми. Наибольшая величина коэффициента корреляции со среднеду-

шевыми денежными доходами в 2016 г. – -0,115 у женщин и -0,240 у мужчин. Коэффициент корреляции с долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. (соответственно, 0,044 и 0,137) даже ниже, чем при оценке значимости изменения личных обстоятельств (0,126 и 0,228), которые, казалось бы, в меньшей мере ассоциируются с уровнем жизни (см. табл. 1).

В целом, следует отметить, что региональные различия в оценке значимости большинства мер помощи семьям с детьми, по результатам микропереписи населения 2015 года, сравнительно слабо связаны с региональной дифференциацией уровня жизни населения. Коэффициент корреляции превышает 0,5 только при связи оценки мужчинами значимости возможности получения федерального материнского (семейного) капитала со среднедушевыми денежными доходами (-0,557) и дефицитом располагаемых ресурсов в малоимущих домашних хозяйствах (на одного члена домохозяйства (-0,506). У женщин в этих случаях также имеют место наивысшие коэффициенты корреляции (соответственно, -0,499 и -0,428).

Заключение

Микроперепись населения России 2015 года – одно из наиболее крупных, репрезентативных обследований, содержащих информацию об оценке значимости мер помощи семьям с детьми и позволяющих осуществлять межрегиональные сравнения.

Как показало исследование, основанное на данных микропереписи, значимость мер помощи семьям с детьми различается в зависимости от уровня жизни. Эти различия рассмотрены как на уровне семей с разным доходом и разной оценкой уровня жизни, так и при межрегиональных сравнениях.

Наиболее значимым, по ответам женщин, в целом по России, оказался федеральный материнский (семейный) капитал. На втором месте по значимости – возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы.

Похожая ситуация и по ответам мужчин. Наиболее значимой из предложенных в опросном листе мер, по их мнению, является получение беспроцентной ссуды на покупку жилья площадью в размере социальной нормы при рождении второго или последующего ребенка. Немного ниже и в равной мере они оценили значимость федерального материнского (семейного) капитала и повышения уровня жизни семьи.

Женщины немного выше, в среднем, по сравнению с мужчинами, оценили значимость почти

всех мер (кроме предоставления семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома).

Оценки значимости мер помощи семьям с детьми различаются между субъектами Российской Федерации. Оценка значимости федерального материнского (семейного) капитала выше в тех субъектах России, где ниже показатели уровня жизни и, прежде всего, среднедушевые доходы. Зависимость региональных различий в оценке значимости этой меры от различий в уровне жизни наиболее существенна по сравнению с другими мерами.

Несколько меньше зависимость от различий в уровне жизни оценки значимости ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет. На момент обследования эта мера была гипотетической, хотя предполагалась, что она будет оценена как значимая. Но после обследования прошло уже 4 года, появились и новые меры.

Так, в 2018 г. были введены пособия на первенцев, родившихся с 1 января 2018 г. до достижения ими возраста 1,5 лет в размере прожиточного минимума детей (для семей с низкими доходами – до 1,5 прожиточных минимумов). Было разрешено использовать средства материнского (семейного) капитала на аналогичные ежемесячные выплаты на второго ребенка.

В Послании Президента в феврале 2019 г. было предложено, чтобы с 2020 г. такие выплаты были продлены до трех лет, а право на них получили семьи, где доходы не превышают 2-х прожиточных минимумов на члена семьи [11].

«Это позволит практически в полтора раза увеличить число семей, которые получают право на дополнительные выплаты. Помощью государства смогут воспользоваться порядка 70 процентов семей, где рождаются первые и вторые дети» [11].

Будет снижена налоговая нагрузка на семью по принципу «больше детей – меньше налог». Активизируется действие программы льготной ипотеки. До конца 2021 года планируется полностью решить проблему с яслями, создать в них не менее 270 тысяч новых мест, причем 90 тысяч мест должно быть создано уже в 2019 году [11].

Новые пособия и другие финансовые меры поддержки семей при рождении детей нацелены, прежде всего, на стимулирование рождаемости, чтобы «добиться возобновления естественного прироста населения на рубеже 2023 - 2024 годов» [11].

Но как это скажется на решении другой национальной цели развития – снижения вдвое уровня бедности в стране?

Предложенный в последние годы пакет мер по поддержке семьи, как отмечено в Послании-2019, не должен быть исчерпывающим, он именно первоочередной. Планируется и дальше наращивать ресурсы, предлагать решения, снижающие бедность семей с детьми, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Но насколько эти решения будут обоснованы, будут ли они в полной мере учитывать региональные особенности демографической ситуации и бедности семей с детьми?

Можно согласиться с Н.В. Зубаревич, что региональная дифференциация бедности в России сильно отличается и по масштабам, и по профилю. Как и с тем, что длительный спад доходов населения за 2014–2018 гг., обусловленный экономическим кризисом, вновь усиливает необходимость исследования региональных особенностей бедности [8].

Такого рода исследования начали появляться, но их пока крайне мало. Так, Гришина Е.Е. и Цацура Е.А. по результатам опроса в Алтайском крае и Самарской области семей с детьми, получающих социальную поддержку, оценили вклад региональных мер в благосостояние семей с детьми.

Благодарность

Статья подготовлена на основе исследования, выполненного при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-010-01196 «Комплексное исследование факторов бедности семей с детьми и оценка вклада экономических мер семейно-демографической политики в ее снижение».

Авторы отметили низкий охват бедных семей, низкую степень адресности, слабое влияние на снижение бедности и представили рекомендации по повышению эффективности поддержки семей с детьми [2]. Социологический анализ результативности региональных программ помощи семьям с детьми представлен в работе Шелухановой Л.В. При этом акцент сделан на анализе их демографической результативности [14].

По нашему мнению, необходим квалифицированный мониторинг ситуации и с рождаемостью, и с бедностью семей с детьми, в том числе и на региональном уровне, чтобы видеть, в какой степени новые меры позволяют продвигаться в достижении этих важных целей.

Нужны дополнительные выборочные исследования, которые ответят на вопросы: как уже принятые меры снижают бедность семей с детьми, что мешает реализовать действующие меры с большей результативностью, в каких видах поддержки нуждаются семьи с разным числом детей. Ответы на эти вопросы важны для оценки результативности действующих мер, для разработки предложений по расширению мер поддержки семей.

Список литературы

1. Барбасов А.А. Жилищные условия и демографическое поведение россиян // Государственное управление. Электронный вестник. Июнь, 2008, №15. - [Электронный ресурс]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_15._ijun_2008_g./barbasov.pdf
2. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Вклад региональной социальной поддержки семей с детьми в благосостояние семей, получающих помощь // Социальная политика и социальное партнерство, 2017, № 7, с.13-19.
3. Дефицит денежных доходов малоимущих домохозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет. - Семейная политика детствосбережения. Табл. 1.4. - Росстат. Население. Семья, материнство и детство. - [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13807>
4. Доклад Росстата «Об основных итогах федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микрореперис населения) 2015 года». М., 2016. - [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/doklad.pdf
5. Доля детей в возрасте до 16 (18) лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. - Семейная политика детствосбережения. Табл. 1.2. - Росстат. Население. Семья, материнство и детство. - [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13807>

References

1. Barbasov A.A. Zhilishchnyye usloviya i demograficheskoye povedeniye rossiyan // Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. Iyun', 2008, №15. [Elektronnyy resurs]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_15._ijun_2008_g./barbasov.pdf
2. Grishina Ye.Ye., Tsatsura Ye.A. Vklad regional'noy sotsial'noy podderzhki semey s det'mi v blagosostoyaniye semey, poluchayushchikh pomoshch' // Sotsial'naya politika i sotsial'noye partnerstvo, 2017, № 7, pp.13-19.
3. Defitsit denezhnykh dokhodov maloimushchikh domokhozyaystv s det'mi v vozraste do 16 (18) let. - Semeynaya politika detstvoberezhniya. Tabl. 1.4. - Rosstat. Naseleniye. Sem'ya, materinstvo i detstvo. - [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13807>
4. Doklad Rosstata «Ob osnovnykh itogakh federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Sotsial'no-demograficheskoye obsledovaniye (mikroperepis' naseleniya) 2015 goda». M., 2016. - [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/doklad.pdf
5. Dolya detey v vozraste do 16 (18) let, prozhivayushchikh v domashnikh khozyaystvakh so srednedushevymi denezhnymi dokhodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma. - Semeynaya politika detstvoberezhniya. Tabl. 1.2. - Rosstat. Naseleniye. Sem'ya, materinstvo i detstvo. - [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13807>

6. Доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16(18) лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств. - Семейная политика детствосбережения. Табл. 1.3. - Росстат. Население. Семья, материнство и детство. - [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13807>
7. Исупова О.Г. Отношение к мерам стимулирования рождаемости по данным микропереписи 2015 г. Демографическое обозрение, 2018, №5 (3). С.25-56. - [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8134>
8. Зубаревич Н.В. Бедность в российских регионах в 2000-2017 гг.: факторы и динамика // Население и экономика, 2019, № 3(1). С. 63-74. - [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376>
9. Короленко А.В., Калачикова О.Н. О некоторых итогах микропереписи населения 2015 года // Социальное пространство, 2017, №2. С. 1-18. - [Электронный ресурс]. URL: <http://sa.isert-ran.ru/article/2254/full>
10. Образцы форм опросных листов микропереписи населения 2015 года. (Приложение 1). - [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/Method-MPN-2015-Pril-1.pdf
11. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 20.02.2019 г. - [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/
12. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда, 13 февраля 2012 г. - [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/3759/2807793/>
13. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апр. 2019 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. - [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/263487413>
14. Шелуханова Л.В. Социологический анализ демографической результативности федеральных и региональных программ помощи семьям с детьми (2012-2017 гг.) // Семья в современном обществе, сер. «Демография. Социология. Экономика», под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. 2018. С. 202-207
15. Шишкина М.А. Оценка доступности жилья как фактора детерминации рождаемости / М. А. Шишкина // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Том II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 249-254 -[Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55718/1/8u_df2_049.pdf
16. Денисов А.Ю. Жилищные условия как фактор рождаемости городского населения Республики Беларусь // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. Мінск, 2018, №3. С. 80-86 - [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/40747/1/220183080.pdf>
17. Child poverty in Europe and Central Asia region: definitions, measurement, trends and recommendations, UNICEF, Geneva, December 2017. - [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unicef.org/eca/sites/unicef.org/eca/files/2018-05/Child%20Poverty%20in%20in%20ECAR.pdf>
6. Dolya maloimushchikh domashnikh khozyaystv s det'mi v vozraste do 16(18) let v obshchey chislennosti maloimushchikh domashnikh khozyaystv. - Semeynaya politika detstvosberezheniya. Tabl. 1.3. - Rosstat. Naseleniye. Sem'ya, materinstvo i detstvo. - [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13807>
7. Isupova O.G. Otnosheniye k meram stimulirovaniya rozhdayemosti po dannym mikroperepisi 2015 g. Demograficheskoye obozreniye, 2018, №5 (3), 25-56. - [Elektronnyy resurs]. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8134>
8. Zubarevich N.V. Bednost' v rossiyskikh regionakh v 2000-2017 gg.: faktory i dinamika // Naseleniye i ekonomika, 2019, № 3(1). pp. 63-74. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376>
9. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. O nekotorykh itogakh mikroperepisi naseleniya 2015 goda // Sotsial'noye prostranstvo, 2017, №2, pp.1-18. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://sa.isert-ran.ru/article/2254/full>
10. Obraztsy form oprosnykh listov mikroperepisi naseleniya 2015 goda.(Prilozheniye 1).- [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/Method-MPN-2015-Pril-1.pdf
11. Poslaniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii ot 20.02.2019 g. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/
12. Putin V.V. Stroitel'stvo spravedlivosti. Sotsial'naya politika dlya Rossii // Komsomol'skaya pravda, 13 fevralya 2012 g. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.kp.ru/daily/3759/2807793/>
13. Sem'i s det'mi v Rossii: uroven' zhizni i politika sotsial'noy podderzhki: dokl. k XX Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 9-12 apr. 2019 g. / pod red. L. N. Ovcharovoy. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019.- [Elektronnyy resurs]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/263487413>
14. Shelukhanova L. V. Sotsiologicheskii analiz demograficheskoy rezul'tativnosti federal'nykh i regional'nykh programm pomoshchi sem'yam s det'mi (2012-2017 g.g.) // Sem'ya v sovremennom obshchestve, ser. «Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika», pod red. Ryazantseva S.V., Rostovskoy T.K. 2018. pp. 202-207
15. Shishkina M.A. Otsenka dostupnosti zhil'ya kak faktora determinatsii rozhdayemosti / M. A. Shishkina // Demograficheskii potentsial stran YEAES: VIII Ural'skiy demograficheskii forum. Tom II. — Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2017. — pp. 249-254 - [Elektronnyy resurs]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55718/1/8u_df2_049.pdf
16. Denisov A.YU. Zhilishchnyye usloviya kak faktor rozhdayemosti gorodskogo naseleniya Respubliki Belarus' // Vesci BDPY. Seriya 2. Gistorya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyaliogiya. Ekanomika. Kulturyalogiya. Minsk, 2018, №3, pp.80-86 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/40747/1/220183080.pdf>
17. Child poverty in Europe and Central Asia region: definitions, measurement, trends and recommendations, UNICEF, Geneva, December 2017. - [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.unicef.org/eca/sites/unicef.org/eca/files/2018-05/Child%20Poverty%20in%20in%20ECAR.pdf>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Качество образования как ключевой показатель уровня жизни населения (на примере статистического анализа системы образования Канады)

The Quality of Education at a Key Factor of the Population's Living Standards (Exemplified by the Statistical Analysis of the Canadian Education System)

Получено 30.10.2019

Одобрено 21.11.2019

Опубликовано 09.11.2019

УДК: 311.3

DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10085

РАДЧЕНКО ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ

профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Московский государственный лингвистический университет
Email: radoleg@gmail.com

RADCHENKO, OLEG ANATOL'YEVITCH

Professor at the General and Comparative Linguistics Chair, Doctor of Philological Sciences, Professor; Moskva State Linguistic University, Honoured Higher School Worker of the Rossiyskaya Federatsiya
Email: radoleg@gmail.com

Аннотация

Объект исследования. Система образования Канады

Предмет исследования. Условия и факторы получения послешкольного образования в Канаде, его влияние на индивидуальные траектории обучающихся (students' pathways), их академическую успешность и образовательные достижения (educational attainment) как основу для достижения желаемого качества жизни

Цель исследования: проанализировать данные лонгитюдных экспериментов, осуществляемых канадскими исследователями с целью выявления зависимости уровня жизни от образовательной траектории выпускников различных типов школ, а также данных, размещенных на Лонгитюдной платформе образования и рынка труда и официальном сайте Канадского национального статистического агентства, отражающих социально-экономическое положение различных групп молодежи, их успешность в образовательной и профессиональной среде.

Основные теоретические и эмпирические положения статьи: Статья посвящена анализу статистических данных, полученных в результате лонгитюдных экспериментов группами канадских исследователей состояния канадской системы образования, с особым вниманием к проблемам молодежи, её послешкольной образовательной траектории, условиям и факторам успешности выпускника канадской школы, влиянию обучения в частной школе на дальнейшие академические достижения и профессиональные успехи канадской молодежи в сравнении с ситуацией в государственных школах; роли уровня образования родителей учащихся как определяющего фактора последующей профессиональной успешности молодого поколения Канады; рассматриваются финансовые условия получения высшего образования в Канаде и существующая в настоящее время зависимость уровня жизни молодого профессионала от конкретной образовательной области в специфических социально-экономических условиях Канады.

Ключевые слова: система образования Канады; лонгитюдные исследования; статистические данные; индивидуальные образовательные траектории; образовательные достижения; уровень жизни молодежи.

Abstract

The Object of the Study. Canadian system of education

The Subject of the Study. Conditions and factors of post-secondary education in Canada, its impact on the individual students' educational and professional pathways, their academic success and educational attainment as a basis for achieving the desired quality of life

The Purpose of the Study is analyzing longitudinal experiments data carried out by Canadian researchers to identify the interrelation of the living standard and educational trajectories developed by graduates of different school types, as well as the data placed on the Longitudinal platform of education and labour market and the official website of the Canadian national statistical agency reflecting the socioeconomic situation of different groups of young people in Canada, their success in the given educational and professional environment.

The Basic Theoretical and Empirical Aspects of the Article:

The article offers an analysis of a number of statistical longitudinal observations carried out by Canadian researchers on the situation of the country's educational system, the impact of education in private schools on the Canadian youth's further academic achievements and professional success in comparison with the situation in public schools, in particular; on the role of the educational level of students' parents as a factor determining a subsequent professional success of the young Canadian generation; the actual financial conditions of the Canadian higher education, and the current dependence of a young professional's living standards on a specific educational area.

Keywords: Canadian education system; longitudinal studies; statistical data; individual students' pathways; educational outcome; youth's living standards.

Введение

Опыт реализации образовательной политики в Канаде (Canada) и влияние этой политики на уровень и качество жизни граждан представля-

ют значительный интерес. Это государство Северной Америки имеет огромную территорию. Канада – вторая по площади страна на нашей планете (после России). При численности населе-

ния около 37 млн. человек, плотность населения – всего 4 человека на 1 кв. км (вдвое меньше, чем в России). Более половины населения проживают вдоль южной границы, 62% жителей страны сосредоточены в двух из десяти провинций – Онтарио (Ontario) и Квебеке (Quebec) [13, с. 136, 146; 5, с. 34-35]. Грамотность в Канаде, как и в России, составляет 99%. Страна богата природными ресурсами (главное богатство – леса; полезные ископаемые, гидроэнергия, рыбные ресурсы). Развита промышленность и сельскохозяйственное производство (16% мировых урожаев пшеницы) [1, с. 1-10]. Канада входит в «Большую Семёрку» развитых индустриальных стран Запада. С 1990 г. ООН ежегодно публикует отчёт своего агентства ICA (International Consulting Agency) об исследованиях качества жизни населения в регионах мира. В классификации государств по качеству жизни в 2018 г. Канада вошла в группу с очень высоким уровнем развития, заняв в ней 12 место. При характеристике богатства страны важен учёт как природного, так и человеческого капитала. При соотношении этих оценок с численностью населения Канада занимает третье место в мире (после Японии и США). [7, с. 285]. По оценке шведской IT компании Easy Park, столица Канады Оттава заняла в 2017 г. 17 место в мире в рейтинге 500 «умных городов» планеты XXI века, к которым причисляют самые технологически развитые города мира (Москва – на 77 месте) [6, с. 213]. Структура занятости населения Канады: промышленное производство – 23%, сфера услуг – 74%, сельскохозяйственное производство – 3% [4, с. 112]. Богатую разнообразными природными ресурсами Канаду в мире называют страной кленового листа (The Land of Maple Leaf), страной четырёх стихий (The Land of Four Elements), Снежной леди (Lady of the Snows) [9, с. 235].

В национальном составе населения Канады преобладают англо-канадцы (English Canadians) (44%), за ними следуют франко-канадцы (French Canadians), а коренное население – так называемые «первые нации» (First Nations) – составляет всего 2% населения [2, с. 312, 672, 817; 26, с. 76]. Первыми на территории Канады обосновались выходцы из Азии 40000 лет назад, из Сибири – 15000 лет назад. Вторая волна миграции пришла из Азии около 10000 лет назад: сюда прибыли носители индейских языков на-дене (Na-Dene), а последними – предки алеутов (Aleuts) и эскимосов (Eskimos). В 1867 г. Канада первой из британских колоний становится доминионом. Сегодня Канада – независимая парламентская республика в составе Британского содружества наций [3, с. 44; 12, с. 47, 671, 1301]. Официальные языки – канад-

ский национальный вариант английского языка (Canadian English) и канадский французский (Canadian French), 60% населения страны говорит на английском, 24% – на французском языках [5, с. 29]. Распространены также китайский, итальянский, немецкий, украинский, португальский, инуитский (Inuktitut) и кри (Cree). В Канаде большая польская и украинская общины, русскоязычное население проживает главным образом в провинциях Онтарио, Альберта и Британская Колумбия. В стране сложились две школьные системы просвещения – английская и французская [8, с. 304–305]. В провинции Квебек преобладает французский язык. Здесь сильны сепаратистские настроения [22, с. 69].

Современная система образования в Канаде

Прогресс страны в целом в значительной мере определяется уровнем образованности её населения, профессиональными компетенциями и интересами граждан, что предъявляет к системе образования в целом требования устойчивого развития [11, с. 1–22], что, объясняет неослабевающий интерес к современной системе образования в индустриально развитой Канаде (см. подробнее [16, с. 1–191]). Развитие и функционирование этой системы образования находятся под постоянным мониторингом Канадского национального статистического агентства (Statistics Canada – официальный сайт <https://www.statcan.gc.ca>). Однако, исследуя современное состояние канадской системы образования, это агентство, конечно же, не упускает из виду социальную составляющую этой статистики: она призвана «измерить температуру» канадского общества в целом, определить социальные риски и вызовы и, самое главное, представить законодателям основания для корректировок и значимых стратегических решений.

Примером такой социально-значимой статистики может послужить изучение ситуации в молодёжной среде страны. Так, по состоянию на сентябрь 2018 г., около 779 000 канадцев в возрасте от 15 до 29 лет не были трудоустроены, не продолжали своё образование в средних профессиональных или высших учебных заведениях (к ним в этой связи применяется термин NEET – Not in Employment, Education or Training), что составило 11,3% от общего числа всей данной группы населения. Из общего количества женщин в возрасте от 25 до 29 лет в этой же категории оказались 16,4%, а 4 из 10 женщин этой группы указали, что за последние 12 месяцев они занимались только воспитанием ребёнка. Более 10% лиц группы

NEET называли в качестве причин, определяющих невозможность продолжения образования или начала трудовой деятельности, серьёзные проблемы с физическим или психическим здоровьем.

Примечательно, что с сентября 2017 г. по август 2018 г. 26,5% опрошенных посещали школу, 26,1% были трудоустроены, 14,4% занимались воспитанием ребёнка, 11,5% имели проблемы со здоровьем, 8,2% находились в поиске оплачиваемой работы. На 13,3% респондентов приходятся другие виды деятельности, не указанные конкретно [28]. Всё это свидетельствует о том, что у образовательных и трудовых «отказников» не было предпосылок для формирования устойчивого нежелания развиваться и образовываться.

Тем не менее, характеристика группы NEET не выглядит одномерной, ведь в то же время, 30% членов этой особой, хотя и разнородной, социальной группы занимались волонтерской деятельностью (15,2% всей группы). Половина респондентов оказывала бесплатную помощь другим людям, а 1% членов группы занимался оказанием такой помощи в качестве основного вида своих занятий. Отмечая, что волонтерство в канадской социальной жизни занимает особое место и крайне положительно расценивается всеми слоями населения, стоит, тем не менее, выделить этот факт как нетривиальный, релевантный для оценки той жизненной ситуации, в которой оказалась немалая часть канадской молодёжи (с учётом общего количества населения страны, ныне примерно 35 млн. чел.).

В то же время, у группы NEET были, а у канадского молодого поколения в целом и есть все возможности для получения качественного школьного образования. В 2016/2017 учебном году общее количество канадских школьников во всех типах и видах школ составляло 5 553 522 чел. (из них подавляющее большинство, 5 117 328 чел., обучалось в государственных школах). Эта цифра в обоих случаях примерно на 1% превышала показатели 2015/2016 учебного года. В то же время, на 2% повысилось число обучающихся в частных школах (401 784 чел.) и более чем на 10% – количество обучающихся на дому (students in home-schooling), превысив 34 000 обучающихся [15].

Государственная и частная школа

Выбор между государственной и частной школами – это ещё один пример интереса канадских статистиков к, казалось бы, приватной, домашней ситуации, оказывающей, однако, весьма существенное влияние на будущий уровень жизни нынешнего школьника.

Показательным фактом, весьма заинтересовавшим исследователей М. Френетта и П.Ч.У. Чаня [17], стала в этой связи очевидная большая успешность выпускников частных школ Канады в дальнейшей образовательной и профессиональной жизни, по сравнению с выпускниками государственных школ. При этом лишь 6% учащихся в возрасте 15 лет посещают такие школы, требующие от родителей оплаты за обучение. Ключевой же вопрос исследования Френетта и Чаня – в какой степени более заметные успехи учащихся частных школ определяются социально-экономическими условиями жизни этих учащихся? Или же эти успехи следует объяснить отличиями в школьных ресурсах и применяемых методах обучения?

В качестве респондентов этого лонгитюдного исследования выступили 7142 школьника в возрасте 15 лет – учащиеся 10 классов частных и государственных школ, судьба которых затем была прослежена до достижения ими 23 лет. Во внимание принимались, среди прочего, академические успехи (academic outcomes), результаты тестирования и др. Было установлено, что учащиеся частных школ демонстрируют более высокие результаты тестирования знаний и более высокую степень образовательных достижений (educational attainment) к 23 годам. Правда, следует отметить, что канадские школьники и в целом демонстрируют более высокий уровень компетенций в чтении, математике и естественных науках среди школьников стран Организации экономического сотрудничества и развития (OECD). Однако исследователи выявили существенные различия в уровне сформированности компетенций между учащимися частных и государственных школ: первая группа при выполнении трёх тестов (чтение, математика, естественные науки) показала на 8-9% более высокие результаты, чем вторая. Кроме того, к возрасту 23 лет выпускники частных школ в гораздо большей пропорции стали выпускниками колледжей, технических и классических университетов (см. рисунок 1).

На рисунке 1 приведены в пропорции сведения о выпускниках частных (левая часть каждого графика) и государственных школ (правая часть), обучавшихся (слева направо) в старшей школе (7/8-12 классы), учреждениях послешкольного образования в целом, университетах, а также успешно завершивших послешкольное, университетское или профессиональное обучение [17]. В широкое понятие послешкольного образования (postsecondary education) включаются при этом все виды и программы образования, которые выбирают для себя выпускники канадских школ (подробный отчёт о состоянии этого образова-

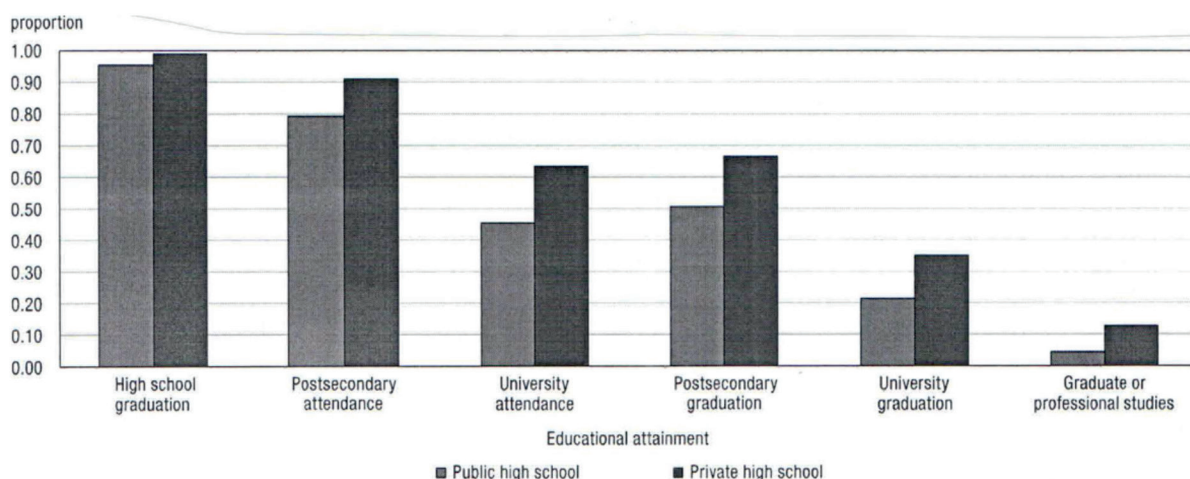

Рисунок 1. Образовательные достижения в зависимости от типа послешкольного образования
Picture 1. Educational Attainment by Type of High School Attended

Источник: [17].

ния предлагает в своём исследовании Т. Незбит [20, с. 1-13]. Информация отражает образовательную траекторию граждан Канады, родившихся в 1984 г., обучавшихся в апреле-мае 2000 г. в 10 классах канадских провинций (кроме Атлантических) и ответивших на вопросы исследования в 2008 г. Как следует из результатов статистического исследования, при небольшой разнице между успешно закончившими частную и государственную старшую школу (3%) дальнейшая судьба выпускников частных и государственных школ складывалась весьма по-разному: 35% членов первой группы и лишь 21% членов второй к 23 годам получили университетское образование; выпускники частных школ в три раза чаще поступали в магистратуру или продолжали своё профессиональное образование (13% против 5%).

Как полагают исследователи, значительным фактором такой успешности выпускников частных школ стали не столько ресурсы и методический аппарат этих школ, сколько высокая степень образованности родителей учащихся и связанные с этим их более высокие ежегодные доходы: \$44,600 (здесь и далее суммы указаны в канадских долларах) против \$35,600 среднего ежегодного дохода родителей учащихся государственных школ. 25% родителей учащихся первой группы имели магистерскую степень или законченное профессиональное постдипломное образование (по сравнению с 10% родителей учащихся второй группы). Лишь 18% родителей учащихся частных школ ограничились средним полным образованием, а доля родителей учащихся государственных школ с одним лишь средним полным образова-

нием составляет 34%. Эти различия оказываются гораздо более существенными для дальнейшей профессиональной и образовательной судьбы школьника, чем технические и методические особенности двух типов школ. Эти особенности далеко не всегда можно считать преимуществами частных учебных заведений: к примеру, соотношение учителей и учащихся в частных школах Канады составляет в среднем 1:18, а в государственных – 1:17, а количество компьютеров в расчёте на обучающегося идентично (примерно 0.2 компьютера на учащегося). Средняя годовая нагрузка учителя в государственной школе составляет 968 часов, а в частной – 945 часов. Оба типа школ примерно равноценны, с точки зрения оказания дополнительных образовательных услуг (special tutoring), квалификации педагогического состава и др. [Frenette, Chan, 2015, 17].

Таким образом, на первый план выходит образованность родителей как фактор последующей успешности учащегося, основа достижения им уровня жизни, соответствующего его ожиданиям. Здесь важно привести данные об отношении канадского общества к образованию в целом. Согласно данным переписи населения Канады 2016 г., общее количество лиц с дипломом об окончании колледжа составляло 22,4% трудоспособного населения (в возрасте 25-64 года), а лиц со степенью бакалавра или выше – 28,5%; примерно 10,8% канадцев в возрасте 25-64 лет имели сертификат или диплом о среднем профессиональном образовании. Среди канадской молодёжи 25-34 лет, имеющей высшее образование, наблюдается явная гендерная диспропорция: в этой социальной группе

40,7% женщин и 59,3% мужчин. В 2017 г. несколько уменьшилось (на 0,6%) количество зачисленных на программы среднего профессионального образования (registered apprenticeship programs), составив 71,574 чел., а общее количество обучающихся в этой системе составило 405 699 чел. (на 2,8% меньше, чем в 2016 г.) [15].

Финансовые условия.

Состояние послешкольного образования

Конечно же, нельзя игнорировать в данном процессе присутствия и влияния финансовых условий, ограничивающих получение послешкольного образования, прежде всего, высшего. Чрезвычайно показательны для иллюстрации этого влияния ключевые индикаторы качества предоставления образовательных услуг в Канаде. Первым в их числе приводится стоимость обучения по программам бакалавриата: для иностранных обучающихся: в 2019/2020 учебном году она

составляет \$29,714, что на 7,6% выше прошлогодней стоимости. За программу магистратуры студенты из зарубежных стран платят сегодня \$17,744 (на 4,4% выше, чем в 2018/2019 учебном году) (см. подробнее анализ ситуации с обучением иностранцев в системе образования Канады в [10, с. 166-187]). Для сравнения граждане Канады платят за обучение по программе бакалавриата \$6,463, а за обучение по программе магистратуры – \$7,056 – на 5,3% и 4,5% соответственно меньше, чем в прошлом учебном году [15].

Проблема платы за получение высшего образования имеет в Канаде свою специфику в различных образовательных областях (см. рисунок 2).

Наиболее дорогими в 2019/2020 учебном году являются бакалаврские программы по стоматологии (\$21,717), медицине (\$14,162), юриспруденции (\$12,388) и оптиметрии (\$11,236). Как отмечается в последнем исследовании данного вопроса, количество студентов в этих образовательных об-

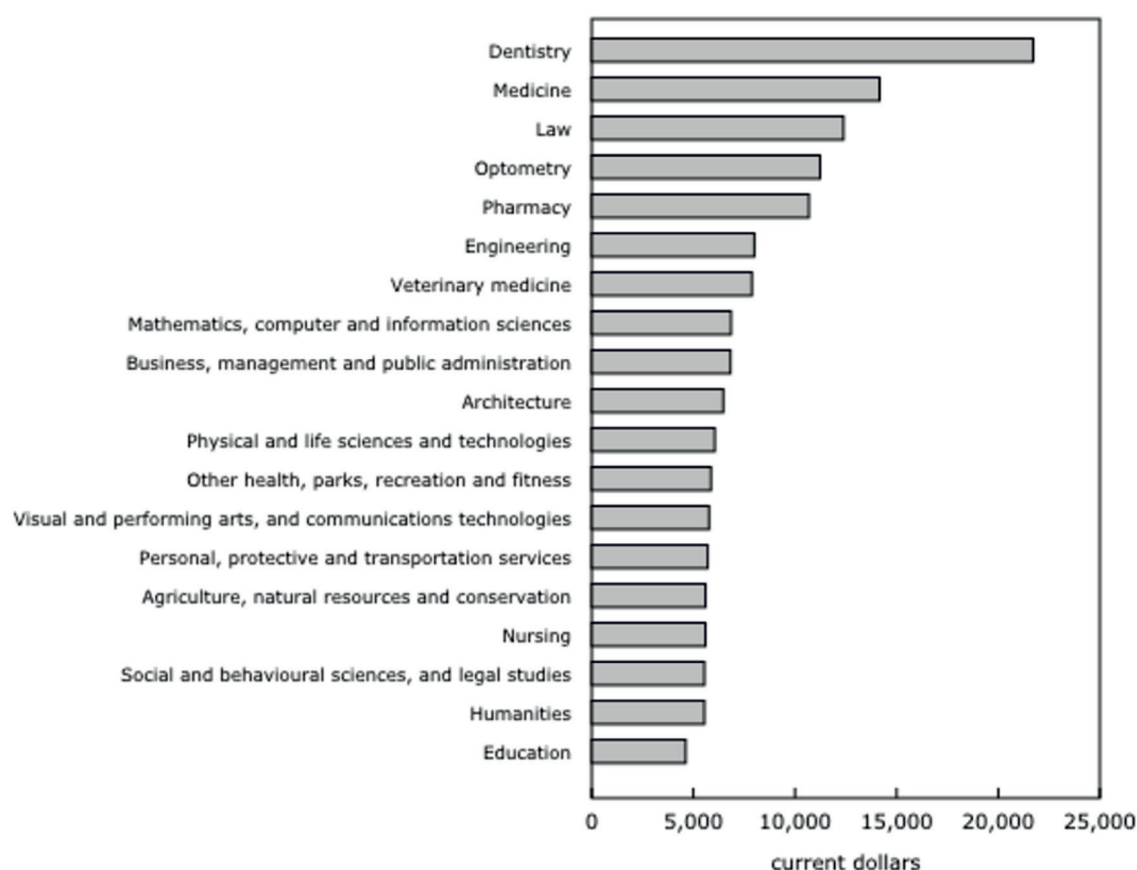

Рисунок 2. Средняя стоимость обучения на программах бакалавриата для канадских студентов очной формы обучения, с разбивкой по образовательным областям в 2019/2020 учебном году
Picture 2. Average Undergraduate Tuition Fees for Canadian Full-time Students, by Field of Study, 2019/2020

Источник: [25].

ластях составляет всего 2,9% от числа студентов бакалавриата всей страны. Кроме того, на Лонгитюдной платформе образования и рынка труда (the Education and Labour Market Longitudinal Platform) были представлены данные о том, что выпускники этих четырёх наиболее дорогих бакалаврских программ получают наивысшую медианную заработную плату уже спустя два года после окончания вуза [25].

В целом же по образовательным программам социально-психологического направления, коммерции и управлению, физическим, биологическим и гуманитарным наукам обучаются примерно 60% канадских студентов (в этой связи обращает на себя внимание исследование гендерных аспектов в бизнес-образовании [19, с. 14-22]). Стоимость очного обучения на программах бакалавриата по социально-психологическим наукам составляет \$5,544, однако эта сумма обнаруживает значительные колебания в зависимости от провинции (что подтверждают выводы, сделанные ещё в 2007 г. С. Куломом и Ж.-Ф.Л. Трамбле о существенных различиях в сложившейся ситуации с обучением в провинциях страны [14, с. 965-991]). Так, в Ньюфаундленде и Лабрадоре стоимость такого обучения может составить \$2,709, а в соседней Новой Шотландии – до \$7,420. Ту же тенденцию обнаруживает стоимость обучения по программам бакалавриата в сфере бизнеса, менеджмента и управления (в среднем составляет \$6,827, наименьшая стоимость – в провинции Ньюфаундленд и Лабрадор (\$2,759), наивысшая – в провинции Онтарио (\$9,503)), физических и биологических наук и технологий (наиболее доступное образование можно получить в провинции Ньюфаундленд и Лабрадор (\$2,714), самое дорогое образование – в Атлантических провинциях, Онтарио и Саскачеване (\$6,056)). Гуманитарные науки не являются исключением – их бакалаврские программы стоят в среднем \$5,542 в год и вновь доступнее всего в Ньюфаундленде и Лабрадоре (\$2,680) и наименее доступны в Нью-Брансуике (\$7,409) [18].

Большой интерес представляют в этой связи лонгитюдные исследования, осуществляемые на основе официальной статистической информации о состоянии послешкольного образования в стране. Пристальное внимание в подобных исследованиях уделяется также влиянию этого образования на рынок труда, для чего привлекаются данные об индивидуальных траекториях обучающихся (students' pathways), степени стабильности их образовательного опыта (persistence rates), мобильности, доле лиц, успешно завершивших обучение и др. [21; 24].

Второй важной составляющей аналитического исследования обычно являются налоговые данные, позволяющие судить о результатах трудоустройства (employment outcomes) – средних и медианных доходах, их росте в зависимости от сферы трудоустройства, полученного образования, его уровня, демографических факторов [25]. Исследование Э. Нтуари, к примеру, обращается к административным данным об образовательном опыте и трудовой жизни обучающихся в послешкольных учреждениях Атлантических провинций Канады (Maritimes), которые изучались в рамках лонгитюдного эксперимента с опорой, в том числе, на сведения о доходах семьи за год, представляемые для нужд налогообложения (the T1 Family File). Это исследование осуществлялось в тесной связи с данными Информационной системы об обучающихся в послешкольных учреждениях образования (The Postsecondary Student Information System – PSIS) [24], которая представляет собой общенациональный сбор статистических данных, позволяющий Канадскому национальному статистическому агентству составлять детальную картину как основу для принятия политических решений в этой области [21].

В частности, исследование образовательных траекторий обучающихся и изменения образовательных индикаторов этих траекторий выявило существенные различия в поведении обучающихся: некоторые из них поступают на конкретную образовательную программу и проходят её до конца с получением документа об образовании, другие меняют образовательные программы в рамках одного и того же учреждения образования; некоторые переходят в другое учреждение образования на ту же или другую образовательную программу; наконец, часть обучающихся покидает университет на первом или последующих курсах и в университетах Атлантической Канады, либо прерывает обучение на определенный срок и пр. Эти данные позволили Э. Нтуари выявить различные типы образовательной стабильности, мобильности и доли успешности в завершении обучения (см. рисунок 3):

Нижняя линия демонстрирует долю студентов, успешно окончивших образовательную программу к началу соответствующего учебного года. Средняя линия отмечает процент студентов, не проявивших настойчивость в обучении (прерывавших его) либо не завершивших своё образование к началу соответствующего учебного года. Верхняя линия визуализирует обучающихся, проявивших настойчивость в обучении, но не завершивших его к началу соответствующего учебного года.

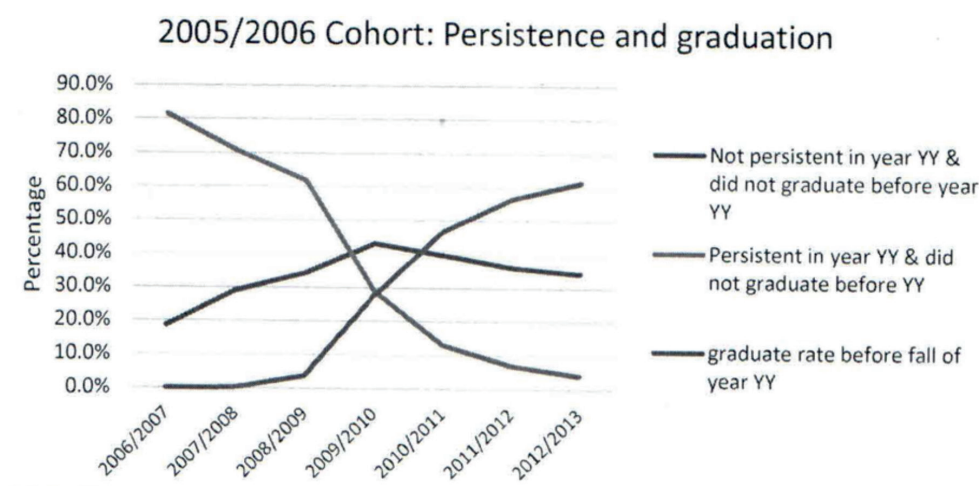

Рисунок 3. Степень стабильности и успешности обучения студентов, зачисленных на бакалаврские программы в 2005/2006 учебном году

Picture 3. Persistence and Graduation Rates for the 2005/2006 Bachelor's Degree new Entrants Cohort

Источник: [21].

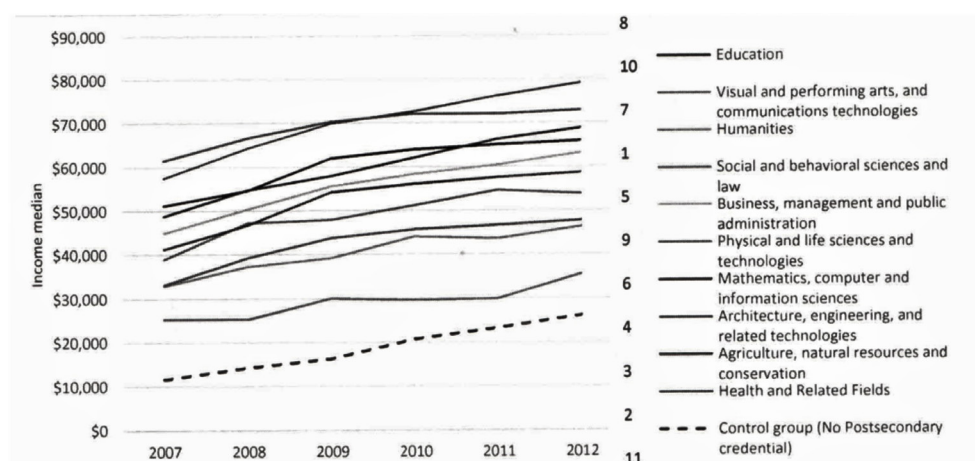

Рисунок 4. Медианная заработная плата лиц со степенями бакалавра, магистра и кандидата наук с разбивкой по образовательным областям

Picture 4. Median of Employment Income of Bachelor's and Master's/Doctorate Degree Holders (by Field of Study)

Источник: [21].

Заработная плата различных профессиональных групп

Крайне важным фактором реализации образовательной траектории и одним из критериев профессиональной успешности канадского гражданина является его заработная плата. В этом смысле весьма показательны данные о медианной заработной плате представителей различных профессиональных групп (см. рисунок 4), в числе которых приведены: 1 – сфера образования, 2 – визуальные и изобразительные искусства и компьютерные технологии, 3 – гуманитарные науки,

4 – социальные, психологические и юридические науки, 5 – бизнес, менеджмент и управление, 6 – физические и биологические науки и технологии, 7 – математические, компьютерные и информационные науки, 8 – архитектура, инженерное дело и родственные науки, 9 – сельское хозяйство, природные ресурсы и их сбережение, 10 – здоровье и связанные с ним области, 11 – контрольная группа (без послешкольного обучения) [21] (на рисунке 4 линии пронумерованы сверху вниз в соответствии с обозначаемой профессиональной сферой).

Эта статистика подтверждает тезис о существенности послешкольного образования для канадского образа жизни, хотя и обнаруживает значительные расхождения, с точки зрения финансовой обеспеченности, между различными профессиональными группами. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сфера образования в этой статистике занимает почётное четвёртое место (в этой связи весьма интересные данные представлены в исследовании профессиональной мотивации обучающихся в магистратуре по педагогике в [27, с. 1-10].

Заключение

Исследование образовательной политики и практики в Канаде и других развитых странах мира – важный аспект планирования этой политики и практики в нашей стране, поскольку имеет непосредственное отношение к уровню и качеству жизни населения и способствует экономическому и социальному развитию в не меньшей мере, чем монетарная политика или прогресс в промышленном производстве.

Вместе с тем, при оценке значения приобретения образования для повышения уровня и

качества жизни важен учет специфики демографических условий в каждой отдельной стране. Сегодня в богатой Канаде естественный прирост населения составляет 0,3%, а общий прирост – 0,9%, что является результатом либеральной миграционной политики. Как и в США (где общий прирост также равен 0,9%), Канада весьма зависима в экономике от притока трудовых ресурсов извне: две трети новых канадцев и одна треть новоиспечённых граждан США – иммигранты. При этом их труд оплачивается выше, чем в их родной стране, но ниже, чем труд исконно канадского населения с равной квалификацией [7, с. 324, 329].

В целом комплекс изучаемых статистикой вопросов состояния и перспектив канадской системы образования иллюстрирует один из действенных инструментов социальной политики государства, заинтересованного в том, чтобы каждая личность не только обрела своё органичное место в общественной жизни, но и увидела и, главное, эффективно использовала те реальные возможности, которые способны кардинальным образом повысить качество её жизни.

Список литературы

1. Антипова А.В. Канада. Природа и естественные ресурсы. М., 1965.
2. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Новый большой англо-русский словарь, т.1. М., 2003, 832 с.
3. Атлас всемирной истории. Издательский дом Ридерз Дайджест, 2003, 344 с.
4. Атлас мира. Обзорно-географический. М., 2008, 168 с.
5. Большая универсальная энциклопедия, т.8. М., 2010, 797 с.
6. Василенко И.А. и др. Умный город XXI века: возможности и риски smart-технологий в городском ребрендинге. М., 2018, 256 с.
7. Колодко, Гжегов В. Куда идёт мир. Политическая экономика будущего. М., 2014, 528 с.
8. Малькова З.А. Просвещение в Канаде // БСЭ, т.11. М., 1973, с. 304-305.
9. Оценкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М., СПб., 2014, 336 с.
10. Anderson, Tim. Seeking Internationalization: The State of Canadian Higher Education // Canadian Journal of Higher Education, 45(3), 2015. 187.
11. Bieler, Andrew; McKenzie, Marcia. Strategic Planning for Sustainability in Canadian Higher Education // Sustainability 2017, Vol. 9, Issue 161.
12. Collins English Dictionary. Twelfth Edition.-Glasgow, 2016, 2306 p.
13. Compact World Atlas. The Must-Have Companion to Our Planet. 7th Edition- L., 2018, 192 p.
14. Coulombe, Serge; Tremblay Jean-Franc, Lois. Skills, Education, and Canadian Provincial Disparity // Journal of Regional Science, Vol. 47, No. 5, 2007, 991.
15. Education Training and Learning. Key Indicators. 2019/2020 https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/subjects/education_training_and_learning
16. Fisher, Donald et al. Canadian Federal Policy and

References

1. Antipova A.V. Kanada. Priroda i yestestvennyye resursy. M., 1965.
2. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar', t.1. M., 2001, 832 s.
3. Atlas vseмирnoy istoriyi. Izdatel'skiy Dom Riderz Daidzhest. 2003, 344 s.
4. Atlas Mira. Obzorno-geograficheskiy. M., 2008, 168 s.
5. Bol'shaya universal'naya entsiklopeiya, t.8. M., 2010, 797 s.
6. Vasilenko I.A. i dr. Uunnyy gorod XXI veka: vozmozhnosti i riski smart- tekhnologiy v gorodskom rebrendinge. M., 2018, 256.
7. Kolodko, Gzhegozh V. Kuda idyot mir. Politicheskaya ekonomiya budushchego.-M., 2014, 528 s.
8. Mal'kova Z.A. Prosveshcheniye v Kanade // BSE,t. 11. M., 1973, s.304-305.
9. Oshchepkova V.V. Yazyk i kul'tura Velikobritaniyi, SShA, Kanady, Avstraliyi, Novoy Zelandiyi. M., SPb., 2014, 336 s.
10. Anderson, Tim. Seeking Internationalization: The State of Canadian Higher Education // Canadian Journal of Higher Education, 45(3), 2015. 187.
11. Bieler, Andrew; McKenzie, Marcia. Strategic Planning for Sustainability in Canadian Higher Education // Sustainability 2017, Vol. 9, Issue 161.
12. Collins English Dictionary. Twelfth Edition.-Glasgow,2016,2306p.
13. Compact World Atlas. The Must-Have Companion to Our Planet. 7th Edition- L.,2018,192p.
14. Coulombe, Serge; Tremblay Jean-Franc, Lois. Skills, Education, and Canadian Provincial Disparity // Journal of Regional Science, Vol. 47, No. 5, 2007, 991.
15. Education Training and Learning. Key Indicators. 2019/2020 https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/subjects/education_training_and_learning
16. Fisher, Donald et al. Canadian Federal Policy and Postsecondary Education. Printcrafters, Winnipeg, Manitoba. 2006, 191 p.

Postsecondary Education. Printcrafters, Winnipeg, Manitoba. 2006, 191 p.

17. *Frenette Marc, Ping Ching Winnie Chan*. Why Are Academic Prospects Brighter for Private High School Students? Social Analysis and Modelling Division. Economic Insights, No. 044, March 2015 Statistics Canada, Catalogue No. 11-626-X
18. Labour market outcomes for college and university graduates, class of 2010 to 2014 URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/181204/dq181204a-eng.htm>
19. *Lynes, Jennifer; Wismer, Susan; Andrachuk, Mark*. The Role of Education in Entrepreneurship: Two Canadian Stories // Advancing Women in Leadership Vol. 31, 2011.
20. *Nesbit, Tom*. Canadian Adult Education: Still a Movement // Canadian Journal of University Continuing Education. Vol. 37, No. 1, spring 2011.
21. *Ntwari, Aimé*. Student Pathways and Graduate Outcomes. Proceedings of Statistics Canada Symposium 2016. Growth in Statistical Information: Challenges and Benefits.
22. Oxford Guide to British and American Culture. New Edition. – Oxford, 2009, 534 p.
23. *Ross, Dejan*. Analysis of Long-Term Outcomes for University Graduates in Information and Communication Technology programs. Education Policy Research Initiative, Canada: University of Ottawa. 2014.
24. *Ross, Theresa*. Moving Through, Moving On: Persistence in Postsecondary Education in Atlantic Canada, Evidence from the PSIS. Statistics Canada Catalogue No. 81-595-M-No.072, Research Paper, Statistics Canada, 2009.
25. Tuition Fees for Degree Programs, 2019/2020. Statistics Canada. Released on September 4, 2019. www.statcan.gc.ca
26. The World Book Encyclopedia(International).- London Sydney Tunbridge Wells Chicago, 1995, Vol. 3, 510 p.
27. *Xiaomei Song*. Exploring Academic Motivation of Canadian Master's of Education Learners // Canadian Journal for New Scholars in Education. Vol. 4, Issue 1, April 2012. Pp. 1-10.
28. Young People Not Working, in School or Training. What Were They Doing? Statistics Canada, February 2009, www.statcan.gc.ca.
17. *Frenette Marc, Ping Ching Winnie Chan*. Why Are Academic Prospects Brighter for Private High School Students? Social Analysis and Modelling Division. Economic Insights, No. 044, March 2015 . Statistics Canada, Catalogue No. 11-626-X
18. Labour market outcomes for college and university graduates, class of 2010 to 2014 URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/181204/dq181204a-eng.htm>.
19. *Lynes, Jennifer; Wismer, Susan; Andrachuk, Mark*. The Role of Education in Entrepreneurship: Two Canadian Stories // Advancing Women in Leadership Vol. 31, 2011.
20. *Nesbit, Tom*. Canadian Adult Education: Still a Movement // Canadian Journal of University Continuing Education. Vol. 37, No. 1, spring 2011.
21. *Ntwari, Aimé*. Student Pathways and Graduate Outcomes. Proceedings of Statistics Canada Symposium 2016. Growth in Statistical Information: Challenges and Benefits.
22. Oxford Guide to British and American Culture. New Edition. – Oxford, 2009,534p.
23. *Ross, Dejan*. Analysis of Long-Term Outcomes for University Graduates in Information and Communication Technology Programs. Education Policy Research Initiative, Canada: University of Ottawa. 2014.
24. *Ross, Theresa*. Moving Through, Moving On: Persistence in Postsecondary Education in Atlantic Canada, Evidence from the PSIS. Statistics Canada Catalogue No. 81-595-M-No.072, Research Paper, Statistics Canada, 2009.
25. Tuition Fees for Degree Programs, 2019/2020. Statistics Canada. Released on September 4, 2019. www.statcan.gc.ca
26. The World Book Encyclopedia(International).- London Sydney Tunbridge Wells Chicago, 1995, Vol3,510p.
27. *Xiaomei Song*. Exploring Academic Motivation of Canadian Master's of Education Learners // Canadian Journal for New Scholars in Education. Vol. 4, Issue 1, April 2012. Pp. 1-10.
28. Young People Not Working, in School or Training. What Were They Doing? Statistics Canada, February 2009, www.statcan.gc.ca.

ВИЧ/СПИД как угроза демографической безопасности региона

HIV / AIDS as a Threat to the Demographic Security of the Region

Получено 27.09.2019

Одобрено 07.11.2019

Опубликовано 09.12.2019

УДК: 314.14

DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10086

КУКЛИН АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, Институт экономики Уральского отделения РАН
Email: alexkuklin49@mail.ru

ЦВЕТКОВ АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ

кандидат медицинских наук, Министр здравоохранения Свердловской области
Email: minzdrav@egov66.ru

ЕПАНЕШНИКОВА ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА

экономист, Институт экономики Уральского отделения РАН
Email: dashase@list.ru

КОРОБКОВ ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ

экономист, Институт экономики Уральского отделения РАН
Email: handfulofvoid@gmail.com

KUKLIN, ALEKSANDR ANATOL'YEVITCH

Doctor of Economics, Professor, Institute of economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Email: alexkuklin49@mail.ru

TSVETKOV, ANDREY IGOREVITCH

PhD in Medicine, Minister of Health of the Sverdlovsk Region
Email: minzdrav@egov66.ru

YPANESHNIKOVA, DAR'YA SERGEYEVNA

Economist, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Email: dashase@list.ru

KOROBKOV, I V

Economist, Institute of economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Email: handfulofvoid@gmail.com

Аннотация

Объект. Территории Уральского федерального округа в условиях распространения ВИЧ-инфекции.

Предмет. Социально-экономические отношения, которые возникают по поводу фиксации, диагностики, принятия мер по предотвращению ВИЧ-инфекции между исполнительной властью и системой здравоохранения на всех уровнях.

Цель. Критическая диагностика состояния территории для прогнозирования численности трудоспособного населения региона с учётом социально-значимых медицинских факторов (заболеваемость ВИЧ/СПИД).

Основные положения статьи. Снижение рождаемости, старение населения, смертность оказывают непосредственное влияние на демографическую ситуацию, сложившуюся в УрФО. Разработке направлений демографической политики должен предшествовать прогноз численности населения, учитывающий различные социально-экономические тренды. В настоящее время в большинстве субъектов УрФО возрастает численность пожилых людей, сокращается численность людей трудоспособного возраста и, соответственно, увеличивается демографическая нагрузка на работающее население. В рамках настоящего исследования произведён расчёт демографической безопасности УрФО. Показано, что уровень демографической безопасности для ряда регионов, входящих в состав УрФО, начал снижаться с 2015 года и стремится к выходу из нормального состояния. В ходе исследований была предложена модель влияния различных социально-экономических факторов на демографическую безопасность региона. На основе предложенной модели выбран один из факторов, который оказывает влияние на демографическую безопасность – заболеваемость населения ВИЧ-инфекцией и СПИД. Свердловская область и Челябинская область входят в число лидеров по количеству ВИЧ-инфицированных, в данных регионах речь идет об эпидемии. Заболевание характеризуется длительным латентным периодом, поражением, в основном, людей молодого трудоспособного возраста, высокой стоимостью лечения, отсутствием надёжных методов лечения и вакцинации. В ходе исследования построена математическая модель прогнозирования, учитывающая влияние ВИЧ-инфекции на изменение численности населения и численности населения трудоспособного возраста. На основе полученного математического аппарата произведён расчёт медико-демографического прогноза численности трудоспособного населения с учётом влияния ВИЧ-инфекции.

Abstract

The Object of the Study. The territory of the Ural Federal Okrug with HIV infection spread.

The Subject of the Study. The socioeconomic relations between the executive and the health system at all levels that arises about the fixation, diagnosis, prevention of HIV infection.

The Purpose of the Study is critical diagnosing the state of the territory to predict the number of able-bodied population of the region, taking into account socially significant medical factors (incidence of HIV infection).

The Main Provisions of the Article. Fertility decline, population aging, mortality have a directly impact on the demographic situation in the Urals Federal Okrug. Population projections are taking into account different socio-economic trends should precede the development of demographic policies. Currently, in most subjects of the Ural Federal Okrug, the number of elderly people is increasing, the number of people of working age is decreasing and, accordingly, the demographic load on the working population is increasing. In the framework of this study, the calculation of demographic security of the Ural Federal Okrug and a model of the influence of various socio-economic factors on it is proposed. It is shown that the level of demographic security for a number of regions included in the Ural Federal Okrug began to decline in 2015 and strive to get out of the normal state. On the basis of the offered model one of the factors influencing demographic safety – HIV infection and AIDS is chosen. The calculation of the medical and demographic forecast of the able-bodied population, are taking into account the impact of HIV infection. Sverdlovsk and Chelyabinsk Regions are among the leaders in the number of HIV-infected people, in some regions we are talking about an epidemic. This disease is characterized by a long latent period, the defeat, mainly young people of working age, the high cost of treatment, the lack of reliable methods of treatment and vaccination. The mathematical model allowing to consider influence of HIV infection on change of population of working age is constructed, calculations for Sverdlovsk, Chelyabinsk and Kurgan Regions have been carried out. Comparison of forecast values with and without adjustment for HIV/AIDS factors shows a significant impact of the disease on the demographic picture of the Sverdlovsk and Chelyabinsk Regions.

яния ВИЧ-инфекции для Свердловской области, Челябинской области и Курганской области. Прогнозные значения численности населения и численности населения трудоспособного возраста с корректировкой на ВИЧ/СПИД-факторы демонстрируют негативное влияние заболевания на демографическую картину Свердловской области и Челябинской области.

Ключевые слова: демографическая безопасность; ВИЧ-инфекция; СПИД; математическая модель; прогноз численности населения.

Keywords: Demographic security; HIV infection; AIDS; a mathematical model; population forecast.

Введение

Обеспечение национальной безопасности государства и экономического развития страны напрямую зависят от уровня развития социально-экономических систем отраслей социальной инфраструктуры, эффективности социальных услуг. В условиях перехода экономики страны на инновационный путь развития данные отрасли заслуживают отдельного рассмотрения с точки зрения эффективности их функционирования, вклада в развитие человеческого потенциала, социально-экономическое развитие государства [12].

Непосредственный вклад в сохранение человеческого потенциала, в том числе трудового потенциала населения, оказывает система здравоохранения. Важную роль в обеспечении национальной, демографической безопасности играет перераспределение финансовых потоков внутри системы здравоохранения в пользу тех видов медицинской помощи, по которым имеются наиболее высокие показатели смертности населения в трудоспособном возрасте и которые являются управляемыми факторами [7].

Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) и эпидемия синдрома приобретенного иммунодефицита (СПИД) иллюстрируют глобальную проблему мирового здравоохранения [19, 23]. Во всем мире насчитывается 37,9 млн. человек, живущих с ВИЧ/СПИД [24]. Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС) поставила перед собой цель покончить с эпидемией СПИДа к 2030 году и для ее достижения призывает страны использовать все имеющиеся инструменты, принять на себя ответственность за результаты и обеспечить поддержку отстающим странам [14].

Поражённость ВИЧ-инфекцией оказывает значительное влияние на изменение численности населения, ВИЧ-инфекция входит в Перечень социально значимых заболеваний, утвержденный постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. N 715. По данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом в 2018 г. ВИЧ-инфекция была

причиной более половины смертей от инфекционных заболеваний (57,2%), при этом умирают в основном люди молодого, трудоспособного возраста (в среднем 38 лет) [3]. Данные факторы оказывают влияние на демографическую ситуацию как в стране в целом, так и в отдельных регионах. Свердловская область и Челябинская область входят в число лидеров среди субъектов РФ по числу ВИЧ-инфицированных [11]. На конец 2017 года в Свердловской области насчитывалось более 94000 ВИЧ-инфицированных граждан [2], а это 2% населения области (среди мужчин трудоспособного возраста количество заболевших достигает 8%). По оценкам ГБУЗ СО «Свердловский областной центр профилактики и борьбы со СПИД» в настоящее время можно говорить об эпидемии ВИЧ-инфекции в области, которая, соответственно, накладывает свой отпечаток на уровень демографической безопасности региона.

ВИЧ/СПИД-инфекцию можно охарактеризовать следующим:

1. Длительный латентный период. Вирус иммунодефицита человека имеет достаточно длительный инкубационный период, когда он не проявляется и не определяется методами инструментального анализа, но способен передаваться от человека к человеку. Многие годы вирус может никак себя не проявлять. В настоящее время наблюдается выход эпидемии из закрытых групп риска в общую популяцию.

2. Отсутствие надёжных методов вакцинации и лечения. На данный момент препараты и терапевтические комплексы, позволяющие снизить риск заражения ВИЧ до нуля либо полностью излечить ВИЧ-инфицированного пациента, находятся в стадии тестирования, а число случаев их успешного применения измеряется десятками. ВИЧ-инфекция сама по себе не является смертельным заболеванием и при правильном лечении инфицированный человек может прожить до глубокой старости. Однако ослабленный иммунитет способствует попаданию в организм вирусов, бактерий и грибков, а применяемая в настоящее время терапия имеет множество побочных эффектов, все это может вызвать серьёзные забо-

левания и привести к потере трудоспособности и преждевременной смерти.

3. Вовлекается население молодого трудоспособного возраста. Пик смертности от ВИЧ-инфекции приходится на возраст 25-34 года, средний возраст смерти по разным причинам у ВИЧ-инфицированных составлял 33,6 лет, а среднее число лет жизни от выявления антител к ВИЧ до смерти по разным причинам – 6,4 года [8]. По оценкам отечественных авторов в течение одного года за счет ВИЧ инфекции в России не прожито 606 552 лет жизни [8].

4. Дорогостоящее лечение. Сумма затрат на лечение одного больного с ВИЧ-инфекцией в течение жизни составляет до 8585 тыс. руб., до 51% из этой суммы составляет стоимость лекарственных препаратов [17]. Прямые затраты на лечение одного пациента в год в Италии до появления антиретровирусной терапии составляли 15 390 евро [26].

С введением современной антиретровирусной терапии стоимость лекарственных средств значительно выросла (с 30% до 50%), увеличилась и общая стоимость лечения, но одновременно произошло снижение затрат на стационарную помощь и лечение сопутствующих заболеваний. При сравнении стоимости годового лечения больных ВИЧ/СПИД в разных странах наблюдаются существенные различия от 15 до 50 тыс. долларов, но структура затрат имеет свои особенности в каждом регионе [5].

Стоит отметить, что ВИЧ инфекция кроме прямых затрат системы здравоохранения связана и с другими социально и экономически значимыми убытками. Выделяются косвенные затраты на лечение ВИЧ-инфекции, достаточно малое количество исследований по величине этих затрат представлено в зарубежной и отечественной литературе. К косвенным затратам относятся, например, выплаты пособий и пенсий по инвалидности, медицинские затраты на переобучение персонала, затраты работодателя и утрату возможности работать родственниками заболевших, в связи с необходимостью ухода за больным. Выделены направления, по которым происходит влияние распространения ВИЧ/СПИД на показатели развития экономики [25]:

1. Труд и капитал (ВИЧ инфекция влияет на производственный процесс, приводя к его замедлению).

2. Распределение ресурсов (ВИЧ инфекция влияет на эффективность распределения ресурсов, перераспределяя финансовые потоки между медицинскими расходами и другими производственными задачами).

3. Распределение доходов (ВИЧ-инфицированные люди будут увеличивать свои расходы на здравоохранение, нуждаться в социальной поддержке, таким образом ВИЧ-инфекция является дополнительным фактором, увеличивающим разрыв между социальными слоями населения).

4. Инвестиции в человеческий капитал (ВИЧ-инфекция приводит к снижению инвестиций в человеческий капитал, что в свою очередь негативно влияет на рост экономики).

В отечественной литературе можно отметить оценку экономических потерь от преждевременной смертности, которая учитывает три вида издержек: явные (связаны с невозможностью преждевременно умершего человека участвовать в общественном производстве) и два вида неявных издержек – сумма потерянной стоимости жизни человека нетрудоспособного возраста и преждевременная смертность женщин фертильного возраста, не позволившая принять участие в воспроизводстве рабочей силы [9].

Анализ ВИЧ-инфекции и состояния демографической безопасности в УрФО

При сборе данных для исследования и анализа ситуации с ВИЧ-инфекцией в регионах УрФО выявилось отсутствие однообразности и полноты представляемых регионами данных о заболеваемости, смертности и распространённости. Для обеспечения возможности построения универсальной модели и сравнения полученных результатов для субъектов внесены допущения в математический аппарат. В таблице 1 представлены данные по заболеваемости ВИЧ-инфекцией на сто тысяч населения в УрФО за 2005-2017 годы. Данные демонстрируют наибольшую заболеваемость в Свердловской области, увеличение показателей относительно соседних регионов может быть связано, в том числе с реализацией программ по диагностике ВИЧ-инфекции, доступности тестирования для большей части населения. Значительное увеличение заболеваемости наблюдается на юге Тюменской области и в Челябинской области. ЯНАО характеризуется незначительной (по сравнению с остальными субъектами УрФО) величиной заболеваемости на сто тысяч населения, нужно принимать во внимание, что регион характеризуется слабой населенностью, большим числом людей, работающих по вахтовому графику.

ВИЧ/СПИД является социальной проблемой и ставит под угрозу основную ценность – человеческую жизнь, кроме того, эпидемия негативно сказывается на демографической и экономической ситуациях [1]. Одной из задач данного исследования является изучение ВИЧ-инфекции

Таблица 1

Заболееваемость ВИЧ-инфекцией (случаев/100 тыс. населения)

Table 1

Incidence of HIV (cases/100 thousand of populations)

Период	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Свердловская область	85	79,9	95,8	109	105,1	114,75
Челябинская область	40,5	40,8	56,9	44,1	42,9	49,5
Курганская область	17,3	17,1	35,2	34	45,4	49
юг Тюменской области	37,6	42,4	49,5	59,1	67,6	71
ХМАО	41,1	48,7	59,5	74,4	77,5	81,4
ЯНАО	22,2	18,7	23,9	27,6	29,2	31,3

Период	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Свердловская область	121,3	135,8	151,2	171,5	170,1	158,4	128,1
Челябинская область	63,8	80,6	87,9	117,1	135,8	108,4	109,2
Курганская область	77	94,7	87,2	81,4	97,6	66,2	99,3
юг Тюменской области	93,9	86,9	103,1	110,6	121,8	135,3	109,2
ХМАО	117,4	102	92,7	107,7	107,1	90,2	83,5
ЯНАО	58,5	31,5	32,5	28,1	39,4	51,1	нет данных

На основе данных Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека [3, 4].

как социально-экономического фактора, влияющего на состояние демографической ситуации в УрФО. Авторы руководствуются общими методическими и методологическими подходами, которые использованы при разработке комплексной методики диагностики Экономической безопасности территорий России [6, 16]. Под экономической безопасностью территориального образования (области, республики, федерального округа) понимается совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития, степень ее самостоятельности в процессах интеграции с экономикой федерации, что выражается в следующем:

- возможность проводить собственную экономическую политику в рамках федерации;

- способность безобзательно реагировать на резкие геополитические изменения;

- способность осуществлять (или, по крайней мере, начать осуществление) крупные экономические мероприятия (не ожидая помощи от федерации) по неотложным ситуациям на территории, связанным с локальными экономическими бедствиями или экономическими просчетами (ошибками) на федеральном уровне;

- возможность на договорной основе оказывать помощь сопредельным областям, республикам и регионам, существующая несбалансированная экономическая ситуация в которых может негативно отразиться на экономических интересах территории;

- возможность стабильно поддерживать соответствие действующих на территории экономических нормативов общепринятым в мировой практике (или директивно утвержденным для территории на конкретный период времени), что позволило бы сохранить (или восстановить) достойный уровень жизни населения [13].

При диагностике экономической безопасности используется индикативный анализ, который позволяет выявить основные угрозы и оценить степень и характер их воздействия в регионе. Формирование индикаторов экономической безопасности происходит по 12 сферам жизнедеятельности (сферам экономической безопасности) или индикативным блокам. Целью классификации состояний по безопасности является установление уровней безопасности последовательно по каждому индикатору, сфере жизнедеятельности (индикативному блоку) и безопасности в целом с отнесением состояния к определенному

классу по степени тяжести (опасности или риска опасных последствий) [16].

Для расчета уровня экономической безопасности территории вводятся оценки ситуаций по каждому из индикаторов безопасности:

- нормальная;
- предкризисная;
- кризисная.

В свою очередь предкризисная зона разбивается на три стадии: соответственно предкризис 1 (начальная стадия), предкризис 2 (развивающаяся стадия), предкризис 3 (критическая стадия, грозящая переходом в кризисную зону). Кризисная зона также разбивается на три стадии – кризис 1 (нестабильная стадия), кризис 2 (угрожающая стадия), кризис 3 (чрезвычайная стадия). Отнесение субъекта по рассматриваемому индикатору к той или иной зоне кризисности определяется соотношением между значениями индикатора и рассчитанными пороговыми значениями. При анализе безопасности получают оценки состояния как по отдельным индикаторам безопасности, так и комплексные оценки безопасности для сфер

жизнедеятельности (индикативных блоков) и состояния по безопасности в целом [16].

В нашем исследовании расчет производится для одной из сфер экономической безопасности – демографической безопасности, которая представляет из себя такое состояние и тенденции, при котором на территории (в государстве) обеспечиваются стабильность и устойчивость процессов воспроизводства населения и выражается в следующем:

- возможность постоянно поддерживать на уровне, не ниже минимально допустимых норм, основные показатели, связанные с естественным воспроизводством населения (рождаемость, смертность, естественный прирост населения и др.), что позволит обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие территории в перспективный период;

- способности сохранять высокий уровень здоровья населения и не допускать распространения на территории социально опасных заболеваний [10].

Результаты проведенного расчета нормализованной оценки демографической безопасности

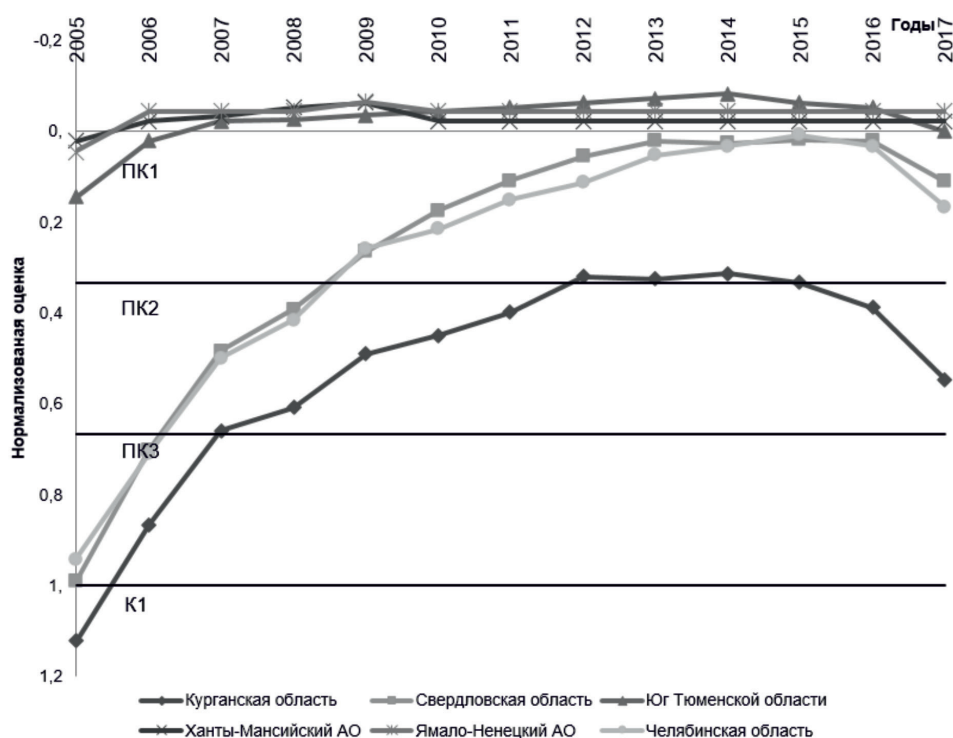

Рисунок 1. Демографическая безопасность УрФО и входящих субъектов за 2005–2017 годы.

Picture 1. Demographic Security of the Ural Federal District and Its Entities for 2005–2017.

Составлено авторами по [6].

Примечание. Обозначение состояний по безопасности: Н – нормальное (соответствует относительно нормальной ситуации демографической безопасности); ПК1 – предкризисное начальное состояние; ПК2 – предкризисное развивающееся состояние (Н, ПК1, ПК2 – на диаграмме не указаны); ПК3 – предкризисное критическое состояние; K1 – кризисное нестабильное состояние.

для шести областей УрФО (Свердловская область, Челябинская область, Курганская область, Тюменская область (юг), ХМАО, ЯНАО) за 2005-2017 годы представлены в виде графиков на рисунке 1.

Из графика, представленного на рисунке 1, видно, что демографическая безопасность в УрФО в 2005 году соответствовала состоянию развивающегося предкризиса (ПК2), для Курганской, Свердловской и Челябинской областей определено состояние критического предкризиса (ПК3), для юга Тюменской области – состояние начального предкризиса (ПК1) и нормальное состояние для ХМАО и ЯНАО. В изучаемом периоде в целом по УрФО состояние демографической безопасности улучшилось и изменилось с развивающегося предкризиса (ПК2) на начальный предкризис (ПК1). Подобная картина наблюдается для всех субъектов УрФО: улучшились показатели Курганской области, Свердловской области и Челябинской области – с ПК3 до ПК1, юг Тюменской области с ПК1 перешёл в нормальное состояние, нормальные показатели демографической безо-

пасности остались у ХМАО и ЯНАО. Однако, для отдельных субъектов УрФО очевидным становится тенденция снижения уровня демографической безопасности начиная с 2015 года. Для Свердловской области и Челябинской области снижение является незначительным и показатели остаются в области ПК1, в Курганской области наблюдается переход показателей из области ПК1 в ПК3. Падение уровня демографической безопасности в указанных областях обусловлено снижением коэффициента естественного прироста. Нормальный уровень демографической ситуации в Тюменской области и ее округах обусловлен ростом численности населения (как за счет естественного прироста, так и за счет положительного сальдо миграции) и низким уровнем смертности, которая предопределяется более молодой возрастно-половой структурой населения, это также может быть связано с особенностями развития территорий, менталитетом жителей.

На рисунке 2 представлена часть модели влияния на демографическую безопасность различ-

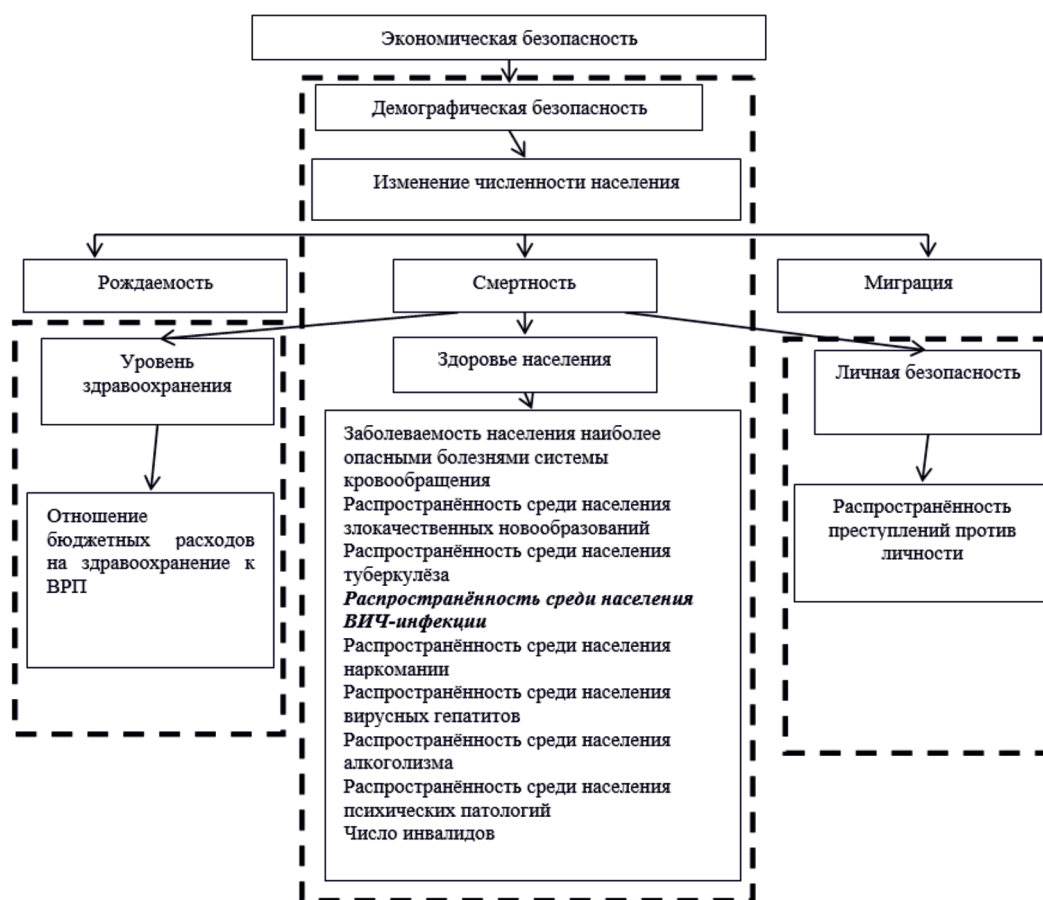

Рисунок 2. Вклад ВИЧ-инфекции в модели влияния на демографическую безопасность различных социально-экономических факторов.

Picture 2. The Model of the Demographic Security Depended on the Sociodemographic Factors

На основе [10].

ных социально-экономических факторов, выбран один из основных параметров, влияющих на демографическую безопасность – это изменение численности населения. На рисунке обозначены основные потоки движения населения: рождаемость, смертность и миграция. Для описания каждого из потоков в методике [10] сформированы социально-экономические модули, влияющие на движение населения, они, в свою очередь, представляют собой интегральные показатели, объединяющие данные государственной статистики по каждому региону. В рамках данного исследования рассматривается смертность населения, обусловленная распространённостью среди населения ВИЧ-инфекции. Специфика данного заболевания, причины появления, особенности течения и социально-экономические последствия могут оказывать существенное влияние на уровень смертности, особенно для людей, находящихся в трудоспособном возрасте. Таким образом, ставится задача оценить вклад ВИЧ-инфекции на изменение численности населения, которая непосредственно оказывает влияние на одну из 12 сфер экономической безопасности – демографическую безопасность.

Методический инструментарий

Предложенная в 2010 году Рэфтери, Бао и др. [18] стохастическая модель оценки и проекции национальных уровней инфицирования ВИЧ/СПИД, основанная на технологии байесовского слияния установила новый стандарт точности, показав более высокие показатели, чем более ранние популярные модели, основанные на технологиях ресэмплинга и вариациях метода Монте-Карло, использующих цепи Маркова, позволяя в большей степени компенсировать влияние описанных выше факторов.

Однако данная методика в оригинальном виде не учитывает эффект от использования современных препаратов, позволяющих контролировать течение заболевания в ВИЧ-инфицированных и препятствующих развитию у них СПИД. Данные препараты, широко использующиеся как в развивающихся, так и в развитых странах, не только увеличивают ожидаемую продолжительность жизни ВИЧ-инфицированных, но и на порядок снижают шанс заражения ими других индивидуумов [21], что требует значительных корректировок существующих эпидемиологических моделей. Некоторые исследователи считают, что из-за этих и некоторых других проекционные модели, основанные на ретроспективных данных об уровнях заражения ВИЧ-инфекцией, следует считать потенциально ненадёжными и поверять их резуль-

таты с использованием альтернативных моделей [22].

Кроме того, в ряде исследований недостатки ретроспективных проекционных моделей, использующих традиционные параметры оценки эпидемий (уровни заражённости ВИЧ-инфекцией, распределение инкубационных параметров, количество больных СПИД на душу населения) предполагается нивелировать, используя иные критерии – к примеру, путём использования в качестве ключевого параметра уровней ВИЧ-позитивности и альтернативных проекционных методов [20].

Базовая демографическая модель строится на применении уравнения демографического баланса с использованием возрастных когорт. При этом расчёты проводятся отдельно для мужской и для женской части населения. В качестве размерности когорты выбирается 5-летний период, за исключением заключительной возрастной когорты 85+, не имеющей верхнего ограничения на возраст. Численность нулевой возрастной группы определяется на основании прогноза годового числа рождений и младенческой смертности. Годовое число рождений рассчитывается исходя из численности женщин фертильного возраста (в различных возрастных группах) и возрастных коэффициентов рождаемости. Для распределения рождений по критерию пола используется относительная доля мальчиков среди родившихся.

Для целей данной модели уравнение демографического баланса принимает следующий вид:

$$Pe = Pb + B - D + Mi + Mo, \quad (1)$$

Где Pe – популяция на конец текущего года; Pb – популяция на начало текущего года; B – количество новорожденных в текущем году; D – количество смертей в текущем году; Mi – прирост населения за счёт миграционного притока в текущем году; Mo – убыль населения за счёт миграционного оттока в текущем году.

Данные расчёты проводятся для каждой из возрастных когорт, причём отдельно для мужских и женских когорт. Вычисления ведутся в разрезе лет, по результатам каждой 5-летней итерации происходит перемещение выжившей популяции из текущей возрастной когорты в следующую, за исключением крайней возрастной когорты 85+, перемещений из которой не производится. В целях корректировки на основе результатов дополнительных моделей мы используем как поправочные коэффициенты социально значимых заболеваний, влияющие на выживаемость и переход в каждой возрастной когорте, так и альтер-

нативные методики, влияющие на агрегатные результаты модели в целом, т.е. на общее количество выживших на год T .

Шаг вычислений с корректировкой для отдельно взятого заболевания выражается так:

$$Pde = Pdb + \alpha Pb \quad (2)$$

$$Pe = Pb + B - D - \beta Pde + Mi + Mo, \quad (3)$$

Где Pde – количество заболевших на конец года; Pdb – количество заболевших на начало года; α – коэффициент заболеваемости; β – коэффициент смертности среди поражённых заболеванием.

Поверку результатов применения модели нами предполагается осуществлять на данных Росстата по естественному приросту населения и уровням заболеваемости социально значимыми недугами. Для калибровки и проверки модели предполагается использовать период с 2000–2017, для применения – 2018–2023.

Предлагается использовать модель, основывающуюся исключительно на данных о количестве зарегистрированных больных ВИЧ и о смертности среди зарегистрированных больных ВИЧ, представленных в разрезе лет. Эти данные за 2000–2016 гг. уже имеются в открытом доступе для всех регионов РФ, впоследствии модель можно будет применить для прогнозирования влияния вклада ВИЧ/СПИД в экономическую и демографическую безопасность. При этом вводятся следующие предположения:

1. Количество заболевших в год n зависит от количества заражённых в году $n-1$. Данный параметр предполагается варибельным и прогнозируется с помощью авторегрессионной (AR-)модели с шагом в 1 год.

2. Смертность среди заражённых ВИЧ/СПИД является переменной, подверженной влиянию независимых (т.е. не входящих в число параметров, описывающих эпидемиологическую модель) факторов и аппроксимируется с помощью линейной модели скользящего среднего.

При этом количество инфицированных по состоянию на год n (Nn) является расчётной величиной и вычисляется следующим образом:

$$Nn = In - (I(n-1) - Dn) \quad (4)$$

Где Nn – количество инфицированных по состоянию на год n ; In – число инфицированных по состоянию на год n ; $I(n-1)$ – число инфицированных на год $(n-1)$; Dn – количество умерших в год n .

При использовании для проекции численности трудоспособного населения когортная мо-

дель с использованием коррекции по числу ВИЧ/СПИД-инфицированных предполагает коррекцию численности естественной убыли населения на проецируемую численность умерших, вычисленную на основе прогноза роста общего числа инфицированных.

Естественным недостатком данной модели может казаться предположение о том, что рост количества инфицированных подчиняется линейной модели и не подвержен внезапным всплескам, а более точная модель роста количества ВИЧ-инфицированных может описываться и полиномиальными моделями высших степеней, и даже экспоненциальными приближениями. Однако данную модель вполне можно применить к другим социально значимым недугам, распространение которых хотя и зависит от априорного распределения, но при этом не носит эпидемиологического/пандемического характера (в качестве примера можно привести вирусные гепатиты и наркозависимость, распространение которых описывается в том числе параметрами заражения и вовлечения соответственно).

В целом данную модель можно рассматривать как переходный этап между базовой демографической и стохастическими моделями ВИЧ/СПИД-инфицирования; кроме того, её применение по отношению к другим социально значимым заболеваниям позволит уточнить результаты и стохастической модели. При этом заболевания, динамика которых не может быть описана в терминах инфицирования/вовлечения (например, сердечно-сосудистые заболевания) в первом приближении предполагается моделировать, положив общее количество заболевших независимой переменной, не содержащей авторегрессионного компонента.

Результаты расчётов

Сравнение прогнозных значений естественного прироста населения с корректировкой на ВИЧ/СПИД-факторы и без таковой показывает потенциально существенное влияние заболевания на демографическую картину Свердловской и Челябинской областей (Таблица 2). Увеличение прогнозных темпов снижения численности населения усиливает и без того негативную демографическую картину регионов. В то же время для Курганской области наблюдаются относительно невысокие расхождения прогнозных траекторий (Таблица 2). Основываясь на полученных данных для Курганской области, нельзя считать регион благополучным – малый наблюдаемый эффект влияния ВИЧ/СПИД и связанных с ними заболеваний вполне может объясняться высокой латент-

Таблица 2

Прогноз изменения общей численности населения и численности трудоспособного населения для Свердловской, Челябинской и Курганской областей до 2025 года с учетом влияния ВИЧ/СПИД, тыс. чел

Table 2

Forecast of Changes in the Total Population and the Number of Able-Bodied Populations for Sverdlovsk, Chelyabinsk and Kurgan Regions until 2025, Taking into Account the Impact of HIV / AIDS (thousands)

Год	Общая численность населения		Численность трудо- способного населения с учетом вклада ВИЧ/СПИД	Общая численность населения		Численность трудо- способного населения с учетом вклада ВИЧ/СПИД	Общая численность населения		Численность трудо- способного населения с учетом вклада ВИЧ/СПИД
	без уче- та ВИЧ/ СПИД	с учетом вклада ВИЧ/ СПИД		без уче- та ВИЧ/ СПИД	с учетом вклада ВИЧ/ СПИД		без уче- та ВИЧ/ СПИД	с учетом вклада ВИЧ/ СПИД	
Свердловская область			Челябинская область			Курганская область			
2018	4 325	4 322	2 231	3 497	3 494	1 801	851	850	409
2019	4 321	4 311	2 485	3 493	3 482	2 010	847	846	460
2020	4 315	4 297	2 448	3 488	3 467	1 983	843	841	447
2021	4 309	4 278	2 413	3 481	3 449	1 956	840	836	435
2022	4 301	4 256	2 381	3 474	3 428	1 933	836	830	424
2023	4 292	4 234	2 338	3 466	3 406	1 894	832	824	412
2024	4 282	4 208	2 319	3 456	3 382	1 879	829	818	400
2025	4 272	4 178	2 306	3 447	3 355	1 869	825	811	392

Результаты расчётов авторов.

ностью показателей заболеваемости и смертности, которая в свою очередь может быть вызвана недостаточной эффективностью региональных программ по мониторингу и поддерживающему лечению ВИЧ/СПИД-инфицированных.

Изменения численности трудоспособного населения в прогнозируемом периоде демонстрируют схожую динамику, хотя импакт от исследуемых факторов скрадывается увеличением пенсионного возраста в рамках пенсионной реформы.

Изменение темпов прироста населения находит своё отражение и в прогнозных значениях интегрального индекса демографической безопасности, который на прогнозируемом периоде смещается на одну или две кризисных зоны и остаётся в районе интервалов К2-К3.

Заключение

В рамках борьбы с распространением ВИЧ-инфекции необходимо усовершенствование в сфере профилактики, в том числе перинатального ин-

фицирования, раннего выявления ВИЧ-инфекций, оказания медицинской помощи.

В рамках профилактики ВИЧ-инфекции необходимо обеспечить широкий доступ к тестированию особенно для взрослого населения в возрасте 18-49 лет. Для обеспечения расширения объёмов тестирования на ВИЧ-инфекцию необходимо увеличение федерального и регионального финансирования.

Обеспечение комплексного подхода при оказании медицинской, психологической и социальной помощи страдающим ВИЧ-инфекцией и сопутствующими с ним заболеваниями. Увеличение охвата применения антиретровирусной терапии на всех стадиях заболевания. Проведение эффективной работы по социальной адаптации и реабилитации лиц, живущих с ВИЧ-инфекцией, их правовой поддержки. Проведение мероприятия по снижению заболеваемости туберкулёзом ВИЧ-инфицированных.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-010-00493 «Долгосрочные социально-демографические тренды в развитии регионов России: эффективность функционирования социальной сферы и ее адаптация».

Список литературы

1. Бородинкина О.И. Социальный контекст эпидемии ВИЧ / СПИДа в России // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 151-176.
2. Единый информационный портал профилактики и борьбы со СПИД [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://livehiv.ru/biblioteka/epidsituatsiya/> (дата обращения 20.08.2019).
3. ВИЧ-инфекция в Российской Федерации за 2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hivrussia.info/dannye-po-vich-infektsii-v-rossii/> (дата обращения 20.08.2019).
4. Государственный доклад Защита прав потребителей в Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospotrebnadzor.ru/deyatelnost/epidemiological-surveillance/> (дата обращения 20.08.2019).
5. Колбин А.С., Курылев А.А., Мусатов В.Б., Яковлев А.А. Международные данные фармакоэкономических исследований при ВИЧ-инфекции. // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2012. Т. 4. №2. С. 124-132.
6. Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований РФ. Ч. 1, 2: Методические положения диагностики экономической безопасности территорий регионального уровня. Пороговые уровни индикаторов экономической безопасности территорий регионального уровня / А. И. Татаркин [и др.] Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2001. 71с.
7. Кривенко Н.В. Система управления организационно-экономическими изменениями в сфере здравоохранения // Экономика региона. 2013. № 1 (33). С. 149-157.
8. Нечаева О.Б., Подымова А.С. Влияние ВИЧ-инфекции на демографическую ситуацию в России // Медицинский альманх. 2018. №1. С. 6-16.
9. Подымова А.С., Баскакова И.В., Баландина М.С. Оценка социально-экономических потерь от преждевременной смертности населения от ВИЧ-инфекции // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 4. С. 1341-1355.
10. Социально-демографическая безопасность территорий муниципального уровня / под ред. А. А. Козицина, А. А. Куклина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 194 с.
11. Социально-экономическое положение России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/social/osn-01-2019.pdf (с. 238, дата обращения 20.08.2019).
12. Татаркин А.И., Кривенко Н.В., Кузнецова Н.Л. Дialeктика рационального управления изменениями в региональных социальных системах // Экономика региона. 2015. № 2 (42). С. 125-136.
13. Татаркин А.И., Куклин А.А. Изменение парадигмы исследований Экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. №2. С. 25-39.
14. Ускорение: прекращение эпидемии СПИДа к 2030 году [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/JC2686_WAD2014report_ru.pdf (дата обращения 20.08.2019).
15. Численность населения. «Регионы России. Социально-экономические показатели» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm.
16. Экономическая безопасность Свердловской области / Под науч. ред. Г.А. Ковалевой и А.А. Куклина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 455 с.
17. Экономические и клинические вопросы ВИЧ-инфекции / Балтийский медицинский образовательный центр [под ред. Н. А. Белякова] Санкт-Петербург. 2014 г. 210 с.
18. Adrian E. Raftery, Le Bao. Estimating and Projecting Trends in HIV/AIDS Generalized Epidemics Using Incremental Mixture Importance Sampling // Biometrics. – 2010. – vol. 4(66). – pp. 1162-1173.
19. Chen X. Understanding the development and perception of global health for more effective student education // The Yale journal of biology and medicine. – 2014. – Т. 87. – №. 3. – С. 231-240.

References

1. Borodkina O. I. Social'nyy kontekst jepidemii VICH / SPIDa v Rossii // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki - 2008. - T. 6. - No. 2. - P. 151-176.
2. Edinyj informacionnyj portal profilaktiki i bor'by so SPID [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <http://livehiv.ru/biblioteka/epidsituatsiya/> (data obrashheniya 20.08.2019).
3. VICH-infekcija v Rossijskoj Federacii za 2018 g. [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <http://www.hivrussia.info/dannye-po-vich-infektsii-v-rossii/> (data obrashheniya 20.08.2019).
4. Gosudarstvennyj doklad Zashhita prav potrebitelej v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <https://rospotrebnadzor.ru/deyatelnost/epidemiological-surveillance/> (data obrashheniya 20.08.2019).
5. Kolbin A. S., Kurylev A. A., Musatov V. B., Yakovlev A. A. Mezhdunarodnye dannye farmajekonomicheskikh issledovaniy pri VICH-infekcii. // VICH-infekcija i immunosupressii. - 2012. - Vol. 4-No. 2. - P. 124-132.
6. Kompleksnaja metodika diagnostiki jekonomicheskoy bezopasnosti territorial'nyh obrazovaniy RF. Ch. 1, 2: Metodicheskie polozheniya diagnostiki jekonomicheskoy bezopasnosti territorij regional'nogo urovnja. Porogovyje urovni indikatorov jekonomicheskoy bezopasnosti territorij regional'nogo urovnja / A. I. Tatarkin [i dr.] - Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN. - 2001-71 p.
7. Krivenko N. Sistema upravleniya organizacionno-jekonomicheskimi izmenenijami v sfere zdavoohranenija // Jekonomika regiona. - 2013. - № 1 (33). - pp. 149-157.
8. Nechaeva O.B., Podymova A. S. Vlijanie VICH-infekcii na demograficheskuyu situaciju v Rossii // Medicinskij al'jans. - 2018. - №1. - pp. 6-16.
9. Podymova A. S., Baskakova I. V., Balandina M. S. Ocenka social'no-jekonomicheskikh poter' ot prezhdvremennoj smertnosti naselenija ot VICH-infekcii // Jekonomika regiona. - 2018. - Vol. 14, vol. 4. - P. 1341-1355.
10. Social'no-demograficheskaja bezopasnost' territorij municipal'nogo urovnja/ pod red. A. A. Kozicina, A. A. Kuklina. - Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN, 2008 - 194 s.
11. Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Rossii [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/social/osn-01-2019.pdf (s. 238, data obrashheniya 20.08.2019).
12. Tatarkin A. I., Krivenko N. V., Reznetsova N. Dialektika racional'nogo upravleniya izmenenijami v regional'nyh social'nyh sistemah // Jekonomika regiona - 2015. - № 2 (42). - pp. 125-136.
13. Tatarkin A. I., Kuklin A. A. Izmenenie paradigmy issledovaniy Jekonomicheskoy bezopasnosti regional' // Jekonomika regiona. - 2012. - №2. - S. 25-39.
14. Uskorenie: prekrashhenie jepidemii SPIDa k 2030 godu [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/JC2686_WAD2014report_ru.pdf (data obrashheniya 20.08.2019).
15. Chislennost' naselenija. «Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskije pokazateli» [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm.
16. Jekonomicheskaja bezopasnost' Sverdlovskoj oblasti / Pod nauch. red. G.A. Kovalevoj i A.A. Kuklina - Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. - 2003. - 455 p.
17. Jekonomicheskije i klinicheskie voprosy VICH-infekcii/ Baltijskij medicinskij obrazovatel'nyj centr [pod red. N. A. Beljakova] Sankt-Peterburg. - 2014-210 p.
18. Adrian E. Raftery, Le Bao. Estimating and Projecting Trends in HIV/AIDS Generalized Epidemics Using Incremental Mixture Importance Sampling. Biometrics. - 2010. - vol. 4(66). - pp. 1162-1173.
19. Chen X. Understanding the development and perception of global health for more effective student education // The Yale journal of biology and medicine. - 2014. - T. 87. - №. 3. - C. 231-240.
20. C. Nagaraja Rao, T. Srivenkataramana. Projection of HIV infections in India: An Alternative to Back-calculation. //

20. C. Nagaraja Rao, T. Srivenkataramana. Projection of HIV infections in India: An Alternative to Back-calculation. // Current Science. – 2001. – vol. 81, no. 10. – pp. 1302–1307.
21. Kumi Smith, Kimberly A. Powers, Angela D.M. Kashuba. Cohena. HIV-1 treatment as prevention: the good, the bad, and the challenges// Current Opinion in HIV and AIDS. – 2011 - issue 4(6). – pp. 315–325.
22. Kylie-Ann Mallitt, David P. Wilson, Ann McDonald. Is Back-Projection Methodology Still Relevant for Estimating HIV Incidence from National Surveillance Data? // Open AIDS Journal. – 2011. - issue 6. - pp. 108–111.
23. Merson M. H., Black R. E., Mills A. J. Global health. – Jones & Bartlett Publishers, 2011.
24. Number of people (all ages) living with HIV Estimates by WHO region [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.22100WHO?lang=en#> (дата обращения 20.08.2019).
25. Theodore K. HIV/AIDS in the Caribbean: economic issues—impact and investment response// Commission on Macroeconomics and Health Working Paper Series, Paper No. WG1:1 -2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/hiv/impact/chap8.pdf> (Дата обращения 20.08.2019).
26. Tramarin A., Campostrini S., Postma M.J. A multicentre study of patient survival, disability, quality of life and cost of care// Pharmacoeconomics. - January 2004. – V. 22. – Is. 1. - pp 43–53.
- Current Science. – 2001. - vol. 81, no. 10. - pp. 1302–1307.
21. Kumi Smith, Kimberly A. Powers, Angela D.M. Kashuba. Cohena. HIV-1 treatment as prevention: the good, the bad, and the challenges// Current Opinion in HIV and AIDS. – 2011 - issue 4(6). - pp. 315–325.
22. Kylie-Ann Mallitt, David P. Wilson, Ann McDonald. Is Back-Projection Methodology Still Relevant for Estimating HIV Incidence from National Surveillance Data? // Open AIDS Journal. – 2011. - issue 6. - pp. 108–111.
23. Merson M. H., Black R. E., Mills A. J. Global health. – Jones & Bartlett Publishers, 2011.
24. Number of people (all ages) living with HIV Estimates by WHO region [Jelektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.22100WHO?lang=en#> (data obrashhenija 20.08.2019).
25. Theodore K. HIV/AIDS in the Caribbean: economic issues—impact and investment response// Commission on Macroeconomics and Health Working Paper Series, Paper No. WG1:1 -2001. [Jelektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/hiv/impact/chap8.pdf> (data obrashhenija 20.08.2019).
26. Tramarin A., Campostrini S., Postma M.J. A multicentre study of patient survival, disability, quality of life and cost of care// Pharmacoeconomics. - January 2004. – V. 22. – Is. 1. - pp 43–53.

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема идентичности информатизированного человека с точки зрения интертекстуализма

The Problem of Identity of an Informatized Person by the Viewpoint of Intertextualism

Получено 10.09.2019 Одобрено 17.11.2019 Опубликовано 09.11.2019 УДК: 141.78

DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10087

ПЫЛЬКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат философских наук, доцент Кафедры общественных наук ГИ СПбПУ Петра Великого
Email: apylkin@yandex.ru

PYLKIN, ALEXANDER ALEXANDROVICH

PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Social Sciences, St. Peter the Great University
Email: apylkin@yandex.ru

СОКОЛОВА НИНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат философских наук, доцент Кафедры общественных наук ГИ СПбПУ Петра Великого
Email: alonsa@inbox.ru

SOKOLOVA, NINA ALEKSANDROVNA

PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Social Sciences, St. Peter the Great University
Email: alonsa@inbox.ru

Аннотация

Объект исследования. Идентичность информатизированного человека.

Предмет исследования. Коммуникативная идентичность в коммуникативной среде, развёртывающейся на принципах интертекстуальности.

Цель. Показать невозможность коммуникативной идентичности в условиях тотальной информатизации общественного бытия согласно принципам интертекстуальности.

Основные положения статьи. Стремительное развитие и распространение информационных технологий привело к кардинальным изменениям общественного бытия человека. Идентичность человека как существа, вступающего во взаимодействие с себе подобными, оказалась под вопросом. В качестве наиболее выдающихся параметров информатизированного общества выступают гиперинформированность, атомизация и редуцированный характер взаимодействия. В связи с этим, идентичность информатизированного человека рассматривается с точки зрения постструктуралистской концепции интертекстуальности. Последняя выступает своего рода идеологией информатизированного общества. В XX в. сознание, со времён Декарта выступавшее основным идентификатором западноевропейского индивида, становится языковым сознанием. Семиотика показала, что субъект это лишь фиксированное место в системе языка. В 60-е годы XX в. постструктуралисты снимают эту фиксацию. Они демонстрируют, что на самом деле язык – не закрытая, а открытая система: постоянно пишущийся текст. С точки зрения постструктуралистской концепции интертекстуальности человек лишь подвижный фрагмент непрерывно воспроизводящегося гипертекста. Причём текст, являясь овеянным в системах телекоммуникаций средой общения, маркирует отчуждение индивида и имеет явно фетишистский характер. Встреча языкового сознания с языковым фактом на самом деле обнаруживает диалогическую природу смысла. Смысл любого текстового объекта определяется как функция взаимодействия с прошлыми, настоящими и будущими текстовыми смысловыми блоками, представителем которых является взаимодействующее с этим объектом сознание. Акт коммуникации втягивает субъекта в процесс диалогического становления, в котором смысловое единство оказывается рассеянным. В таких условиях общение как основа коммуникации и идентичности оказывается проблематичным. Даже в творческом акте, направленном на оформление сообщения, не удаётся преодолеть выразительный зазор между отчуждённым, атомизированным индивидом и автономной информационной средой. Коммуникация в информационном обществе сведётся к бессодержательному сообщению «смотрите – я существую», которое остаётся без ответа.

Abstract

The Object of the Study. Identity of an informatized person

The Subject of the Study. Communicative identity in communicative environment based on principles of intertextuality.

The Purpose of the Study is demonstrating the impossibility of communicative identity in the situation of totally informatized public being in accordance with the principles of intertextuality.

The Main Provisions of the Article. Swift evolution and dissemination of the information technology have led to radical changes in human's public being. The identity of a human being as a being who communicates with one's own kind become questionable. Philosophical basis of information society can be found in the poststructuralism. Hiperawareness, fragmentation and reduced interaction can be pointed out as the most important parameters of informatized society. In that regard, an identity of informatized human being is considered from the point of view of the poststructuralistic conception of intertextuality. The last one serves as a kind of ideology of informatized society. The consciousness that since Rene Descartes had been the main identifier of a West European individual, became in the 20th century the linguistic consciousness. Semiotics has shown the subject is merely a fixed place in the system of language. In the sixties poststructuralists deleted that fixation. They demonstrated that a language is an open system, not a closed one. From the viewpoint of the poststructuralistic conception of intertextuality a human being is a merely mobile fragment of a constantly reproducing hypertext. While a text that represents itself in the system of telecommunications as objectified communicative environment marks individual's alienation and clearly has fetish nature. The encounter of linguistic consciousness with a linguistic fact actually reveals the dialogic nature of meaning. The meaning of any textual object is defined as a function of interaction with the past, present and future text semantic blocks, the representative of which is consciousness interacting with this object. Communication act draws the subject into the process of dialogical formation, in which the semantic unity is dispersed. Under these conditions a message as the basis of communication and identity has become problematic. Even a creative act of forming a message is unable to overcome the gap between alienated atomized individual and autonomous information environment. Communication in information society tends to become barren message: «Look! I do exist!» with not an answer come back.

Ключевые слова: информатизированный человек; идентичность; интертекстуальность; коммуникативная среда; фетишизм; идеология; сообщение.

Keywords: an informatized human being; information society; identity; intertextuality; a communicative sphere; fetishism; ideology; a message.

Введение

Человек существо общественное, и как таковой идентифицирует себя в общении с себе подобными. Начало тематизации проблемы идентичности положено в первой половине XX в. в трудах психоаналитиков, экзистенциалистов и представителей философской герменевтики в связи с кризисом европейского субъекта. Однако наиболее остро данная проблема встала перед человеком сравнительно недавно, что обусловлено стремительной информатизацией человека, осуществившейся на протяжении второй половины XX–XXI в. в связи с появлением и повсеместным распространением информационных систем и технологий. Так, согласно данным Росстата численность пользователей сети Интернет в России на 2018 год составила 76 % населения старше 15 лет, что на 10 % больше в сравнении с 2013 годом [12]. Следовательно на родной почве вполне различим данный проблематический горизонт.

С антропологической точки зрения, главная особенность внедрения информационных систем состоит в том, что «технология выносит наружу ту мгновенную обработку информации, которая долгое время происходила внутри нашей нервной системы» [17, с. 401]. Основываясь на принципе синхронизации передачи информации (когда пространственно независимые агенты процесса одновременны во времени), создается глобальная сеть, являющаяся технологическим расширением нервной системы человека. Переход от более ранних технических форм и способов обмена информацией к таким «расширительным» технологиям предполагает установление «обратной связи»: там, где был односторонний информационный поток, или линейная последовательность, появляется «информационная петля, или цепь» [17, с. 408]. В отличие от механических систем, в которых энергия и выполняемая работа напрямую связаны друг с другом, в кибернетических системах источник энергии отделен от процесса – процесса перевода информации [17, с. 402], а значит интенсивность состояния индивида, вступившего в коммуникацию, полностью нивелируется скоростями передачи информации об этом состоянии. Возникает проблема. Не оказываются ли все агенты обмена информацией своего рода нейронными скоплениями, частями общего экстернизированного мозга коммуницирующего социума, а сама коммуникация – сетью безличных энергетических возмущений в нем?

Начиная со второй половины XX века в работах теоретиков разной научной спецификации (от философов и культурологов до экономистов и кибернетиков) не прекращается – как правило в футурологическом ключе – тематизация социума, основные сферы бытия которого информатизированы. Для такого рода феномена предлагаются различные термины: постиндустриальное общество (Д. Белл), информационное общество (Й. Масуда), электронное общество «глобальной деревни» (М. Маклюэн), общество сетевых структур (М. Кастельс) и др. Однако принятие за исходную точку некой предположенной, субстантивированной социальной реальности, некоего «общества», которое якобы претерпевает техногенные трансформации, заслоняет от исследователей саму природу связей между индивидами, вступающими в общение, т.е. саму природу общества [15, с. 11–42]. Вследствие этого остаются в тени наиболее выдающиеся аспекты бытия информатизированного человека.

На наш взгляд они таковы. Первое, и главное, – изменяется сама природа связей между индивидами: в информатизированном обществе «общение» становится «коммуникацией», обмен информацией в форме сообщения. Причем в условиях тотального распространения информационных технологий неvirtуальное взаимодействие всё чаще редуцируется к коммуникативной модели информационного обмена [20, с. 41–97]. Интенсивность сетевой коммуникации маргинализирует «экзистенциальное» взаимодействие, позволяя – в виду относительной медленности последнего – отбросить все константы живого диалога как незначимые (как это, например, проявляется в современной форме его бытования – в ток-шоу). Второе, это стремительно нарастающая атомизация и разрушение любых «неинформативных» культурных связей, что обусловлено всё большей доступностью и простотой интерфейса персональных средств интерактивной коммуникации. И, наконец, третье, это гиперинформированность. Индивид, в условиях тотальной компьютеризации, вступающий во взаимодействие, не только вовлекается в выжигающий все эффекты присутствия [6, с. 110–114] обмен информацией, но его сообщение оказывается частью перенасыщенной значениями, сверхскоростной среды. Намерение коммуницирующего индивида исчезает в потоке избыточных смыслов, не успевая сформировать смысловой контекст собственного

осуществления. Контекстом всегда оказывается бесконечно разрастающийся мультимедийный гипертекст, «декодировать» из которого сообщение коммуниканта не представляется возможным. Таким образом, сообщение, выступающее своего рода единицей идентификации информатизированного индивида, поглощается средствами сообщения. Как справедливо замечают исследователи, теперь «все сообщения всех видов заключены в средство» [13, с. 351–352].

В свете выше изложенного наиболее адекватно описывающей информатизированное общество неожиданно оказывается постструктуралистская концепция интертекстуальности [14, с. 226–262], в другой интерпретации – текста [1, с. 413–424]. Именно с точки зрения данной концепции удаётся ухватить специфику общества в условиях нарастающей информатизации и зафиксировать наиболее выдающиеся его аспекты: редуцированный характер взаимодействия, атомизацию и гиперинформированность. Вкупе эти факторы делают взаимодействие с Другим – и следовательно обретение индивидом идентичности – проблематичным.

Согласно современным исследованиям в данной области, постмодернизм, и прежде всего его философская основа – постструктурализм, является своего рода общественным сознанием, мировоззрением информационного общества [11, с. 108–128]. В качестве узловых проблематических точек постмодернистской идентичности указываются плюрализм и релятивизм. Однако остается без внимания, что в рамках постструктуралистской концепции текста раскрывается невозможность сообщения в перенасыщенной значениями информационной среде. Поскольку сообщение выступает своего рода единицей построения коммуникативной идентичности, под вопросом оказывается сама возможность обретения идентичности информатизированным человеком.

Проблема идентичности с точки зрения концепции интертекстуальности

В XX в. сознание, со времен Декарта выступавшее основным идентификатором западноевропейского индивида, становится языковым сознанием. Основываясь на структурном методе Фердинанда де Соссюра, семиотика убедительно показывает, что субъект это не что иное, как языковой субъект, т.е. в сущности – лишь некое фиксированное место в системе языка. В 60-е годы XX в. постструктуралистские теоретики интертекстуализма снимают эту фиксацию. Они демонстрируют, что на самом деле язык – не закрытая,

а открытая система: постоянно пишущийся текст [1, с. 416–418]. Таким образом, вслед за Ницше постструктурализм провозглашает исчезновение субъекта в переинтерпретации, а именно – в процессе непрерывного самосозидания текста.

Параллельно развивающаяся философская герменевтика, в пике структурализму и постструктуралистской реакции на него, пытается сохранить идентичность индивида – как субъекта речи, не сводимого к мертвым порядкам языковой структуры, пусть даже и открытой. Да, человек есть лишь композиция прошлых и наличных текстов (в философской герменевтике такое положение дел зафиксировано в понятии традиции), но при этом он всегда остается живым центром понимания [4, с. 163–174]. Именно то, что такое понимание является всегда пониманием единого смысла, обеспечивает идентичность понимающего индивида.

Однако в условиях нарастающей тотализации информационного пространства такого рода попытка сохранить идентичность оказывается проблематичной. Теоретики интертекстуализма указывают на то, что смысловое единство, обеспечивающее общность культурного контекста и историческую значимость текстуального объекта, является идеологической проекцией [14, с. 136–138].

Встреча языкового сознания с языковым фактом на самом деле обнаруживает диалогическую природу смысла. Смысл любого текстуального объекта определяется как функция взаимодействия с прошлыми, настоящими и будущими текстовыми смысловыми блоками, представителем которых является взаимодействующее с этим объектом сознание. Акт коммуникации втягивает субъекта в процесс диалогического становления, в котором смысловое единство оказывается рассеяно [14, с. 166–170]. Однако это не диалог между двумя центрами понимания, между «Я» и «Ты»: с рассеянием единого смысла, обеспечивавшего идентичность понимающего индивида, последний оказывается лишь подвижным фрагментом непрерывно разрастающейся текстуальности [1, с. 416]. По сути, диалог, осуществлявшийся между участниками коммуникации, выражающими свои «мысли», становится функцией саморазвертывающегося порядка выражения, эффектом процессов в автономизированной коммуникативной среде.

Фетишистский характер коммуникации информатизированного человека

Для интертекстуалистов сведение человека к такого рода диалогическому становлению явля-

ется освобождением от идеологических проекций герменевтики и прорывом к имперсональной силовой игре мира, якобы осуществляющейся на оборотной стороне языка [10, с. 352-369]. Однако для вступающего в коммуникацию индивида это означает не только фрагментацию и релятивизацию идентичности, но – приводит к проблематичности коммуникации вообще. Для такого децентрированного «безголосого» индивида оказывается заблокированной сама возможность сообщения. И вот почему. Лишь в рамках тотального овеществления, текстуализации смысл проявляет свою амбивалентность и диалогичность, т.е. – релятивизируется и становится продуктивностью [14, с. 266]. И это с необходимостью влечёт за собой фетишизацию языкового сознания – оно становится открытым к производству дополнительного смысла гипертекстом. Такая фетишизация, своего рода «идентификация» с гипертекстом, блокирует возможность сообщения.

Отметим, что когда речь идет о языковой реальности как тексте, о первичности графемы перед фонемой (что неминуемо разрушает «до-текстовую» понимающую идентичность человека), не следует сводить факт текстуализации языковой активности к графической фиксации речи. Как указывает Деррида [9, с. 120–121], само понятие текста следует брать в ускользающе-изначальном смысле: лат. *textus* – ткань; сплетение, сочетание. Т.е. речь идет о непрестанном формировании смысла в процессе сочетания некоторых простейших материальных элементов. Таковыми являются, в том числе и длинные и короткие сигналы в двоичном коде. Поэтому само понятие «текста» так или иначе подразумевает гомогенный мультимедийный гипертекст, включающий в себя не только собственно вербальную графическую информацию, но и аудио-визуальную составляющую общей коммуникативной ткани [13, с. 314–315].

Собственно, фетишистский аспект коммуникации представлен субстратом коммуникативной среды – разветвленной сетью модифицируемой вычислительной техники. В процессе коммуникации человек отчуждается от смысла сообщения, который помимо его воли воспроизводится из взаимодействующих в нём прошлых и настоящих смысловых блоков. Последние же оказываются лишь эффектами непрерывных циркуляций нулей и единиц, коротких и длинных сигналов в мировой «паутине», опредмеченной в удобных электронных гаджетах.

Следует вспомнить, что, как таковая, проблема овеществления людей в процессе их общения поставлена ещё Марксом [16, с. 69–82]. Фетиши-

зация, одушевление техники – в том числе, когда последняя сводится к порядку вычислительной техники, этому субстрату коммуникативной среды – своей оборотной стороной имеет овеществление человека. Отметим, что первостепенное значение в такой фетишизации принадлежит фактору скорости [2, с. 130–131]. Именно скорость передачи информации заставляет электронный гаджет лучиться перверсивной одушевленностью. Аналогично с тем, как количество овеществляемого в товаре труда съедает его созидательную, качественную сторону, так скорость сообщения нивелирует коммуникативное намерение вступающего в общение индивида.

Близкие к световым скорости передачи сообщения интенсифицируют коммуникацию, редуцируя константы живого взаимодействия, такие как запах, тактильность, молчание, суггестия взгляда, к информационному шуму, к помехам. Причем такого рода информационная интенсивность реализуется и в неvirtуальных модусах общения, сводя последние к скоростному обмену сообщениями. Эффекты присутствия полностью устраняются в пользу разгоняемых до световых скоростей эффектов значения, а вещественный аспект взаимодействия [6, 108–114] деградирует к фетишистскому переживанию общения с экраном.

«Текст» постструктуралистов был своего рода философской метафорой, пока наконец не получил фетишистское воплощение в повсеместно распространившихся информационных системах и технологиях. Причем данная метафора обладала критическим потенциалом, который проявлялся в деструкции герменевтических идеологем «единства понимания» и «консенсуса», пока сама она не стала одной из ключевых идеологем «информационного общества».

В итоге, с точки зрения концепции интертекстуальности, всё, на что может рассчитывать человек (если о таковом вообще еще может идти речь), это лишь некий иллюзорный прорыв к стихийной игре мировых сил, которая на деле оказывается интенсивностью скоростных информационных потоков. Любые попытки общения в условиях тотального интертекстуального опосредования обречены стать воспроизводством гипертекста, овеществляющегося в ещё одном текстовом фрагменте на экране персональной машины связи. Смысл этого фрагмента рассеивается в диалоге с другими смыслами, что соответствует динамической открытости и своего рода автономности коммуникативной среды [19].

Говоря словами Маркса, идеологическая, надстроечная структура «интертекстуализма», с одной стороны, и базисный, производственный

уклад «информационных технологий» – с другой, поддерживают социальную реальность «информационного общества». Последнее в свою очередь стимулирует функционирование и развитие «информационных технологий» и воспроизводство идеологии «текста», таким образом закрепляя отчуждение индивида в фетишистском разворачивании его несостоявшейся коммуникации. Или, перефразируя Дебора: информация есть основное производство современного общества, это экономика, развивающаяся ради самой себя.

Производство «нового» как попытка обретения идентичности

Что же на деле выступает в роли заместителя понимающей идентичности индивида? Что позволяет оставаться такому деперсонифицированному фрагменту «участником» коммуникации, то есть – быть находимым и заметным в унифицированном смысловом поле гипертекста?

Единство текстовому фрагменту обеспечивает его концептуальный строй, выделяющий его в общем пространстве текстуальности и гарантирующий его «понимательную» плотность, вызывающую к понятийной дешифровке. Критерием востребованности концептуального смысла оказывается его новизна. Это и обеспечивает деперсонифицированному текстовому фрагменту референцию – к реальности отсылает лишь то, что предоставляет новый дополнительный смысл. Другими словами, лишь творческая инвестиция в такую автономную коммуникативную среду может претендовать на сообщение, еще отсылающее к внетекстовой реальности того, кто это сообщение посылает [19].

Делёз и Гваттарри в своей работе «Что такое философия?» высказывают опасения по поводу того, что производство концептов, являющееся по мнению авторов исключительно вотчиной философии, все более и более захватывается не только смежными дисциплинами, но и различными сферами медиа [8, с. 25–48]. По-видимому, можно констатировать, что опасения их были не напрасны, а также, что сбылось, наконец, предсказание, данное Ги Дебором: современный уровень развития информационных технологий сделал возможным воплощение «спектакля», который как известно «философизует реальность», когда «конкретная жизнь каждого вырождается в умоглядный космос» [7, с. 27]. В качестве иллюстративного примера существования индивидов в таком виртуальном потребительском космосе можно указать на широко представленный в современной сетевой реальности феномен онлайн-игр и сетевых сообществ вокруг них, от шу-

теров типа «World of Tanks» до игр стратегического планирования наподобие «Forge of Empires». Погруженный в концептуально сконструированный мир индивид не просто исключен из коммуникации, а всякое его сообщение сведено к функциональному перераспределению конфигурации игрового пространства, – но вообще любая его активность блокирована и не достигает статуса эмпирического взаимодействия с действительностью. Последнее утверждение не ограничивается мирами компьютерных игр – его можно распространить и на миры политические, географические, экономические, культурные и пр.

Можно предположить, что творческая активность, т.е. установка на созидание нового, еще не бывшего, могла бы спасти коммуникацию. В самом деле, требование творческого усилия, необходимого для оформления своего сообщения перед лицом унифицирующей коммуникативной среды, автономно «существующей» на принципах интертекстуальности, выглядело бы логичным и приемлемым условием сохранения коммуникации при современной развитости информационных технологий. Однако, как показывает Б. Гройс в своей статье «О новом», сам принцип новизны в современном «творчестве» уже не связан с созиданием. Наподобие писсуара Дюшана новым, заметным становится то, что удастся переправить из сферы повседневности в сакральное пространство «культурного архива» [5, с. 112–245]. Творческой активности не удастся преодолеть этот зазор между атомизированным, изолированным индивидом (профанное) и автономным информационным пространством высоких скоростей (сакральное). Такого рода деградация творчества до производства нового разрушает принцип выразительности [18, с. 51–91], тем самым исключая уникальность индивида и сводя сообщение к бессодержательному «смотрите – я существую!».

Ярким примером такого рода деградации творчества до «производства сообщения», которое обладает достаточной «концептуальностью», чтобы преодолеть сопротивление коммуникативного пространства, может служить современный художественный акционизм, в лице таких его видных представителей в России как, например, арт-группа «Война» или Петр Павленский. Для того, чтобы сформировать достаточно скоростной концепт, способный пробить высокоскоростное коммуникативное пространство глобальной сети и стать сообщением (а не просто воспроизводством отработанных, перекомбинируемых смыслов как это происходит в социальных сетях и медиа) акционист вынужден идти на радикальный жест и предельную интенсификацию сво-

ей экзистенции. Так, чтобы просто сообщить о своей индифферентности к политической жизни акционист Павленский прибегает к акции «Фиксация», а чтобы его, именно его сообщение о себе состоялось – требуется акция «Туша» [3].

Заключение

Итак, в коммуникативном пространстве, утверждающимся с развитием и повсеместным распространением информационных технологий, только «художник» и «философ» в постмодернистском их бытовании – т. е. специалист по производству нового – может рассчитывать на некое квази-сообщение. Любое другое коммуникативное намерение обречено исчезнуть в пото-

ке избыточных смыслов: не успев сформировать смысловой контекст собственного осуществления, оно достигнет реципиента как вновь воспроизведенный в одном из своих бесчисленных фрагментов «текст». Однако, квази-сообщение «художника» тоже не достигнет Другого и поэтому не будет участвовать в формировании идентичности своего актора, являясь лишь пустой, бессодержательной манифестацией его не виртуального существования. Тем более подобное сообщение исключает обратный ответ реципиента, что, в сущности, означает невозможность коммуникации в условиях тотальной информатизации общества, «осознающего» себя как саморазвертывающийся гипертекст.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. 616 с.
2. Вирильо П. Машина зрения. СПб., 2004. 140 с.
3. Все 6 самых известных акций художника Петра Павленского / Мир путешествий: электронный журнал, 2016. Режим доступа к рес. URL: <http://mirputeshstviy.ru/interesno/vse-6-samyh-izvestnyh-akcii-hudojnika-petra-pavlenskogo/> (Дата обращения: 06.08.2019).
4. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., 1988. 704 с.
5. Гройс Б. О новом // Утопия и обмен. М., 1993. 374 с.
6. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М., 2006. 184 с.
7. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. 184 с.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., СПб., 1998. 288 с.
9. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. 511 с.
10. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. 432 с.
11. Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. Монография. М., 2018. 360 с.
12. Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей (обновлено 29.03.2019) / Федеральная служба государственной статистики, 2018. Режим доступа к рес. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html (Дата обращения: 06.08.2019).
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.
14. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. 656 с.
15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. 384 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9-ти т. Т. 7. М., 1987. 811 с.
17. Маклюен Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. 464 с.
18. Пылькин А.А. Экология смысла. Монография. СПб., 2008. 156 с.
19. Пылькин А.А. Критика актуальных концепций языкового сознания // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 4(136)2011. СПб., 2011. С. 243-249.
20. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. 544 с.

References

1. Bart R. Ot proizvedeniya k tekstu // Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M., 1989. 616 s.
2. Viril'o P. Mashina zreniya. SPb., 2004. 140 s.
3. Vse 6 samyh izvestnyh akcij hudozhnika Petra Pavlenskogo / Mir puteshstviy: elektronnyy zhurnal, 2016. Rezhim dostupa k res. URL: <http://mirputeshstviy.ru/interesno/vse-6-samyh-izvestnyh-akcii-hudojnika-petra-pavlenskogo/> (Data obrashcheniya: 06.08.2019).
4. Gadamer H.G. Istina i metod. M., 1988. 704 s.
5. Groys B. O novom // Utopiya i obmen. M., 1993. 374 s.
6. Gumbrecht H.U. Proizvodstvo prisutstiya: chego ne mozhet peredat' znachenie. M., 2006. 184 s.
7. Debord G. Obshchestvo spektaklya. M., 2000. 184 s.
8. Delyoz ZH., Gvattari F. Chto takoe filosofiya? M., SPb., 1998. 288 s.
9. Derrida ZH. O grammatologii. M., 2000. 511 s.
10. Derrida ZH. Pis'mo i razlichie. SPb., 2000. 432 s.
11. Emelin V.A. Identichnost' v informacionnom obshchestve. Monografiya. M., 2018. 360 s.
12. Itogi federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya po voprosam ispol'zovaniya naseleniem informacionnyh tekhnologij i informacionno-telekommunikacionnyh setej (obnovleno 29.03.2019) / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki, 2018. Rezhim dostupa k res. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html (Data obrashcheniya: 06.08.2019).
13. Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M., 2000. 608s.
14. Kristeva YU. Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki. M., 2004. 656 s.
15. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. M., 2014. 384s.
16. Marks K., Engel's F. Izbrannye sochineniya v 9-ti t. T. 7. M., 1987. 811 s.
17. Maklyuen G.M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. M., 2003. 464 s.
18. Pyl'kin A.A. Ekologiya smysla. Monografiya. SPb., 2008. 156 s.
19. Pyl'kin A.A. Kritika aktual'nyh koncepcij yazykovogo soznaniya // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 4(136)2011. SPb., 2011. S.243-249.
20. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. SPb., 2004. 544 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Слово о Святославе Ивановиче Григорьеве

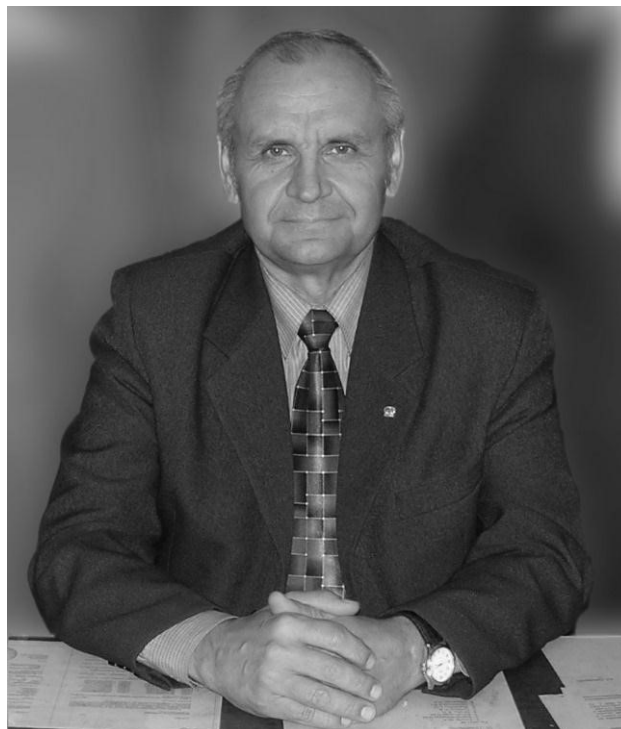
- 1 -

30 октября, этого 2019-го года, ушел из жизни Святослав Иванович Григорьев – выдающийся ученый-социолог нашего времени, глава Сибирской и Алтайской научных социологических школ, член-корреспондент Российской академии образования, академик Петровской академии наук и искусств, Ноосферной общественной академии наук, Нью-Йоркской академии наук, Международной академии информатизации, вице-президент Российской социологической ассоциации, вице-президент Российского общества социологов, вице-президент Союза социологов России, председатель Координационного совета МОО «Объединение социологов России», член правления Международного фонда славянской письменности и культуры, Лауреат Премии Правительства РФ в области образования (2006 г.), Лауреат премии П.А. Сорокина (присужденной Ученым Советом МГУ им. М.В. Ломоносова).

Святослав Иванович прожил яркую жизнь, оставаясь верным сыном русского народа, духовным воином, патриотом, «Рыцарем Правды». Он являл собой идеал гармоничного универсального русского человека, о котором еще в 30-х годах XIX века писал Николай Васильевич Гоголь в статье об Александре Сергеевиче Пушкине. Он любил Россию, Советский Союз, любил свою «малую родину» – Алтайский край, гордился тем, что он – сибиряк, был активным исследователем, творцом, поднимая на высокий уровень планку культуры социологического исследования и служения правде и истине, красоте и гармонии. Он был моим близким другом, духовным соратником на «идейном поле» разработки и становления ноосферизма, а в его теоретической системе – концепции ноосферного научно-образовательного общества как основы обеспечения управляемой социоприродной эволюции – единственной модели устойчивого развития и выхода России и человечества из Экологического Тупика Истории в форме уже идущих процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

- 2 -

Святослав Иванович Григорьев родился 24 октября 1948 года в селе «Серп и Молот» Сорокинского (Заринского) района Алтайского края в семье сельских интеллигентов. В 1964 году он оканчивает Воскресенскую восьмилетнюю шко-

лу и поступает в Барнаульское педагогическое училище, после окончания которого продолжает учебу уже на историко-филологическом факультете Барнаульского государственного педагогического университета. После окончания вуза в 1972 году он направляется в Алтайский краевой штаб студенческих отрядов, в котором исполнял должность комиссара до ноября 1975 года. В конце 1975 года Святослав Иванович направляется на годичную стажировку в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, которая одновременно становится своеобразным «трамплином» для успешного поступления в аспирантуру на философском факультете МГУ. В 1979 году он досрочно завершает написание кандидатской диссертации по социологии студенческого коллектива, осуществив анализ тенденций развития студенчества в советском обществе за период, охватывающий 1960-е – 1970-е годы. Им впервые была показана положительная роль безвозмездного труда в воспитательном воздействии на студенческие коллективы.

В 1980 – 1983 годах С.И. Григорьев возглавляет лабораторию социологического сопровождения учебно-воспитательного процесса в Алтайском государственном университете, а затем продол-

жает исследования по социологии молодежи в качестве доцента и заведующего кафедрой научного коммунизма в Барнаульском государственном педагогическом университете. В это же время (с 1983 по 1988 годы) он выступает одновременно научным руководителем Алтайского межвузовского центра проблем молодежи при крайкоме ВЛКСМ. Он руководит исследованиями в рамках проекта «Пути поколения», ориентированного на проблематику включения молодежи в социальную структуру советского общества. По результатам исследований публикуется несколько монографий и защищаются первые на Алтае кандидатские диссертации по социологии образования и молодежи, а С.И. Григорьев не только становится лауреатом Премии Комсомола Алтая в области науки в 1984 году, но и приобретает своеобразный «вес» научного лидера по социологии образования и молодежи в Алтае и в Сибири. С 1982 года он возглавляет Алтайский филиал Сибирского объединения Сибирского отделения Советской социологической ассоциации (СО ССА), а в 1984 году становится заместителем председателя Президиума СО ССА, активно сотрудничает с академиком АН СССР Т.И. Заславской и другими известными сибирскими социологами.

- 3 -

В 1988 году Святослав Иванович создает первую в Сибири отраслевую проблемную социологическую лабораторию социального развития молодежи, ставшую в 1990 году основой организации крупнейшего в Сибири и на Дальнем Востоке Социологического факультета, развернутого в Алтайском государственном университете (АГУ) как Учебно-научно-производственный комплекс «Социология, психология и социальная работа». На базе Социологического факультета АГУ начинает работать первый в западно-сибирском регионе специализированный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций, на котором, начиная с 1995 года – года моего знакомства с С.И. Григорьевым и дружбы с ним, – я неоднократно в течение десятилетия (1995 – 2004 гг.) оппонировал кандидатские и докторские диссертации по социальной философии. В 90-е годы он также успешно проводит эксперимент по организации «Колледжа социальных наук».

- 4 -

В 1992 году Святослав Иванович избирается в состав Российской академии образования (РАО), становясь её член-корреспондентом, и научным руководителем Алтайского регионального цен-

тра РАО. А в 1997 году он развёртывает первый в России Институт мониторинга качества региональных образовательных систем СО РАО и создаёт Алтайский филиал Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов, является активным участником организованных мною совместно с директором Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов Надеждой Алексеевной Селезневой, начиная с 1992 года, ежегодных Международных научных симпозиумов «Квалиметрия человека: методология и практика». За период с 1992 года по 2006 год было проведено 11 таких симпозиумов, издано более 40 книг по материалам этих симпозиумов, и Святослав Иванович принимал в них активное участие, занявшись разработкой основ социальной квалиметрии, обеспечивающей необходимое качество социологических исследований.

Именно в этот период под его руководством были разработаны «Основы качества национального социального образования для России XXI века», в которых была представлена программа деятельности Научно-Методического Совета (НМС) по социологии и социальной антропологии в системе Учебно-Методического Объединения (УМО) классического университетского образования РФ, возвращающая отечественное социо-гуманитарное образование на русскую национально-культурную основу, и противостоящая капиталократической (империалистической) глобализации и технократическим (антигуманным и антигуманным) установкам, которые начинали доминировать в российской образовательной политике.

Именно в этот период С.И. Григорьевым разрабатываются теоретическая система «социологии жизненных сил» и метасоциологическое эмпирическое обобщение, получившее название «социокультурный витализм».

В конце 90-х годов мною, на базе разработанных мною теоретических систем ноосферизма, учения об общественном интеллекте, системологии образования, социогенетики, концепции экокультуры как формы Неклассического социоприродного гомеостаза на базе общественного интеллекта, концепции управляемой социоприродной эволюции, и Святославом Ивановичем, на базе уже разработанных социологической теории жизненных сил общества, социокультурного витализма, осуществлена фундаментальная разработка теоретических основ неклассической (ноосферной) социологии – нового направления в развитии социологии как науки в XXI веке.

В 2000 году издается под нашим авторством (С.И. Григорьев и А.И. Субетто) монография «Ос-

новы неклассической социологии». Новые тенденции развития культуры на рубеже XX – XXI веков» (2-е изд., доп. и перераб., М., РУСАКИ, 208 с.; серия «Социология и социальная антропология»). В 2004 году издательством «МАГИСТЕР-ПРЕСС», благодаря усилиям Святослава Ивановича, эта монография была издана на английском языке.

В монографии нами указывалось (с. 25, 26):

«Становление неклассической социологии определяется, прежде всего, общим комплексом научных знаний об обществе во второй половине XX века, императивом выживаемости человечества в XXI веке в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества, тотальной неклассичности – движения от традиционного общества к обществу будущего... Центральным звеном в системе тотальной неклассичности выступает новый человекоцентризм бытия, в котором человек начинает нести ответственность за динамику социоприродной гармонии. «Управление» как императив, а более точно сказать, «управляемость» эволюцией бытия в форме управляемой социоприродной эволюции, становится доминирующей характеристикой неклассичности, противостоящей нынешней стихийной форме бытия, а также философии, её защищающей, как «бытия неуправляемого», стихийности истории, в котором человек, провозгласив себя «господином мира»..., не ведает, что творит...».

В 2010 году под редакцией В.Н. Василенко, С.И. Григорьева, В.И. Патрушева и А.И. Субетто, и со «словом» к читателю губернатора Белгородской области, доктора экономических наук Е. Савченко, была издана монография «Человек и общество: ноосферное развитие» (заслуга в издании этой книги принадлежит нашему общему другу Владимиру Ивановичу Патрушеву), в которой Святослав Иванович представил раздел «Ноосферный облик социологического витализма», в которой «социологию жизненных сил человека и общества» (которую он разрабатывает, как он писал тогда, «последние 20 – 25 лет»), связывает с комплексом вопросов «формирования ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции», т.е. с Ноосферизмом XXI века.

Вместе с С.И. Григорьевым группой ученых ноосферного крыла, в число которых входил и я, автор этого «Слова о С.И. Григорьеве», было написано «Обращение ученых ноосферного крыла к мировому сообществу: разрушение мировой цивилизации в XXI веке еще можно предотвратить», которое было распространено в открытой печати, в том числе опубликовано и в этой монографии. В

этом «Обращении» провозглашалось (с. 463), что «человечеству необходимо объединять свои усилия для героического поведения всех ради только одной глобальной цели – спасения от стремительно приближающегося Апокалипсиса. Других, более легких и мягких (негероических) сценариев у человечества уже не осталось... Выход из мирового глобального кризиса, по-настоящему эффективный и спасительный для людей, только один – переход человеческой цивилизации из старой, давно отжившей свой век онтологии в новую онтологию – аксиологическую конструкцию мироустройства – ноосферную».

Была опубликована и «Декларация общественного движения «Ноосферная Россия». Манифест ноосферной России», в которой утверждалось (с. 465, 466):

«Все сферы общественной жизни, все социальные институты России, в заимствованной с Запада либерально-рыночной, олигархическо-потребительской системе координат, оказались не адекватными целям устойчивого социально-экономического развития... Россия беременна ноосферизмом. Ноосферизм – идеал гармонии человека, общества, природы и космоса, идеал справедливого общественного строя. Ноосферная идеология и ноосферное мировоззрение, ноосферное образование и интеллектуальный человек ноосферного типа Homo noosapiens, устанавливающий гармонические отношения с Биосферой и Планетой Земля как суперорганизмами, частью которых он является, – стратегические цели и приоритеты России».

- 5 -

Святослав Иванович Григорьев, когда в 2009 году была организована Ноосферная общественная академия наук, приветствовал её создание, стал её академиком и активно принимал участие в научных мероприятиях – Ноосферных Северных Форумах и научных конференциях «Ноосферное образование в евразийском пространстве». Одновременно в 90-х годах С.И. Григорьев становится академиком Петровской академии наук и искусств, принимает активное участие в организации Алтайского регионального отделения академии.

Развивая научное направление социологии жизненных сил человека и общества – культурвитализм, Святослав Иванович придает ему такие формы эмпирического обобщения, как отражение в наиболее знаменитых произведениях художественной литературы, в творчестве классиков русской литературы, включая произведения древнерусской литературы, проблем и противоречий социального развития русского

народа и российской цивилизации в целом. Он пишет и издает, например, такие монографии как: «Личность и творчество В.М. Шукшина в общественном мнении населения России начала XXI века» (2017), «Древнерусская литература в изучении и преподавании современной социологии (к вопросу о культуроцентричности интеграции консерватизма и модернизации в современном образовании России)» (2016), «Духовно-культурный, семейно-бытовой, научно-образовательный и гражданский потенциал человека – созидателя русского коммунизма в СССР-России XX – XXI веков» (посвящена деятельности известного на Алтае и в Сибири ученого и педагога, художника и общественного деятеля, профессора Барнаульского государственного университета Бориса Николаевича Трухина; соавторы – Н.А. Матвеева и С.В. Миронова; 2016 год), «Творчество В.М. Шукшина в изучении и преподавании культурологии русского мира» (2010), «Культурология русского мира» (соавтор – Ю.Г. Марченко, 2010 год) и др.

Исходя из принципа культуроцентричности социального образования, Святослава Ивановича поднимает знамя борьбы против космополитичности федеральных государственных стандартов образования на основе засилия компетентностного подхода и установки на рыночную конкурентоспособность выпускников вузов, за которой скрывалось западопоклонство и отрицание достижений советской системы образования и воспитания, особенно в области фундаментального образования специалистов.

Обращаясь к анализу и оценке творчества В.М. Шукшина и других писателей – «деревенщиков», например, В. Белова, Е. Носова, В. Распутина, Ф. Абрамова, А. Яшина и других, он подчеркивает, что творчество этих писателей вдохновляла «любовь и восхищение, тревога за любимый мир своего народа, его культуры, несогласие с разрушением этого мира». «Они – подвижники служения сохранению жизненных сил своего народа, его культуры, работающей на весь мир, на правду жизни. Они – глобально значимые, всемирно ценные сторонники, творцы и слуги русского культурного национализма, призванного возродить мир на основе идей ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции, о которой впервые заговорил наш В.Вернадский, а теперь говорит, пишет и мечтает весь мир» (с. 17, цит. по кн.: «Личность и творчество В.М.Шукшина...», 2017).

- 6 -

В 1996 году при моей организационной поддержке (по просьбе Н.А. Селезнёвой – директо-

ра Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов) была издана монография выдающегося советского и российского ученого Влаиля Петровича Казначеева «Здоровье нации. Просвещение. Образование», в которой, уже в моей теоретической рефлексии, была представлена концепция, важнейшим положением которой служило утверждение: образование и просвещение есть ядровые основания исторического здоровья российской нации, роль которых усиливается в связи кризисом исторического здоровья российского суперэтноса, угрозой самоуничтожения (суицида) русского этноса в XXI веке. Он указывал:

«Недостатки в воспитании последующих поколений, по мысли знаменитого австрийского этолога К. Лоренца, высказанной им по поводу молодежных движений 60-70 годов на Западе, могут быть разрушительными в социальном отношении. Игнорирование воспитания ученых называл одним из «смертных грехов» человечества» (с. 168).

Святослав Иванович Григорьев через культурвитализм, как ядра социологии жизненных сил, фактически развивает эту казначеевскую теоретическую мысль и рефлексии, переводя её в пространство понятийного пространства социальных наук. В монографии «Культурвитализм социологии образования: социально-исторический контекст России XXI века», изданной в Москве (Издательский дом «Магистр-Пресс») в 2016 году, Святослав Иванович указывал, что базовым исследовательским методом виталистской социологии образования является принцип точного определения оптимальной роли образования в интеграции, взаимовлиянии жизненных сил и жизненного пространства государства, его региона или поселения, в формировании социальной структуры населения региона, адекватной потребностям развития всех основных сфер его общества» (с. 13).

- 7 -

Многообразие общественной, образовательной и научно-организаторской деятельности Святослава Ивановича Григорьева, причем не только – многообразие, но и напряженность приложения его воли, энергии и мысли во всех этих направлениях деятельности, – просто поражает. Он словно сказочно-легендарный герой Данко, созданный творческим гением Максима Горького, который вырвал из своей груди пламенное сердце, чтобы осветить путь, выводящий его народ из «мрака» и «тьмы», «горел» на «ниве» образовательного труда и просвещения, на «ниве» научного прорыва

ва России к ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции, в котором роль русского народа, роль русского языка, русской культуры, всей социокультурной исторической памяти будет особенно велика, ведь именно Эпоха Русского Возрождения (в моей оценке) родила в начале XX века не только советский социалистический прорыв, но и ноосферный прорыв в форме творчества В.И. Вернадского, родившего к концу его жизни учение о переходе Биосферы в Ноосферу.

Как социолог практического действия, Святослав Иванович в 2004 – 2005 годах успел побыть даже в должности вице-губернатора Алтайского края, отвечающего за социальный сектор. И в этой должности сделал немало для развития родного края.

Именно благодаря реализации ряда крупных международных и всероссийских проектов, масштабных программ под руководством Святослава Ивановича Алтайский край превращается в один из центров развития социологии и социологического образования, технологизации социального управления в России. По его инициативе и под его главным редакторством издаются: межрегиональный журнал «Образование и социальное развитие региона», «Сибирский социологический вестник». Он выполнял обязанности заместителя главного редактора журнала «Социология», члена редакционного совета журналов «Социс» и «Муниципальный мир».

Под руководством С.И. Григорьева было защищено более 40 кандидатских и более 20 докторских диссертаций. Им написано и опубликовано более 600 научных и учебно-методических работ.

Он занимал должности:

- декана факультета социологии Алтайского государственного университета (1991 – 2004 гг.);
- заместителя председателя Учебно-Методического Совета (УМС) по социологии и социальной антропологии;
- заместителя председателя Учебно-Методического Объединения вузов по образованию в области социальной работы при Минобрнауки РФ (2006 – 2010 гг.);
- проректора Российского гуманитарно-социального университета (РГСУ);
- заместителя декана социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Наряду с теоретическими исследованиями и обобщениями, С.И. Григорьев постоянно проводил мониторинговые социологические исследования по разным проблемным областям, как правило на основе социологических опросов в Алтайском крае и в Сибири. Примером может

служить монография С.И. Григорьева, А.С. Гришиной, О.В. Даровских, И.Э. Кошековой, Р.А. Трофимовой. «Эффективность федерального нацпроекта «Год культуры» в современной России: экспертная оценка и общественное мнение населения 2015-2016 гг.» (2017).

- 8 -

Святослав Иванович Григорьев ушел из жизни. Остановилось его пламенное сердце. Мы скорбим вместе с его родными, близкими, товарищами по Общему Делу, которое он вершил на благо России и ради будущего русского народа и всех народов России.

Теперь он духовными очами взирает на нас с высот «горного мира».

Он был настоящим русским человеком!

Он был великолепным мужем, отцом, семьянином! И боролся за возрождение ценности семьи, как института, обеспечивающего силу российской государственности.

Он был настоящим ученым!

Он был ярким представителем русской научной социологической школы, восходящей к творчеству М.М. Ковалевского, П.А. Сорокина и к творчеству советских социологов.

Он был настоящим патриотом! И гордился героической советской историей! Вел борьбу против разрушителей государства, социума России, русской культуры и русского языка, жизненных сил русского народа!

Он был сторонником возрождения «Русского Мира» и жизненных сил всего славянского мира!

Он был борцом за реализацию стратегии Ноосферного Прорыва, за возрождение мощи российской цивилизации в форме Ноосферной России!

Он оставил нам в наследство Социологию Жизненных Сил человека и общества, или как он её называл еще – виталистскую социологию, в том числе как её направление – виталистскую социологию образования! Она становится важной частью, проходящей формирование Неклассической или Ноосферной Социологии!

Он был настоящим другом, Человеком Чести и Внутреннего Достоинства!

Время познания Святослава Ивановича Григорьева как исторической личности нашего времени, русского ученого и мыслителя, «Рыцаря Правды» только наступает.

Он остается в рядах борцов за ноосферное будущее России и человечества!

Дорогой Святослав, пусть земля тебе будет пухом! И царствие тебе небесное!

Дорогой Святослав! Я вспоминаю наши с тобой встречи в Барнауле, в Горном Алтае, в Москве, в Санкт-Петербурге, в Новосибирске, на заседаниях диссертационного совета, на которых ты председательствовал, на заседаниях Ученого Совета Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов в Москве, в РГСУ, где я, по твоей инициативе, прочитал цикл лекций по ноосферизму и квалиметрии человека и образования, у меня дома, на юбилейной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского в Северо-Западном институте управления РАНХиГС при Президенте России и в здании Русского Географического Общества в Санкт-Петербурге, на конференции по ноосферному образованию в Смольном институте РАО в Санкт-Петербурге, на заседаниях Московского отделения Ноосферной общественной академии наук в здании Всероссийского центра уровня жизни (во главе с В.Н. Бобковым; в этом Центре и ты с В.И. Патрушевым работал короткое время), на организуемых тобой форумах и Всероссийских социологических конкурсах в пансионате «Подлипки» под Москвой, на которые ты постоянно меня приглашал и я выступал и в качестве лектора-докладчика, и в качестве эксперта.

Вспоминаю «Шукшинские чтения и торжества» в Сростских, одним из организаторов которых ты был, своё купание в Катунь, свое выступление на горе Пикет прямо с грузовика с речью о Василии Макаровиче Шукшине в 1997 году.

Вспоминаю свои встречи по твоей инициативе с руководством Алтайского казачества, с писателями (во главе с Вторушиным) и художниками

Барнаула – замечательными русскими людьми, патриотами России.

Вспоминаю, как мы отмечали твоё 50-летие в 1998 году в бане (с паром) с разговорами, как и положено у русских людей, о России и судьбе мира, о социологии и об образовании. В 2008 году я, к сожалению, на твоём 60-летию не был. Но именно в этом году я написал книгу «Эпоха Русского Возрождения в персоналиях. Том I. Титаны Русского Возрождения», которую я посвятил «Богатырям русской науки на рубеже XX и XXI веков», список которых открывал ты – Святослав Иванович Григорьев, и которые, в моей формулировке, «творят новое видение мира в России в XXI веке». Не смог я, дорогой Святослав, побывать на твоём 70-летию в 2018 году, но мысленно я был с тобой.

Вспоминаю твои периодические обращения к «Русскому Человеку», в которых ты давал свои анализ и оценки происходящему в стране.

Дорогой Святослав! Ты не умер, ты живёшь в памяти и в сердце не только близких тебе людей и друзей, твоих многочисленных учеников, но и в памяти «культурной» и «научной» России!

Время оценки твоих деяний впереди!

Твой

Субетто Александр Иванович,

президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ (в области образования), Лауреат Премии П.А. Сорокина (2011), Лауреат Премии и Серебряной медали Н.Д. Кондратьева (1995)

Уважаемые читатели!

**Журнал «Уровень жизни населения регионов России» включён
в список изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для опубликования результатов диссертационных исследований,
имеет Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
DOI 10.24411/ ISSN 1999-9836.**

**Журнал «Уровень жизни населения регионов России» в 2019 году
выходит в свет ежеквартально на бумажном носителе.**

Индекс журнала в Объединенном каталоге «Пресса России» – 71187.

ПРАВИЛА ПО КОМПЛЕКТНОСТИ РУКОПИСЕЙ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

Общими критериями материалов, принимаемых для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России», являются актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах.

Статья должна быть оригинальной, ранее не опубликованной, не нарушающей авторских прав третьих лиц (в случае нарушения авторских прав, вся полнота ответственности лежит на отправителе подобных материалов в редакцию). Текст статьи может сопровождаться иллюстративными материалами (таблицы, схемы, графики, диаграммы и т.д.), оформленными согласно настоящим требованиям. Объём статьи 0,5–1,0 п. л. (20 000–40 000 печатных знаков с учётом знаков препинания, цифр и пробелов).

Аннотация

Аннотация должна обрисовывать общую направленность статьи и формулировать её основные результаты. В аннотации следует использовать основные ключевые понятия, относящиеся к представляемой статье, имея в виду, что большинство современных информационных систем осуществляют контекстный поиск только по названиям и аннотациям научных публикаций. Объём аннотации 250–400 слов.

Структура аннотации

В аннотации, согласно требованиям ВАК, нужно отразить следующие элементы:

* «Объект»;

* «Предмет» (если в статье есть эмпирические исследования, указывается «Предмет», затем – два подзаголовка: «Теоретическая сторона предмета», «Эмпирическая сторона предмета»);

* «Цель»;

* «Основные теоретические положения статьи», или «Основные теоретические и эмпирические положения статьи».

Структура статьи

Статья должна быть разбита на разделы, а при необходимости – подразделы и более мелкие структурные единицы. Первым разделом статьи должно быть введение. В нём рекомендуется чётко обрисовать объект исследования и привести краткий обзор опубликованных по данной теме работ (3–4 ссылки на источники, опубликованные в течение последних трёх лет). Если статья имеет большой объём, во введении следует ознакомить читателя с её структурой.

Требования к оформлению статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word, записывается с расширением .doc, docx, или rtf. В названиях указываются фамилии автора и название статьи.

Статья должна содержать следующие элементы:

* УДК – универсальная десятичная система классификации информации и картотек.

* Блок 1 – название статьи на русском языке, под ним англоязычное название.

* Блок 2 – данные об авторах на русском языке: фамилия, имя, отчество полностью, должность, учёная степень, учёное звание; адресные данные автора (-ов); организация(-и), электронная почта всех авторов (шрифт Times New Roman, размер – 10 пт).

* Блок 3 – на английском языке: информация блока 2 в той же последовательности.

* Блок 4 – на русском языке: аннотация и ключевые слова (5–7 слов) или словосочетания, разделённые точкой с запятой. Аннотация выделяется курсивом, шрифт Times New Roman, размер – 10 пт.

* Блок 5 – информация блока 4 в той же последовательности на английском языке.

* Блок 6 – полный текст статьи на русском языке с употреблением буквы ё (шрифт основного текста Times New Roman, размер основного текста – 12 пт (для таблиц использовать 10 пт); поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см; межстрочный интервал – полуторный; отступ первой строки – 1,25; выравнивание текста – по ширине; ссылки на формулы

даются в круглых скобках; формулы набираются в редакторе формул Word.

Рисунки и таблицы выполняются только в чёрно-белом варианте! Таблица или рисунок не должны превышать 0,5 страницы формата А4. На все рисунки и таблицы должны быть указаны ссылки на их источник. **Рисунки допускаются только в формате .jpg.** Допустимо сохранять и вставлять сделанные с помощью инструментов Word графики **только при условии сохранения их в виде рисунков** (в файле, сдаваемом авторами в редакцию, графики могут быть только чёрно-белыми рисунками .jpg). Названия таблиц и рисунков необходимо указывать на русском и английском языках (англоязычное название набирается в отдельной строке, под русскоязычным названием).

При наличии финансирования (НИР и/или гранты) соответствующая информация указывается в основном тексте статьи после заключения, в разделе «благодарность».

* Блок 7 – список литературы на русском языке. Название «Список литературы». Списки литературы оформляются по алфавиту в соответствии с библиографическими требованиями (ГОСТ Р 7.05-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления») в едином формате, установленном РУНЭБ. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках, в которых указывается номер источника по списку литературы и номер страницы.

Пример отсылки к списку литературы в основном тексте статьи: [1, с. 23].

На все источники литературы должны быть ссылки в тексте работы.

Список литературы должен состоять не менее чем из 15 источников с обязательным цитированием зарубежных авторов в объёме не менее 10%.

* Блок 8 – транслитерированный список литературы (название «References»).

Пример транслитерации источника:

9. Losev, AF. Istoriya antichnoy estetiki. Posledniye veka. Kniga 2. M.: Folio, 2000, pp. 124-128.

Для выделения в тексте допустимо полужирное и курсивное написание. Примеры рекомендуется выделять курсивом, названия разделов, новые термины и понятия – полужирным шрифтом. Примечания оформляются курсивом, шрифт Times New Roman, размер – 10 пт. **Запрещено использовать ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ, разряд к у через пробел и подчеркивание; подстрочные ссылки.**

Перечень дополнительных материалов, прилагаемых к статье: отчёт электронной проверки на плагиат, согласие на обработку персональных данных (в связи с тем, что информация об авторах публикуется в печатном издании, а также размещается в открытом доступе в сети Интернет в электронной версии журнала).

Прочие условия публикации

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования материалов. Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции. Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причинённый третьим лицам в случае направления в редакцию материалов, нарушающих этические нормы и/или авторские права.

Автору может быть отказано в публикации, если:

* статья не оформлена в соответствии с настоящими правилами;

* автор отказался от доработки статьи согласно требованиям редакционной коллегии и рецензента;

* автор не учёл конструктивные замечания рецензента и не исправил статью в назначенный редакцией срок;

* текст не прошёл проверку на плагиат (% заимствований превышает нормы ВАК).

Окончательное решение о публикации материала принимает редакционная коллегия.

Адрес редакции: Российская Федерация

117218 Москва, Нахимовский проспект, д.32.

Телефон: +7 499 125 1751

Email: vcugjournal@mail.ru; bobkovn@mail.ru

Пример оформления статьи:

УДК 331.5

ПРОФИЛИ НЕУСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

Identifying the Profile of Precarious Employment In Russia

ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Email: ivanov@mail.ru

IVANOV, II.

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Chair of Labour Economics, Plekhanov Russian University of Economics

Email: ivanov@mail.ru

Аннотация.

Объект. Неустойчивая занятость.

Предмет. Профиль неустойчивой занятости.

Цель. Выявление профиля неустойчивой занятости в России на основе анализа баз данных о занятости населения.

Основные положения статьи. Неустойчивая занятость (прекаризация занятости, англ. – *precarity of employment*) – вынужденные для работника социально-экономические отношения, ...

Ключевые слова: неустойчивая занятость; профиль неустойчивой занятости; «Работа в России»; «Super Job»; «Head Hunter».

Abstract

The Object of the Study. Precarious employment.

The Subject of the Study. Profile of precarious employment.

The Purpose of the Study. Identifying the profile of precarious employment in Russia on the basis of the analysis of databases on employment.

The main Provisions of the Article. Precarious employment (*precarity of employment*) is forced to the employee socio-economic relations ...

Keywords: precarious employment; the profile of precarious employment; «Work in Russia»; «Super job»; «Head Hunter».

1. Введение

Современная экономика и сфера труда характеризуются распространением гибких, краткосрочных и переходных форм занятости [11; 3].

Основная часть

В формальной экономике доля работников, находящихся в *неустойчивых формах занятости* по устной договоренности без оформления документов о трудоустройстве, а также не на основе бессрочных трудовых договоров, составляла в 2016 г. от 8,5% до 12,2% (таблица 1).

Таблица 1

**Доля наёмных работников с неустойчивыми формами занятости
(на основе наличия и вида трудового договора; основная работа, 2016 г.)**

Table 1

The Proportion of Wage Earners With Unstable Employment Patterns
(Based on Availability and Type of Employment Contract; Main Job, 2016)

	В %*
Доля наёмных работников, занятых на основе устной договоренности без оформления документов	3,8/7,5

* На основе данных Росстата [7].

Дополнительную информацию о профиле неустойчивости занятости можно получить из анализа по резюме распределения лиц, готовых работать с заработной платой ниже ПМтр, по возрастам (рисунок 1).

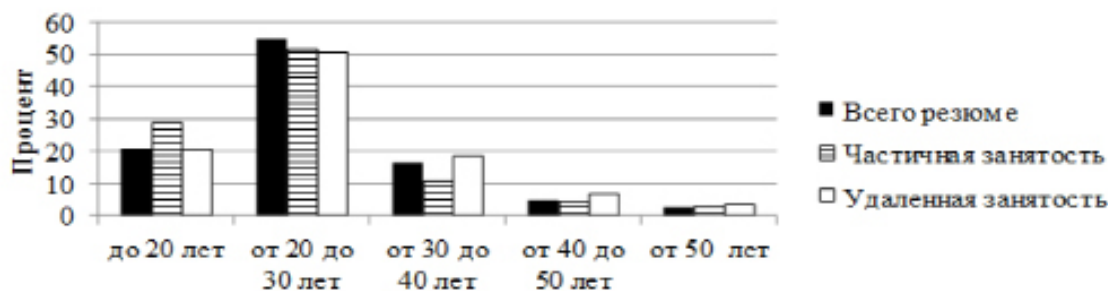

Рисунок 1. Распределение лиц, готовых получать заработную плату ниже ПМ, по возрастам (HeadHunter)

Picture 1. Distribution of Persons Willing to Receive Wages Below the Subsistence Minimum by Age (HeadHunter)

Расчёт производится по формуле (1):

$$BPI = 15,1197 \cdot ЦмБ^{0,527} \cdot ЦмБ^{0,245} + e(t) \quad (1)$$

Заключение

...

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке фонда..., проект №..., название проекта: « ».

Список литературы

1. Бобков В.Н., Черных Е.А. Влияние неустойчивой занятости на переходы молодёжи на рынке труда //Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 3 (193).
2. Employment, Skills and Human Capital Global Challenge Insight Report «The Future of Jobs Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution» World Economic Forum. 2016. 167 p.

References

1. Bobkov, VN, Chernykh EA. Vliyaniye neustoychivoy zanyatosti na perekhody molodyozhi na runke truda //Uroven' Zhizni Naselenia Regionov Rossiya. – 2014. – № 3 (193).
2. Employment, Skills and Human Capital Global Challenge Insight Report «The Future of Jobs Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution» World Economic Forum. 2016. 167 p.